ВЗГЛЯДЪ

НА РАЗВИТІЕ УЧЕНІЯ

О НАЛОГѢ

у экономистовъ А. Смита, Ж.-Б. Сея, Рикардо, Сисмонди и Д.-С. Милля.

М. М. Алексѣенко.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

1870.

H5
9917

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ. 15 Сентября, 1870 года.

Die Gesammtwirthschaft mit einem aus den Beiträgen der Einzelwirtschaften gebildeten Nationalkapital ist nur eine besondere (höchste) Form, welche die Volkswirtschaft annimmt, einer nothwendiger Haupttheil derselben. Sie ist die allgemeinste Grundlage und Form menschlicher Kulturentwicklung. Das Organ derselben ist der Staat, der hierin seine wahre, seine einzige Bedeutung hat. — Ein entsprechendes Verhältniss beider Theile der Volkswirthschaft (Einzelwirthschaften und Gesammtwirthschaft) ist eine nothwendige Bedingung zu gesunder Entwicklung derselben.

K. Dietzel, System der Staatsanleihen. S. 17, 18, 76, 79, 89

Въ нашъ вѣкъ, по словамъ Д. С. Милля, чувствуется неизбѣжность общаго пересмотра многихъ коренныхъ принциповъ. Послѣднее столѣтіе заключилось печальною драмою, кровавымъ, насильственнымъ рѣшеніемъ накопившихся соціальныхъ неправдъ во имя правъ человѣка и гражданина. Рѣшеніе это оказалось проявленіемъ грубой физической силы, неодушевленной ясно сознаннымъ планомъ дѣйствія. Поэтому положеніе дѣлъ осталось прежнее: въ эпоху реакціи, отлива, снова показались наружу старинныя язвы, хотя, быть можетъ, и въ нѣсколько иной формѣ. Даже самая негодность пущеннаго въ ходъ способа (и способа не новаго) рѣшенія общественныхъ вопросовъ не вошла твердо въ общее сознаніе, которое было оглушено послѣдующими событіями, громомъ побѣдъ и т. д. Но мыслящихъ людей вмѣстѣ съ сознаніемъ тяжести и страданій, вытекающихъ изъ анормальности практики, должно было давить и горькое разочарованіе въ состоятельности испробованнаго средства, ко-

торое и должно было направить умы изслѣдователей къ изысканію способа исцѣленія человѣчества, гармонирующаго съ его положеніемъ, а не ниспровергающаго все прошлое при неумѣньи построить новое. Начались разнообразныя изслѣдованія общественной жизни, распавшіяся на лагери; отчасти они примкнули къ старинной обработкѣ общественныхъ вопросовъ въ видѣ наукъ политическихъ и юридическихъ, отчасти пристроились къ новому направленію, родившемуся съ половины прошлаго столѣтія (1758) въ старой Франціи. Работали эти различные изслѣдователи особнякомъ; рабочіе одного направленія часто относились враждебно къ рабочимъ другаго. Такъ, юристы смотрѣли на всякое стремленіе экономистовъ къ сближенію, къ болѣе широкому взгляду на общественные вопросы, какъ на посягательство, какъ на наглое и неумѣлое вторженіе въ чуждые предѣлы старой, точно отмежеванной науки. А между тѣмъ, вздрагиванія, судорожныя потрясенія въ общественномъ организмѣ, въ самыхъ глубокихъ, подавленныхъ частяхъ его, указывающія на органическій порокъ, вызывали пытливость, реформаторскій духъ, давали критическій характеръ всей эпохѣ.

Принципъ для критики былъ данъ; это — неотчуждаемыя, естественныя права человѣка. Во имя его отрицались господствующія теоріи, поднимались разные новаторы, согласные въ исходной цѣли, въ принципѣ, представляющіе самое поразительное разногласіе въ пониманіи настоящаго положенія и средствъ для выхода, т. е. въ самомъ существенномъ. Такимъ образомъ безурядицѣ въ жизни соотвѣтствовало хаотическое состояніе науки, которая въ свою очередь воздѣйствовала на практику. А жизнь принимала самыя крайнія поученія, которыя были наиболѣе по-плечу для ея пониманія, и снова повторяла свои неудачныя пробы. Поэтому понятны совѣты, которые преподавалъ нетерпѣливой демократіи глубокій, но непонятый и одинокій мыслитель текущей эпохи П. Прудонъ на-канунѣ катастро-

фы 1848-го года: «Всѣ демократическія воззванія къ власти, на которыхъ, какъ на послѣднемъ средствѣ, за недостаткомъ истиннаго рѣшенія, остановилось дѣло, я считаю совершенно ничтожными, потому что власть, въ чьихъ бы рукахъ ни была, ничего не можетъ сдѣлать въ сущности, кромѣ того, что она дѣлаетъ и теперь, — отсюда безсиліе революціонныхъ правительствъ предъ задачами, за которыя они брались. Я отвѣчаю поэтому демократамъ: если вы такъ ясно представляете себѣ то употребленіе, которое вы сдѣлали бы изъ власти, если-бы она была въ вашихъ рукахъ, для достиженія общаго согласія, то вы владѣете секретомъ экономическаго порядка; а если это такъ, то вамъ непужно власти, чтобы перестроить экономическія отношенія: съ вашимъ секретомъ вы сильнѣе всякой власти» (Contradictions économiques. 2-me édit. Tom. I. p. 333—338. Настоящее мѣсто приведено по резюмированнымъ выдержкамъ *Ю. Г. Жуковскаго* «Прудонъ и Луи-Бланъ», стр. 39). Но черезъ 16 лѣтъ Прудонъ съ грустію говоритъ: «Jamais souverain ne se montra moins, pas l'intelligence, à la hauteur de sa mission que la démocratie au XIX siècle. Ce n'est pas sa faute assurément; mais l'excuse ne rachète pas l'incapacité, et cette incapacité nous tue» (Théorie de l'impôt. Hommage d'aut.).

Среди толковъ различныхъ партій не было мѣста для истинной — объективной науки, взвѣшивающей съ одинакимъ безпристрастіемъ требованія всѣхъ сторонъ, одинаково бережно относящейся ко всяческимъ интересамъ. Самые коренные вопросы не были еще рѣшены среди разгара страстей и увлеченія разными поверхностными доктринами.

Основной пунктъ, можно сказать, ядро всѣхъ изслѣдованій— вопросы: что такое общество, что такое государство — были перапутаны, не смотря на рельефную постановку ихъ такъ называемыми соціалистами (Ср. *Н. Х. Бунге*, Историч. очеркъ экономическихъ ученій. 1868, ст. 42—77), не смотря на прак-

тическія данныя, которыя давала статистика въ подтвержденіе положенія о всесильномъ вліяніи общества на физическій и интеллектуальный складъ человѣка, на всю его жизнь.

Вспомнимъ, что̀ уже говоритъ объ обществѣ великій утопистъ XVI вѣка (Томасъ Моръ), по поводу немощей окружающей его жизни (Ср. *Ю. Г. Жуковскій*, Политическія и общественныя теоріи XVI вѣка), вспомнимъ, съ какою рѣзкостью и отчетливостью формулируетъ Кетле (Quetelet) мысль о невѣжествѣ, развратѣ, преступленіяхъ и др. порожденіяхъ общества.

Былъ поставленъ вопросъ, былъ данъ и принципъ, но имя котораго шла лихорадочная разработка. Но не было самаго главнаго: не было пониманія общества, относительной роли его составныхъ элементовъ, знанія фундамента, краеугольнаго камня, на которомъ зиждутся всѣ выводные привлекающіе вниманіе факты и къ анализу котораго надо прежде всего приступить для истиннаго пониманія жизни и для ея реформировки. Не была познана идея общественной жизни, общества, которая должна стать центральнымъ, примирительнымъ пунктомъ для всѣхъ производимыхъ съ различныхъ точекъ зрѣнія изысканій объ общественныхъ явленіяхъ, свести ихъ въ одну общую науку объ обществѣ (соціологію), и этимъ путемъ водворить гармонію во взглядахъ, вызвать дружную и обильную результатами работу, одушевляемую единствомъ пониманія. Такимъ образомъ ясно обрисовывается задача нашего времени: пересмотрѣть, объяснить и провести въ общее сознаніе идею общественной жизни и показать условія ея осуществленія на пользу общечеловѣческому благосостоянію. Такова роль науки, если она желаетъ принимать дѣятельное участіе въ тяжеломъ процессѣ жизненнаго движенія, а не прятаться съ дешевымъ самодовольствомъ въ кабинеты или оправдывать временныя и несовершенныя формы жизни, выдавая ихъ за безусловныя требованія какой-нибудь отвлеченной идеи. Die wissenschaftliche Erkenntniss

hat die Aufgabe, die Erscheinungen des thatsächlichen Lebens zu verstehen, sie in ihrem wahren Wesen aufzufassen (*Dietzel*, 19—20, и далѣе онъ признаетъ, dass ein longdauernder Widerspruch zwischen den Thatsachen und den Lehrsätzen der Systeme eher auf einer Einseitigkeit der letzeren, als auf einer Verkehrtheit und Folgewidrigkeit der ersteren beruhen möchte). L'objet des hommes, qui enseignent la science sociale est d'indiquer les obstacles, qui jusqu'à présent se sont opposés à un progrès ultérieur, et les moyens de les atténuer, si l'on ne peut les faire disparaître, говоритъ *H. Carey* (Principes de la science sociale, trad. par Leduc et Planche, t. III, p. 475). Въ мірѣ человѣческомъ, какъ мірѣ нравственномъ, все зависитъ отъ сознанія, отъ бо́льшей или меньшей ясности мысли, которая руководитъ волею; поэтому все дѣло въ проясненіи этого Rechtsbewusstsein, которое творитъ право и государство. Изъ шаткости, темноты сознанія вытекаетъ слѣпота воли, механичность и безсознательность дѣятельности. А тѣмъ болѣе темно это сознаніе въ наше тяжкое, всѣми признаваемое за переходное, время, когда жизнь представляетъ страшную путаницу, невообразимую амальгаму уже отжившихъ, но развившихся исторически и крѣпко вцѣпившихся интересовъ съ новыми дающими о себѣ знать силами, которыя прорываются, требуютъ своей роли, простора. Величайшій умъ настоящаго вѣка (О. Контъ) объясняетъ весь хаотическій безпорядокъ міросозерцанія, т. е. основной базы человѣческихъ дѣйствій, одновременнымъ существованіемъ теологическихъ, метафизическихъ и положительныхъ доктринъ и необходимо вытекающею отсюда борьбою между представителями этихъ толковъ, т. е. поборниками различныхъ интересовъ, живущихъ въ обществѣ. Показать основу общественной жизни, которая признается естественнымъ состояніемъ человѣка,—вотъ что должна дать идея государства, душа его дѣятельности, эта Gewissen der Verwaltung. Наше время и

представляетъ попытки построенія этой идеи; но основъ для этого построенія оно ищетъ не въ безусловныхъ категоріяхъ чистой мысли, а въ анализѣ настоящей и прошедшей жизни человѣчества. Я изложу въ общихъ чертахъ ученіе объ идеѣ государства Л. Штейна, которое мнѣ кажется поучительнымъ и глубокимъ, не смотря на внѣшніе метафизическіе покровы.

Идея государства опредѣляетъ его дѣятельность — управленіе; а въ этой дѣятельности государства и все дѣло, потому что здѣсь рѣшается вопросъ: что же за сила государство, каково ея вліяніе на судьбу человѣка и откуда она черпаетъ характеръ этого вліянія. «Разумное основаніе государства состоитъ въ разрѣшеніи имъ основнаго противорѣчія, коренящагося въ природѣ человѣка. Съ одной стороны, личность ist an sich, in ihrem innersten Wesen ungemessen und unendlich; съ другой — sie zugleich in ihrer Wirklichkeit fast unendlich begränzt und unmächtig. Такимъ образомъ обреченная на безконечное развитіе личность неспособна въ то-же время сама единично работать для осуществленія собственнаго же назначенія. Только соединеніе такихъ личныхъ, въ-отдѣльности ограниченныхъ, силъ можетъ дать искомую безконечность, осуществить это стремленіе, потому что оно восполняетъ силы недѣлимаго. Это соединеніе, эта множественность, выступая съ задачею, одинаково важною для всякаго члена, уже представляется единствомъ, организуется по типу личности, другими словами—является, говоритъ Штейнъ, общественностью (Gemeinschaft). Безъ такой общественности единичный человѣкъ былъ бы не болѣе, какъ ein absoluter unlösbarer Widerspruch. Общественность, составляя нѣчто само отъ себя зависящее, обусловливающее жизнь личности, сама возводится до личнаго бытія и въ этомъ видѣ, какъ дѣятельная сила, является государствомъ. Свойствомъ силы опредѣляется характеръ ея дѣйствія; поэтому каждый процессъ совмѣстной жизни людей, каждая функція государства покоится въ-концѣ-концовъ на

означенной этической основѣ и только подъ этимъ условіемъ и можетъ быть понята. Дѣятельность государства, управленіе, должна быть запечатлѣна тою-же мыслію, должна представляться практическимъ стремленіемъ къ разрѣшенію основнаго противорѣчія, которое вызвало и самое существованіе государства. Die Entwickelung der Einzelnen ist das Ziel der Verwaltung. Дѣятельность государства и состоитъ въ томъ, dass der Einzelne einen Theil seines eigenen persönlichen Lebens hingibt, der dann der Gemeinschaft, das ist jetzt dem Staate gehört. Вопросъ, повидимому, рѣшается еще бо́льшимъ противорѣчіемъ, потому что человѣкъ жертвуетъ своею собственною самостоятельностью для того, чтобы восполнить самостоятельность другой личности. Но эта жертва составляетъ необходимое условіе собственнаго же развитія человѣка; поэтому in der That gibt der Einzelne sich selbst das, was er gibt; er gibt es sich selbst durch die organische Vermittlung des persönlichen Staats, der es von ihm empfängt. Такимъ образомъ вся дѣятельность государства, все управленіе ist am letzten Orte nichts als der grosse Process der freien Hingabe von dem Einzelnen an den Staat und ein Wiedergeben an den Einzelnen durch den Staat. Но этотъ процессъ пожертвованій съ одной стороны, и возврата съ другой— нуждается въ опредѣленіи порядка и мѣры, дать которое есть дѣло государства, потому что это необходимо для успѣшнаго достиженія цѣли (т. е. привести въ порядокъ и соразмѣрность пожертвованія съ одной стороны и задачи государства съ другой). Поэтому der Staat hat es daher auch in seiner Verwaltung überhaupt gar nicht mit etwas zu thun, das sein eigen wäre, sondern mit dem, was der Gemeinschaft vermöge des Einzelnen und umgekehrt, angehört (47). Еще рельефнѣе выражается сущность воззрѣнія Штейна въ слѣдующихъ словахъ: Seine (des Staats) Verwaltung ist daher in der That als die in persönliche Form gebrachte, Gegenseitigkeit Aller unterein-

ander, die persönliche Gestalt der Harmonie der Entwicklung der Menschheit. Представляя собою единство силъ недѣлимыхъ (er die geistige Kraft Aller in sich fasst), государство является могучимъ въ своей дѣятельности, потому что его задача—дать условія для безконечнаго развитія человѣчества. Но оно можетъ оказывать и обратное дѣйствіе, можетъ давить и забивать отдѣльныхъ лицъ со всѣхъ сторонъ, если оно слѣдуетъ фальшивому направленію, если считаетъ человѣка не цѣлью, а средствомъ.—Какъ же должна дѣйствовать эта могучая сила, когда она имѣетъ въ виду осуществленіе своего призванія? Предъ нимъ стоитъ живая личность, человѣкъ, съ его отличительнымъ свойствомъ — считать своимъ только то, что пріобрѣтено собственными силами, чувствовать довольство только тогда, когда онъ составляетъ истинный источникъ того, чѣмъ обладаетъ; все же, что является человѣку извнѣ, безъ всякаго труда съ его стороны, унижаетъ его, возбуждаетъ въ немъ непріятное и тяжелое чувство. Такимъ образомъ государство должно способствовать счастью человѣка, представляя ему возможность, средства достигать личнаго, хозяйственнаго и общественнаго развитія, ставя его дѣятельность въ такія условія (которыхъ не можетъ создать самъ отдѣльный человѣкъ), чтобы, воспользовавшись ими, человѣкъ могъ самъ, своими личными силами достигнуть духовнаго и матеріальнаго богатства. Вотъ глубокій принципъ государственной дѣятельности,—управленія. Для осуществленія въ дѣйствительной жизни онъ требуетъ существованія двухъ условій: а) пониманія государствомъ дѣйствительнаго существа человѣческой личности и вытекающаго отсюда чувства сдержанности; но это чувство трудно сохранить: государство есть сила и каждая сила стремится хватить черезъ край, т. е., можетъ быть даже во имя общаго блага, уничтожить самое дорогое—самостоятельность подданныхъ. Самая лучшая гарантія въ этомъ случаѣ — самоуправленіе; безъ

nero wird dasselbe (Gefühl) stets entweder bloss eine sittliche Forderung, oder ein inhaltsloses Wort bleiben (60); b) съ другой стороны, онъ требуетъ знанія дѣйствительныхъ, жизненныхъ отношеній, свободнаго и практическаго созерцанія дѣйствительной жизни, потому что конкретная граница для дѣятельности государства обозначается даннымъ положеніемъ народа, степенью его развитія. И практическая политика именно въ томъ и состоитъ, чтобы изъ сопоставленія этихъ двухъ требованій вывести истинную мѣру и цѣлесообразную форму для дѣйствительнаго управленія даннаго народа».

Вотъ ученіе Штейна о государствѣ и его дѣятельности (Die Verwaltungslehre, B. II. SS. 43—61). Въ заключеніе я приведу цитату, въ которой какъ-то живѣе обозначается роль государства. Для государства, какъ для единства отдѣльныхъ лицъ, о которыхъ оно заботится, каждый индивидуумъ представляется не только его ближнимъ, но частью его самого. Поэтому indem Staat daher seine Hand öffnet und seine Kräfte für den Einzelnen anstrengt, um demselben zu geben, was er nicht hat, gibt er im Grunde sich selber. Was der Einzelne gewinnt, gewinnt der Staat; es ist ein Kreislauf, in welchem alles, was der Staat thut, zum Staate zurückkehrt» (S. 58). Мнѣ кажется, что не смотря на метафизическіе покровы, на эти различныя олицетворенія, здѣсь такъ и сквозитъ реальное, хозяйственное воззрѣніе на государство, имѣющее своею основою дѣйствительное положеніе дѣлъ. Съ экономической точки зрѣнія общество представляется совокупностью отношеній, вытекающихъ изъ хозяйственной организаціи извѣстной группы человѣчества, изъ степени развитія хозяйственныхъ силъ и соотвѣтствующаго состоянію этихъ послѣднихъ разнообразія экономической дѣятельности. Отношенія эти по самой своей сущности слагаются въ извѣстный организмъ, посредствомъ котораго совершается общенародное производство,

удовлетворяются разнообразныя нужды, на-сколько позволяетъ успѣшность труда, распредѣляются занятія, производится разсчетъ разнообразныхъ производителей, передѣлъ, распредѣленіе продуктовъ. Такимъ образомъ общество есть только форма, отображеніе, внѣшнее выраженіе явленій другаго порядка, — явленій хозяйственныхъ. Die Beförderung der Wohlfahrt aller Staatsangehörigen, des ganzen Volkes, durch die Wirkung der vereinigten Kräfte Aller seitdem als der hauptsächlichste Zweck der Staatsverbindung mit Bewusstsein verfolgt wird — говоритъ Дицель. Вся дѣятельность человѣка вытекаетъ изъ желанія удовлетворить своимъ нуждамъ. Изъ невозможности единичнаго удовлетворенія выходитъ сотрудничество, сначала въ самой естественной формѣ семьи; за-тѣмъ являются новыя, болѣе сложныя формы. L'association dépend du développement d'individualité qui se développe en raison de la diversité des modes d'emploi et de la diversité qui s'ensuit dans la demande qui est faite pour production des pouvoirs humains (t. III. p. 474), говоритъ Кэри, ein neuer freilich ebenso wunderlicher, als origineller Schriftsteller, какъ отзывается о немъ Шеффле. Но сущность остается та-же; всюду общество строится на экономической основѣ, на отношеніи способовъ производства. Возьмемъ настоящую форму общественной жизни. Для наиболѣе успѣшнаго достиженія цѣли — удовлетворенія нуждъ, трудъ человѣческій раздѣлился, явилось множество разныхъ отраслей производства, которыя всѣ имѣютъ въ виду одну цѣль — доставить удовлетвореніе одному, такъ сказать, среднему человѣку. Ясно, что для этого разнообразные производители должны войдти между собою въ отношенія, во взаимнодѣйствіе, соединиться въ общество. Такимъ образомъ общество является выраженіемъ солидарности, взаимности (Gegenseitigkeit) людей; его raison d'être въ томъ, чтобы свести различныхъ производителей между собою, подѣлить между ними занятія и продукты такъ, чтобы изъ этого вышло наи-

болѣе полное удовлетвореніе нуждъ, наибольшая сумма счастья для всѣхъ отдѣльныхъ производителей. Какъ же общество осуществляетъ свою задачу — счастье своихъ членовъ? Вездѣ жизнь гражданскаго общества представляетъ ein buntes Vielfaches durcheinander und gegeneinander laufender Interessen (Шеффле), которые въ сущности всѣ имѣютъ одинъ и тотъ-же характеръ, хотя и окрашиваются въ различные цвѣта, вслѣдствіе разнообразія дѣятельности. Задача государства именно въ томъ, чтобы представить единство въ ихъ стремленіяхъ, обратить хаосъ отношеній въ порядокъ, въ гармонически-совокупное движеніе, въ которомъ бы всѣ, каждый работая на своемъ мѣстѣ, взаимно другъ другу помогали и другъ друга развивали (Gemeinsame Grundlage aller Einzelwirthschaften); другими словами — организовать общественное производство (Rechtsordnung), socialer Zustand), направить совмѣстное дѣйствіе хозяйственныхъ силъ къ одной цѣли (une gestion d'intérêts collectifs), водворить солидарность, миръ между отдѣльными хозяйственными категоріями (устроить die Verhältnisse des Verkehrs). Вотъ въ чемъ задача государства, выполненіе которой ясно показываетъ ея условность, потому что оно должно сообразоваться съ данными обстоятельствами мѣста и времени, съ нуждами общества и имѣющимися на-лице средствами удовлетворенія; отсюда выходитъ большее или меньшее разнообразіе личностей и дѣйствій, а это разнообразіе и видоизмѣняетъ задачу государства, которое различными способами должно сводить его къ единству. Поэтому-то я и сказалъ, что экономическое воззрѣніе на государство всегда имѣетъ въ виду фактическое положеніе дѣлъ. Среди разнообразныхъ и шаткихъ политическихъ мнѣній о границахъ государственной дѣятельности экономическая точка зрѣнія вноситъ твердый принципъ для разрѣшенія запутанныхъ вопросовъ. Посредствомъ анализа настоящаго положенія общества экономическая наука приходитъ къ выводу, что основный принципъ частнаго единичнаго хозяй-

ства — мѣновая конкурренція (Tauschconcurrenz) — не можетъ удовлетворить всѣхъ существующихъ на-лицо потребностей членовъ общества по различнымъ причинамъ: есть продукты и услуги, которые, удовлетворяя извѣстнымъ нуждамъ, сразу служатъ всѣмъ лицамъ и притомъ каждому неизмѣримымъ образомъ; другія нужды для своего удовлетворенія требуютъ исключительнаго, монопольнаго производства; есть необходимыя предпріятія, веденіе которыхъ безусловно превосходитъ силы частныхъ лицъ; есть услуги, которыя необходимы для отдѣльныхъ членовъ общества, но на которыя тѣмъ не менѣе никогда нельзя ожидать съ ихъ стороны спроса, а слѣдовательно и добровольной оплаты. (Ср. *Schäffle*, Nationalökonomie. 345—352; *Dietzel*, 16—17, 78; *Proudhon*, Théorie de l'impôt. 48—51). Ясно, что такія услуги должны быть результатомъ дѣятельности особеннаго хозяйственнаго организма. Такой организмъ и есть государство, овладѣвающее общими нуждами данной группы людей и стремящееся къ удовлетворенію ихъ или только посредствомъ сближенія частныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, или и посредствомъ собственной дѣятельности. Государство — это die grösste Fabrik der bürgerlichen Gesellschaft *(Schäffle)*, ein Zweig der wirthschaftlichen Arbeit *(Dietzel)*, отдѣльная отрасль производства, вырабатывающая особые продукты, представляющая отдѣльный членъ въ области общаго народнаго хозяйства. Отсюда ясно, что, какъ частная экономическая категорія, государство должно подчиниться общему закону хозяйства: Mit möglichst geringen Opfern an Arbeits und an Gütervermögen möglichst vollkommene Befriedigungsmittel menschlicher Bedürfnisse erzeugen und in der Consumtion mit möglichst geringem Güteraufwand die vollkommenste, planmässigste und nachhaltigste Befriedigung hervorbringen *(Schäffle*, §§ 1, 7, 177). Душа хозяйственности — дешевизна; во имя ея является государственное хозяйство, которое лишь на-столько и можетъ быть оправдано, на-сколько его

функціи не могутъ быть такимъ-же хозяйственнымъ образомъ отправляемы единичными хозяйствами, основанными на личномъ интересѣ и конкурренціи. Такимъ образомъ легко выводится основной политическій принципъ, который всегда должно имѣть въ виду государство — давать возможно широкій просторъ дѣйствіямъ личнаго интереса (Ср. *Stein*, S. 11, 18). Какъ-скоро этотъ личный интересъ (частно-предпринимательная дѣятельность), или естественное или добровольное соединеніе силъ (различныя формы кооперації) могутъ болѣе хозяйственнымъ образомъ выполнить какую-нибудь задачу, составляющую достояніе государственной дѣятельности, задача эта должна должна быть вычеркнута изъ обязанностей государства во имя дешевизны, которая лучше достигается при непосредственномъ знаніи и интересѣ; и всякій такой переходъ должно привѣтствовать, какъ хорошій знакъ. Итакъ, задачи государства въ исторіи мѣняются вмѣстѣ съ развитіемъ единичныхъ хозяйствъ. Но нельзя сказать, чтобы когда-нибудь эти задачи были сведены къ нулю. Развитіе частныхъ хозяйствъ можетъ отнять у государства развѣ только непосредственную дѣятельность для прямаго удовлетворенія нуждъ (да и то еще это вопросъ) [Я говорю о такихъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ государства, которыя *Stein* называетъ регаліями или «wirthschaftliche Hoheitsrechte des Staats (Finanzwissenschaft. S. 134 — 137), да пожалуй о такихъ, услуги которыхъ оплачиваются посредствомъ пошлинъ—Gebühren (ibid. S. 151 — 161)]. Законъ возрастанія производства есть раздѣленіе труда, т. е. разнообразіе личностей и дѣйствій, запутанность и сложность отношеній, сблизить которыя, свести къ одной общей идеѣ—все-таки задача государства. Die Ordnung des Ganzen durch das Recht und die Ausübung des Rechts durch die Verwaltung stellt vermehrte und erschwerte Aufgabe (*Schäffle*. S. 336). Такимъ образомъ, представить классификацію государственныхъ функцій нѣтъ возможно-

сти; онѣ мѣняются, глядя по фактическому положенію дѣлъ, по ступени хозяйственнаго развитія. А вотъ эти специфическіе продукты и услуги, которые доставляетъ государство и которые удовлетворяютъ особымъ нуждамъ человѣческой жизни, и составляютъ то, что такъ неопредѣленно называется государственными издержками, государственными расходами, которые, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія единичнаго хозяйства, представляются предложеніемъ. — Теперь мы должны обратиться къ другой сторонѣ дѣла. Всякое предложеніе вызывается спросомъ, оплачивается сбытомъ. Въ области частнаго хозяйства уравненіе спроса и предложенія, взаимная оцѣнка и оплата различныхъ продуктовъ совершается посредствомъ игры частнаго интереса и свободной борьбы между производителями (Taschconcurrenz). Что же здѣсь служитъ замѣною конкурренціи, этого, какъ выражается Шеффле, могучаго рычага частной хозяйственности? Какимъ образомъ здѣсь классифицируются нужды, смотря по ихъ большей или меньшей настоятельности, и какимъ образомъ вызываемая ими хозяйственная дѣятельность удовлетворяетъ основному условію хозяйственности — дешевизнѣ, при отсутствіи соперничества и борьбы? Однимъ словомъ, какимъ образомъ устроить дѣло такъ, чтобы выполненіе государственныхъ задачъ государствомъ не вышло въ свою очередь высочайшею степенью антихозяйственности? Блага, которыя доставляются государствомъ, не могутъ быть подведены подъ понятіе мѣновыхъ благъ, а слѣдовательно и не могутъ оплачиваться мѣновою цѣнностью; если же нѣкоторыя изъ нихъ и приближаются къ мѣновымъ благамъ и окупаются цѣною, цѣна эта установлена по твердому и неизмѣнному тарифу: я говорю о пошлинахъ (Gebühren). Но вѣдь и всѣ остальныя блага, доставляемыя государствомъ, должны быть оплачены, и для этой оплаты надо найдти другое мѣрило соразмѣрности (Vergeltungsverhältniss); это — налогъ (Steuer). Оба основные элемента экономической

цѣнности (l'Etat rend ses services à prix de revient,.. les services de l'Etat doivent être reproductifs d'utilité—*Proudhon)* вызываются здѣсь иными регуляторами. Въ области единичныхъ хозяйствъ спросъ и данное состояніе цѣнъ вызываютъ употребленіе труда и капитала въ различныя отрасли производства; здѣсь этому соотвѣтствуетъ принятіе государствомъ извѣстныхъ задачъ, которое имѣетъ мѣсто, напр. при конституціонномъ порядкѣ послѣ обсужденія вопроса народными представителями и изъявленія ихъ согласія (конституціонное законодательство нормируетъ государственныя задачи). Тамъ соперничество производителей и средства покупателей представляютъ предѣлъ, до котораго должны доходить издержки производства продукта, чтобы они могли быть окуплены; здѣсь тѣ-же народные представители даютъ государству средства въ видѣ налоговъ и періодически регулируютъ размѣръ и способъ исполненія законныхъ государственныхъ задачъ. Такимъ образомъ народное представительство вмѣстѣ съ бережливостью правительства, съ контролемъ прессы и критикою общественнаго мнѣнія представляется регуляторомъ цѣнности въ этой высшей формѣ хозяйства. Ici se découvre la transformation d'un principe d'économie politique (законъ уравненія спроса и предложенія) en principe politique, говоритъ *Proudhon.* А таковъ дѣйствительно и долженъ быть налогъ. La contibution, говоритъ *Chauvet*, est une mise que fait chaque individu dans l'espérance légitime de retirer de son emploi une utilité proportionnelle : d'où il suit que la société doit en avantages et en jouissances à chaque contribuable un dividende proportionel à sa contribution.

Но за-тѣмъ новый коренной вопросъ: государственныя услуги удовлетворяютъ нуждамъ всего общества; какъ-же разложить на все общество такъ называемый государственный доходъ, налогъ, diesen öffentlichen Preis, womit die bürgerliche Gesellschaft die vom Staat producirten Gemeingüter bezahlt, gedeckt?

(*Schäffle.* 387). Это — вопросъ о распредѣленіи общественныхъ тягостей. По-видимому надо дать такое рѣшеніе: чѣмъ больше пользы получаетъ отъ общества человѣкъ, тѣмъ бо́льшую тяжесть долженъ нести онъ для содержанія этой общественности (Qui commoda habet, onera ferre debet).

Посмотримъ ближе на дѣло. Такъ-какъ государственное хозяйство вырабатываетъ блага, которыя доставляютъ неизмѣримыя наслажденія (напр. Uebung seiner persönlichen Freiheit, das Gefühl der Sicherheit, die Ueberzeugung von eine ungestörte Fortdauer des Kulturlebens — *Dietzel*) и которыя распредѣляютъ удовлетвореніе совершенно неизвѣстнымъ образомъ между членами общества, то отсюда ясно, что и цѣна за эти наслажденія, налогъ, никакъ не можетъ соразмѣряться съ неизвѣстною долею пользы, какую получаетъ отъ общества каждый отдѣльный человѣкъ. Обложеніе должно быть общее, и надо искать другаго мѣрила, другой основы для опредѣленія размѣра приношеній каждаго на поддержаніе общегосударственнаго производства. Такое мѣрило и есть доходъ человѣка, въ которомъ выражается благо, получаемое имъ всецѣло отъ общества, изъ данной общественной организаціи, потому что подъ вліяніемъ общества раскрываются его силы и способности; общество даетъ дѣло этимъ способностямъ; общество и оплачиваетъ дѣятельность каждаго человѣка посредствомъ распредѣленія продуктовъ. Si le lecteur venait à se demander maintenant à lui-même, à quoi il a dû d'être l'homme, qu'il est en réalité, sa réponse serait qu'il en est redevable au pouvoir d'associer avec ses semblables du temps présent et avec ceux du temps passé qui nous ont légué les leçons de leur expérience (*Carey;* t. I. p. 63). Вся жизнь человѣка, можно сказать, есть даръ общества, поэтому чѣмъ больше человѣкъ имѣетъ дохода, тѣмъ болѣе онъ долженъ нести и тяжестей. Gemeinsame und verhältnissmässig gleiche Lieferung der Produktionsmittel, gemein-

same Consumtion durch gleichmässige Ziehung der Nutzungen — das ist das Princip des neuen Rechtsstaats (*Dietzel.* S. 17—18). L'échelle des fortunes est la seule base équitable de toute imposition, говоритъ Пасси. Шеффле идетъ еще дальше: Der berechtigte Zweck der Gemeingüter kann aber der sein— noch schwache Privatkräfte mittelst staatswirthschaftlicher Aufwendungen aus der Kraft der Reicheren zur Entwicklung zu bringen. (S. 400).

Современная практика уклоняется отъ этого начала; дѣйствительность представляетъ различныя обложенія, которыя одностороннимъ образомъ падаютъ на одинъ какой-нибудь классъ, такъ-что отъ государственнаго хозяйства наиболѣе выгодъ получаютъ наименѣе обремененные классы. — Вотъ какою представляется намъ хозяйственная дѣятельность государства, этого отдѣльнаго, особаго производителя въ средѣ общей дѣятельности человѣчества къ удовлетворенію своихъ разнообразныхъ, матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ. Мы видѣли, что эту дѣятельность можно разсматривать съ двухъ сторонъ — съ точки зрѣнія предложенія и съ точки зрѣнія сбыта, оплаты, и на этомъ основаніи можно раздѣлить науку, занимающуюся государственною дѣятельностью — управленіемъ — на двѣ части. Въ первую входитъ процессъ производства государствомъ разнообразныхъ благъ, для выработки которыхъ оно призвано; по различію этихъ благъ, если можно такъ выразиться, положительныхъ и отрицательныхъ, эта первая часть науки можетъ быть раздѣлена на два отдѣла — « die Rechtspflege » и «die innere Verwaltung» *(Stein)*. Вторая часть науки занимается оплатою благъ, которыя доставляетъ государство, т. е. - налогами, пошлинами и государственными долгами [такъ называемый хозяйственный доходъ государства (Ср. *Pay* « Основ. начала финансов. науки », пер. Корсака, § 84 и 85), извлекаемый изъ государственныхъ имуществъ, — остатокъ старой организаціи госу-

дарства по типу частнаго хозяйства; отсюда его оскудѣніе съ теченіемъ времени; поэтому изъ экономистовъ, ученія которыхъ мы будемъ разсматривать, его касается, и то слегка, только А. Смитъ]; это — финансовая наука. Но такъ-какъ государственное хозяйство есть только одна изъ формъ народнаго хозяйства, то поэтому всѣ названныя науки должны находиться въ самой тѣсной связи съ общею наукою о народномъ хозяйствѣ, общественною экономіей; отсюда онѣ должны черпать свои основные принципы. Изъ анализа общаго состоянія народнаго хозяйства, экономическаго быта въ данную пору могутъ быть опредѣлены задачи для государственной дѣятельности. Съ другой стороны, государственное хозяйство въ своемъ, болѣе или менѣе, широкомъ распространеніи зависитъ именно отъ общенароднаго дохода, которымъ измѣряется податная сила (Steuerkraft) народа. Такой или иной характеръ государственнаго хозяйства всегда соотвѣтствуетъ хозяйственному укладу общества, который строится на данномъ распредѣленіи производственныхъ силъ. Les sociétés humaines, говоритъ Пасси, ne subsistent qu'à la condition de subvenir, dans la mesure nécessaire, aux besoins de la chose publique. Toutes ont à donner aux gouvernements, qui les régissent, les moyens de remplir leur destination, toutes ont à pourvoir aux dépenses à effectuer dans l'intérêt de la défense du territoire nationale ou de maintien de l'ordre intérieur; et chez toutes l'impôt existe sous des formes appropriées à l'état plus ou moins avancé de la civilisation (Dictionnaire de l'économie politique. Art. « Impôt »). Въ самомъ дѣлѣ, въ историческомъ ходѣ развитія налогъ постепенно идетъ отъ равнаго, личнаго, поголовнаго къ пропорціональному, вещному, подоходному.

Общество, какъ я уже сказалъ, представляется формою, въ которую отливаются существующія отношенія отдѣльныхъ хозяйствующихъ членовъ, и отъ разнообразія этихъ хозяйствъ и

зависитъ болѣе или менѣе широкая связь, большее или меньшее взаимодѣйствіе, обмѣнъ, который надо организовать. Первый зародышъ общества — семья; успѣшность труда еще въ высшей степени незначительна; разнообразныя качества человѣка еще не раскрылись; на первомъ планѣ стоитъ одна физическая сила, и непреоборимая сила даетъ неограниченное господство: отецъ является главою, деспотомъ семьи. Слѣдующая общественная форма — родъ, въ которомъ видимъ коммунистическое равенство, т. е. общее приниженіе всѣхъ предъ могуществомъ главъ семействъ. Общихъ хозяйственныхъ интересовъ у рода нѣтъ; причина соединенія — опасность, защита: поэтому налогъ является въ формѣ военной повинности — подданные обязаны умирать за отечество. Такимъ образомъ, родъ — не болѣе, какъ атомистическое сложеніе отдѣльныхъ семействъ, координація, какъ обыкновенно говорятъ. Извѣстно, что родовой бытъ продолжается и тогда, когда люди переходятъ изъ кочеваго быта въ осѣдлый, земледѣльческій. Между родами возгорается борьба за условія существованія, и побѣды, завоеванія влекутъ за собою новый укладъ — феодально-крѣпостной бытъ среднихъ вѣковъ, когда мы видимъ множество государствъ съ чисто коммунистической закваской; глава государства — помѣщикъ — распредѣляетъ трудъ и продукты между своими крѣпостными, поитъ, кормитъ, одѣваетъ ихъ и т. д., и все уживается потому, что человѣкъ стоитъ на низкой ступени развитія, представляетъ поразительное однообразіе способностей. Землевладѣльцы-феодалы — центры, представители единичныхъ хозяйствъ того времени. Общество слагалось изъ взаимныхъ отношеній этихъ господъ-феодаловъ, которые заправляли и государствомъ. Но было мало общихъ цѣлей; все общее стремленіе было пока въ томъ, чтобы достигнуть мира, спокойствія; вся забота государства — въ доставленіи этой защиты, въ организаціи военныхъ силъ, доставляемыхъ тогдаш-

нимъ *налогомъ*. Каждое феодальное государство (помѣстье) — удовлетворяло всѣмъ незатѣйливымъ нуждамъ своего владыки-феодала посредствомъ натуральныхъ повинностей работою и продуктами и доставляло матеріалъ для продовольствія рабочихъ силъ, входившихъ въ его хозяйство. Въ этомъ быту, основанномъ на натуральномъ передѣлѣ продуктовъ, у организаторовъ, главъ хозяйства, скоплялось много такъ-называемаго *чистаго дохода* (Ueberschuss). Сначала онъ шелъ на излишества; но постепенно начали развиваться болѣе утонченныя нужды, которыя потребовали особыхъ, спеціальныхъ производителей, потребовали оформленія, приданія болѣе нѣжнаго, изящнаго вида сырымъ продуктамъ. Такая дѣятельность возникла уже при дворахъ феодаловъ, но она несовмѣстна съ крѣпостью, потому, что предполагаетъ болѣе свободное отношеніе къ природѣ, а слѣдовательно — и къ людямъ, и къ обществу. Новая промышленность переселяется изъ деревень въ бурги (откуда буржуа); члены ихъ откупаются отъ своихъ господъ. А между тѣмъ, нужды господъ ростутъ, увеличивается сбытъ бурговъ, которые разростаются, принимаютъ въ свою среду все большее и большее количество членовъ-сельчанъ, которымъ они даютъ возможность свободы и развитія. Интересы старыхъ организаторовъ хозяйства, которые орудовали всѣмъ, оказываются противоположными этимъ новымъ центрамъ хозяйства — городамъ, которые представляютъ типъ новаго государства, потому что главная забота ихъ направлена на то, чтобы дать сбытъ своимъ разнообразнымъ уже производителямъ, организовать рынокъ, обмѣнъ (Verkehr). Возникаетъ борьба между старыми господами и новыми промышленниками, неподчиненными имъ; города организуются для борьбы и создаютъ сильное абсолютное государство, которое, въ концѣ концовъ, подавляетъ и старыхъ организаторовъ, уже истощенныхъ, и новыя, свѣжія силы — города, среднее сословіе, которое нельзя было задавить

совсѣмъ, которое все развивается по мѣрѣ развитія нуждъ и требованій на его продукты. Въ среднемъ сословіи уже происходятъ измѣненія; старые вольноотпущенники, которые организуются въ замкнутыя монопольныя корпораціи, начинаютъ поступать по-господски, жать и давить батраковъ — сельчанъ, которые переходили въ города. Эти буржуа, капиталисты, организаторы городскаго хозяйства набираются силы, скопляютъ большія богатства, потому что есть изъ чего — прибыли большія. Они переходятъ изъ городовъ въ села, овладѣваютъ и землями, облагораживаются, или являются въ качествѣ фермеровъ, такъ-какъ землевладѣльцы дѣлаются неспособными къ хозяйничанью. Буржуа находятъ наконецъ, что они довольно сильны, — и Европа надѣваетъ форму конституціонной монархіи. Теперь центръ хозяйства — предприниматель, владѣющій капиталами и нужными знаніями; исполнителями его замысловъ являются рабочія силы природы и людей-наемщиковъ, которыхъ назначеніе — совершать извѣстныя однообразныя манипуляціи и за это получать средства для перебиванія жизни. Для хозяевъ, для капиталистовъ, которые владѣютъ условіями производства, доставшимися отъ предковъ, и для старинныхъ хозяевъ, сохранившихъ свои земли (ренту), имѣетъ реальное значеніе блескъ современной цивилизаціи. Наука и искусство только для нихъ и существуютъ, и служители этихъ благородныхъ профессій (потому что они доставляютъ наслажденія высшимъ классамъ) получаютъ отъ нихъ щедрое вознагражденіе. Теперешніе организаторы извлекаютъ изъ хозяйства большой чистый доходъ, который они и расходуютъ на удовлетвореніе своихъ тонко развитыхъ организмовъ различными матеріальными и нематеріальными продуктами, которые и производятся именно для такихъ людей высшаго полета (gesonderte Produktion). А общество выражаетъ отношенія отдѣльныхъ хозяйствъ, т. е. ихъ представите-

лей, этихъ новыхъ господъ-хозяевъ, которые стараются сдѣлать свою жизнь какъ-можно лучше, разнообразнѣе и безконечно сожалѣютъ о томъ, что нельзя вести всѣ производственные процессы посредствомъ мертвыхъ силъ природы, а приходится употреблять и людей, которые (неблагодарные) недовольствуются тѣмъ, что ихъ поятъ и кормятъ, а говорятъ еще о равенствѣ, о своихъ одинаковыхъ правахъ на радости жизни и тѣмъ вносятъ отраву въ благоденствіе господствующихъ классовъ. Только хозяева — истинные граждане; они управляютъ общенароднымъ производствомъ; они являются господствующею силою и въ государственномъ хозяйствѣ, цѣли и средства котораго зависятъ отъ желаній этой правящей части общества. И такъ, ясно, что на всѣхъ этихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія (которыя я просмотрѣлъ въ высшей степени бѣгло, изъ опасенія далеко уклониться отъ предмета) государственное хозяйство принимаетъ особую форму, осуществляетъ различныя задачи, которыя диктуются ему главами единичныхъ хозяйствъ. Мы видимъ, какъ проясняется темный вопросъ о формѣ правленія, на разрѣшеніе котораго, по выраженію Льюиса, люди потратили такъ много чернилъ и крови. Съ экономической точки зрѣнія, не можетъ быть абсолютно хорошей или дурной формы правленія; государственныя формы на-столько заслуживаютъ похвалы, на-сколько онѣ организуютъ государство, т. е. государственное хозяйство, такимъ образомъ, что при данныхъ обстоятельствахъ оно наилучшимъ образомъ служитъ такъ называемымъ «общимъ интересамъ». «Государственная форма даетъ гарантію тѣмъ сдѣлкамъ, въ которыя вступаютъ общественные интересы между собою», говоритъ В. П. *Безобразовъ* (Физіологія общества. Русск. Вѣстникъ. 1857, № 9, стр. 315). Такимъ образомъ, конституціонализмъ представляется требованіемъ современнаго хозяйственнаго порядка западной Европы. «Въ настоящее время, при постепенномъ развитіи народа,

keine Regierung kann ihre Aufgabe, der Hort der *allgemeinen* Interessen zu sein, *wirthschaftlich* erfüllen, ohne durch regelmässige Berührung mit Vertretern der im Volk *waltenden* Kräfte, Interessen und Anschauungen die allgemeinen Bedürfnisse zu erkennen und immer wieder auf ihre allgemeine Aufgabe sich hinweisen zu lassen» (*Schäffle*, S. 406). Все развитіе человѣческихъ силъ, наука, изобрѣтенія, открытія, все пошло на пользу организаторовъ хозяйства. Массѣ досталось на долю малое вознагражденіе, забитость, отсутствіе высшихъ интересовъ, рабство передъ природою и людьми и, въ-концѣ-концовъ, *неуспѣшность труда*. Масса размножалась — ее надо кормить; а между тѣмъ трудъ мало производителенъ; приходится пустить въ ходъ все соображеніе — начинается лихорадочная дѣятельность предпринимателей, достигаетъ небывалыхъ размѣровъ конкурренція, которая часто давитъ, разоряетъ самихъ-же хозяевъ. Чувствуется общая неудовлетворенность. А между тѣмъ, крайняя противоположность пышности, богатства съ одной стороны, забитости и животной жизни съ другой — разжигаетъ въ рабочихъ, въ простыхъ исполнителяхъ недовольство, которое проявляется въ различныхъ видахъ. Является новая теорія общественной жизни, является выраженіе пожеланій и стремленій рабочихъ, одѣтое въ теоретическую форму, которое и объясняется какъ реакція противъ господствующаго порядка. «Либеральное (извѣстно, гдѣ источникъ этого невмѣшательства) буржуазное государство, по словамъ Лассаля, было только осуществленіемъ идеи ночнаго сторожа, потому что всю государственную задачу оно ограничивало защитою собственности и личности богатыхъ; развитіе народа, поднятіе низшихъ классовъ изъ пауперизма не входили въ кругъ его соображеній (Schäffle. S. 342). [Хотя во всемъ изложеніи мы обыкновенно не имѣемъ въ виду нашего отечества, но здѣсь невольно приходитъ на мысль различіе способа освобожденія крѣпост-

ныхъ на западѣ и у насъ; пользуясь чужимъ опытомъ, правительство наше позаботилось о томъ, чтобы снабдить освобожденныхъ землею, т. е. основою для собственнаго хозяйства, и такимъ образомъ не дать имъ превратиться въ бездомныхъ батраковъ съ разбитіемъ прежнихъ патріархальныхъ хозяйственныхъ отношеній].

Но и реакція—такъ называемый соціализмъ—исходя изъ критики односторонняго воззрѣнія на государственное хозяйство, самъ впалъ въ крайность, такъ-какъ потребовалъ погашенія личнаго интереса, полнаго обезличенія, передѣла богатствъ, единаго прогрессивнаго налога на богатыхъ. Это—грабежъ сильнаго слабымъ, какъ выражается Прудонъ; въ результатѣ—всеобщая бѣдность и лѣнь, вмѣсто Ungleichheit freien Wohlstandes является Gleichheit unfreien Elends *(Schäffle)*. Ясно, что долженъ быть отвергнутъ соціализмъ, какъ поражающій все-таки самую лучшую часть общества. Такой рутинный выходъ изъ кризиса — драка, революція — оказывается неудачнымъ; нуженъ мирный способъ, который измѣнилъ бы самыя существенныя стороны общественной жизни, а изъ этого измѣненія сущности уже сами-собою вытекутъ измѣненія тѣхъ общественныхъ отношеній, о перестройкѣ которыхъ заботятся. Въ виду разрѣшенія общественной задачи, открытія лѣкарства противъ общественныхъ болѣзней, изложенная теорія общества и государства представляетъ важное значеніе, потому что указываетъ на коренной пунктъ вопроса. Но нельзя сказать, чтобы это воззрѣніе, которое даетъ особый характеръ всей общественной наукѣ, а слѣдовательно и финансамъ, было господствующимъ; его предлагаютъ еще какъ опытъ (Versuch) въ общихъ очертаніяхъ, не претендуя на проведеніе его во всѣ стороны общественной жизни. Поэтому и точная обработка финансовой науки съ точки зрѣнія этихъ началъ представляется только идеаломъ, а не фактомъ.

Обратимся же къ дѣйствительному состоянію науки. Въ налогѣ живо чувствуется связь экономическихъ явленій съ политическими. Съ одной стороны налогъ — одинъ изъ элементовъ распредѣленія, одна изъ составныхъ частей *цѣны*, съ анализа которой (т. е. цѣны) собственно и началась экономическая наука. Съ другой стороны, установленіе, распредѣленіе, взиманіе и употребленіе налоговъ составляетъ одну изъ функцій государства. Но не смотря на то, что налогъ, какъ мы видимъ, захватываетъ двѣ сферы, для научной обработки его нигдѣ не было мѣста. Научное политическое направленіе (съ практической точки зрѣнія государственное хозяйство разсматривалось какъ искусство покрывать государственныя издержки, не обращая никакого вниманія на вліяніе этого покрытія на общее состояніе народнаго хозяйства), исходя изъ произвольно взятыхъ такъ-называемыхъ принциповъ права, строило такое положеніе государства, какимъ оно должно быть, но которое, при проведеніи его въ жизнь, тотчасъ разбивалось о дѣйствительно существующія отношенія. Это—направленіе, отторгнутое отъ жизни, восхищавшееся различными принципами, оставленными древнимъ міромъ (патріотизмъ, напр.), и даже феодальнымъ укладомъ (свобода), не обращавшее вниманія на дѣйствительные запросы жизни, на основные факты, которые даютъ этой жизни такой или иной колоритъ. Реальное воззрѣніе на государство не могло выработаться среди широкаго разгара идеализма и метафизики, которыя представляли возвышенныя начала идеальнаго порядка дѣлъ и оканчивали тѣмъ, что давали оправданіе всему существующему, всему, что «окончило свой образовательный процессъ».

Съ другой стороны, мы видимъ экономическую науку, еще молодую, не зрѣлую, которая и родилась всего сто лѣтъ тому назадъ (dans l'entre-sol de Versailles, какъ выражается Прудонъ, p. 370) и, разумѣется не могла сразу вѣрно проана-

лизировать явленія, которыя она признала своею областью. On peut dire à peine, que la science sociale ait une existence; l'état, dans lequel elle existe aujourd'hui est celui, que M. Comte appelle ordinairement — l'état métaphysique (*Carey*, t. I. p. 31, 32. . . . 37). Признавая существованіе экономической науки, Прудонъ (въ 1845 г.) считаетъ это признаніе чуть-ли не самымъ дерзкимъ изъ новыхъ положеній. Въ 1861 г. онъ говоритъ, что политическая экономія, которая изобилуетъ матеріалами, кишитъ гипотезами, est science promise, mais non pas science conquise; elle n'a rien, presque rien de ce qui constitue le savoir certain, le vrai savoir (Théorie de l'impôt, p. 387). Выставивши цѣлью хозяйства накопленіе матеріальныхъ благъ, наука не съумѣла объяснить по достоинству многихъ явленій; окрестивши именемъ непроизводительныхъ всѣ услуги, которыя не овеществляются въ осязаемой формѣ, она была на пути къ грубому матеріализму. А государство, которое доставляетъ такія нематеріальныя и часто даже не сознаваемыя услуги, казалось изслѣдователямъ непроизводительнымъ, противнымъ хозяйству, поглощающимъ только его продукты, но ни въ какомъ случаѣ не составляющимъ члена въ общей системѣ хозяйства; отсюда die stiefmütterliche Behandlung der Lehre von den Staatsausgaben, какъ выражается Шеффле (S. 331). Этотъ дуализмъ, если можно такъ выразиться, одинаково мѣшалъ пониманію и государственнаго и общенароднаго хозяйствъ, которыя находятся въ самой тѣсной связи и взаимно другъ друга обусловливаютъ. Но, даже признавъ налогъ необходимымъ зломъ, которое по этому слѣдуетъ стараться постоянно сокращать, экономисты не могли выяснить вліянія его на народное хозяйство, на отношенія между различными производителями. И причина совершенно понятна; экономическія явленія, какъ самыя глубокія, лежащія въ основѣ жизни, покрываются различными второстепенными формами, ко-

торыя усложняютъ, запутываютъ изученіе (la plus concrète, la plus spéciale des sciences). Поэтому изслѣдованія экономическія не проникались общимъ началомъ, которое бы руководило при объясненіи явленій; здѣсь скорѣе изобрѣтались теоріи, чѣмъ открывались законы. Пытаясь объяснить практику, ученые оканчивали тѣмъ, что оправдывали ее, тогда-какъ великій учитель (А. Смитъ) указалъ уже на ея несовершенства, которыя въ его время только-что показывались. Но и среди оправданія практики все-таки не была дана теорія, которая объясняла бы вполнѣ удовлетворительно явленія, давала бы вѣрную, хотя и представленную въ блестящемъ свѣтѣ, картину современнаго положенія дѣлъ. Только немногіе ученые вели поглубже изслѣдованія, представляли разчлененіе явленій на составные элементы, попытки восхожденія къ кореннымъ принципамъ; бо́льшая часть останавливалась на поверхностныхъ явленіяхъ и отрицала упомянутыя работы, какъ несоотвѣтствующія практикѣ. Въ лагерѣ экономистовъ царило разногласіе. Я уже не говорю о томъ, какія новыя замѣшательства произвела другая экономическая теорія, признавшая иную цѣль за хозяйствомъ. А между тѣмъ всего труднѣе положеніе изслѣдователя въ переходное время, когда старыя формы уже разлагаются, но тѣмъ не менѣе цѣпко еще держатся, а новыя силы, несущія съ собою и новыя формы, представляются только издалека въ общихъ очертаніяхъ; въ такое время трудно de trouver des individus comparant des faits uniquement dans le but d'en déduire la connaissance qu'ils sont destinés à fournir (*Carey*, t. I, p. 34). А таково и теперь финансовое положеніе общества. Добросовѣстный труженикъ Рау съ прискорбіемъ говоритъ о трудности подведенія подъ общія положенія науки разнообразныхъ финансовыхъ правилъ (примѣтъ), выработанныхъ практикою. (Основныя начала финансовой науки. Предисловіе). Шеффле даетъ такую оцѣнку современныхъ фи-

нансовъ: «die zur Deckung der Ausgaben nöthigen Einnahmen bezieht der Staat aus verschiedenen Quellen, wobei bis jetzt nicht ein *streng rationelles System* besteht, sondern *überlieferte geschichtliche Verhältnisse* mehr oder weniger massgebend einwirken» (S. 532). «A cet égard il est permis de dire, говоритъ Прудонъ, sans calomnier notre époque, que nous sommes dans une anarchie épouvantable (p. 73). Вотъ уже столѣтіе, какъ ученые экономисты предались разрѣшенію вопроса: чѣмъ долженъ быть налогъ въ новомъ государствѣ. Il n'est pas à ma connaissance que de leurs profondes élucubrations il soit sorti une réponse nette et décisive» (p. 41). Наука не давала объясненія текущаго положенія дѣлъ, не ставила даже твердо опредѣленія налога, какъ начала, на основаніи котораго надо вести критику. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ на мнѣнія изслѣдователей о вопросѣ самой первостепенной важности, именно: на кого же въ послѣднемъ счетѣ падаютъ налоги, какое вліяніе они производятъ на трудъ, на разнообразные пути, посредствомъ которыхъ общество ищетъ удовлетворенія своихъ нуждъ; это вопросъ о répercussion, diffusion, dévolution, incidence des impôts. Вопросъ этотъ долженъ разрѣшаться на основаніи разсчета силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ; но такъ-какъ на этотъ счетъ нѣтъ точнаго пониманія, то отвѣтъ и представляетъ крайнее разнообразіе. Въ памяти такъ и проходитъ рядъ мнѣній-физіократовъ—А. Смита, Рикардо; есть мнѣніе, что всякій старый налогъ хорошъ, такъ-какъ съ нимъ освоились. Наконецъ, нѣкоторые провозглашаютъ, что здѣсь не можетъ быть никакого рѣшенія, потому что налогъ дѣйствуетъ такъ разнообразно, что нѣтъ возможности прослѣдить его вліяніе; но утѣшиться на такомъ рѣшеніи значитъ отложить попеченіе о наукѣ, задача которой — объясненіе жизни (denn das ist der Unterschied zwischen der blossen Kunde der Thatsachen und der Wissenschaft, dass diese das Daseiende, welches

sie weiss, als einen in seinen Grundlagen erkennbaren und darum für sie nothwendigen Process begreift und erst da befriedigt ist, wo sie jede einzelne Erscheinung in ihre tiefer wirkenden Ursachen aufgelöst hat. *L. Stein*, Die Verwaltungslehre. B. I. S. 3—4). Я представлю два крайнія мнѣнія. «L'impot se réduisant, говоритъ Прудонъ, en définitive à une taxe de consommation est acquitté en dernière analyse par la masse» (196, 197). Провозглашеніе универсальности и пропорціональности налога—только шутка; ç'a été de déguiser le privilège et d'elargir le cercle des privilégiés; quant à la plèbe, sa condition est restée la même. C'est toujours sur elle et presque rien que sur elle, que l'impôt se trouve rejeté (74, 75). Движеніе цѣнностей, скорость обращенія дѣлаетъ труднымъ, почти невозможнымъ открытіе настоящаго собственника, на котораго долженъ падать налогъ; слѣдов. проблема равенства налога, будетъ ли онъ единый или разнообразный, уже a priori кажется неразрѣшимою при настоящемъ положеніи дѣлъ (92). Поэтому, несмотря на самыя добросовѣстныя усилія практическихъ людей, ученыхъ, законодателей, пропорціональность представляетъ une espèce de mythe irréalisable, insaisissable (136). Вся совокупность налоговъ, составляя une oeuvre de tâtonnement, является, en dépit de la meilleure volonté du monde, une oeuvre d'iniquité (138). Дѣйствительно, всякій производитель вноситъ уплаченную долю налога въ цѣну своихъ произведеній и подъ вліяніемъ обмѣна, т. е. господства силы, фактора монополіи—всякій налогъ обращается въ налогъ на потребленіе, т. е. въ *поголовное обложеніе*, которое не обращаетъ вниманія на различіе средствъ человѣка и составляетъ истинно прогрессивный налогъ dans le sens de la misère (inverse de la fortune, direct de l'indigence), потому что дѣйствительно онъ захватываетъ все бо́льшую и бо́льшую долю средствъ человѣка, параллельно съ уменьшеніемъ его достатка. En deux mots, заключаетъ Пру-

донъ, l'impôt, dans les conditions de la société actuelle, n'est, ni ne peut être juste, pas plus que le prix des marchandises ou la répartition des services et des capitaux» (202 — 203). Вотъ какой выводъ получаетъ Прудонъ на основаніи анализа экономическаго быта общества. Съ другой стороны, Тьеръ (De la propriété, pp. 336 — 346), который любитъ только ходячія мнѣнія, находитъ, что въ настоящемъ вопросѣ о переложеніи строгая истина и желаніе разсѣять заблужденія, чрезвычайно вредящія рабочему классу, заставляютъ его плыть противъ теченія и высказать на этотъ разъ оригинальное мнѣніе. «Трудъ общаго покровительства (т. е. дѣятельность правительства), представляемый налогомъ, долженъ составлять существенную часть *цѣны* каждаго товара, и на этомъ основаніи утверждается законъ переложенія, une loi de plus sages, de plus rassurantes de la Providence, по которому, независимо отъ способа обложенія, le riche paye le plus d'impôt, parce qu'il consomme le plus (p. 343). Вотъ два противоположныхъ пункта, между которыми уживается много промежуточныхъ ступеней. Замѣчательно опровергается мнѣніе Тьера Прудономъ, потому что въ этомъ рѣзкомъ и утрированномъ опроверженіи высказывается принципъ, который Прудонъ считаетъ основаніемъ «новаго права». Онъ признаетъ, что «положеніе Тьера было бы справедливо, если-бы правило: le travail seul, physique ou intellectuel, est productif — было дѣйствительнымъ фактомъ, лежащимъ въ основѣ жизни, а не однимъ только теоретическимъ обобщеніемъ, т. е. все, что производитъ трудъ, трудъ долженъ и получать. Такъ-называемое производство капиталистовъ и собственниковъ, по мнѣнію Прудона, не что иное, какъ фикціи стараго права. Другими словами, положеніе Тьера было бы вѣрно, если-бы не было людей, мало производящихъ, но много потребляющихъ, и людей, много производящихъ, а мало потребляющихъ, если-бы старинное изреченіе:

«qui non laborat, ne manducet»—было не только изреченіемъ, а живымъ фактомъ». (Théorie de l'impôt, p. p. 350—355). Вотъ какіе важные пункты современнаго быта захватываетъ этотъ, можно сказать, основной вопросъ финансовой науки; и Прудонъ съ обычною силою логики показалъ, «что вопросъ этотъ рѣшается только на основаніи анализа всего экономическаго быта, другими словами, что налогъ будетъ совершенно непонятнымъ фактомъ, если его не сопоставить съ другими явленіями экономической жизни и не показать ихъ генерическую связь; а въ такомъ случаѣ налогъ является только однимъ членомъ въ цѣлой системѣ экономическихъ противорѣчій и носитъ общую всѣмъ печать лживости и невыносимости. S'il se trouvait par l'effet de quelque influence dont nous n'aurions tenu compte, que principe de proportionnalité, incontestable au premier abord, ne fût dans son application actuelle qu'un préjugé de tendance, un mensonge à la vérité et à la justice, il y aurait lieu pour nous ou d'y renoncer tout-à-fait, et conséquemment de changer de fond en comble le système de l'impôt, ou de faire *cesser l'influence qui le fausse*, c'est-à-dire de changer l'économie sociale toute entière, ce qui serait bien autrement grave que de réformer l'impôt» (ibid. p. 191, 209—210).

Мало того, нѣкоторые изслѣдователи путаются на второстепенныхъ формахъ—на внѣшностяхъ, и не въ состояніи бываютъ проникнуть дальше (Ср. напр. въ высшей степени поверхностную, чтобы не сказать больше, обработку вопроса въ статьѣ: «De la répercussion ou diffusion de l'impôt» въ Journal des économistes, 1868. Août). Иные не умѣютъ даже освободиться изъподъ магическаго вліянія денегъ, въ дѣлѣ налога только и слѣдятъ за ними и высказываютъ мнѣніе, что государственныя издержки въ сущности ничего не стоютъ націи, не обѣдняютъ ее, потому что деньги, взятыя посредствомъ налога, снова возвра-

щаются въ общество (Voltaire). Несмотря на свою очевидную нелѣпость, предразсудокъ этотъ такъ силенъ, что почти всѣ экономисты съ настойчивостью опровергаютъ его (напр. *J. B. Say*, Cours complet, t. V, p. 114, 115; t. VI, p. 51, 52, 53, 130—32. «Je suis presque honteux d'insister sur des vérités si simples; il le faut bien parce qu'elles sont contestées. Ср. также *Proudhon*, p. 63—65). Безумно было бы воображать, восклицаетъ Макъ-Куллохъ, что можетъ существовать средство получить деньги для войны, не подвергая частныхъ лицъ потерямъ и лишеніямъ, неразрывно съ нею связаннымъ! [Конечно, можно разсматривать войну, какъ всякое разрушительное явленіе природы, als ein unter den gegebenen Verhältnissen mit Nothwendigkeit von Zeit zu Zeit eintretendes Ereigniss, какъ нѣчто данное, по отношенію къ которому задача хозяйства — сдѣлать эту силу по-возможности менѣе вредною; затраты для этой цѣли представляются, съ такой точки зрѣнія, только частью общихъ издержекъ производства, потому что они имѣютъ въ виду сохраненіе хозяйства, непрерывности труда (Dauer und Sicherheit). Все дѣло въ томъ, чтобы по общему закону совершать эти затраты самымъ дешевымъ и цѣлесообразнымъ способомъ. Совершенная правда. Но Дицель не удовлетворяется этимъ и говоритъ, что, напр., наступательная война имѣетъ въ виду даже *содѣйствовать* развитію хозяйства, потому что она предпринимается съ желаніемъ завладѣть важными кусками земли, выгодно расположенными пунктами, открыть *сбытъ*. Но хорошая цѣль не предполагаетъ еще безукоризненности средствъ (вспомнимъ, что дѣло идетъ о коммерческихъ войнахъ). Да и вообще мнѣ кажется невозможнымъ признать такое индифферентное отношеніе къ цѣлямъ, которыя предъявляются хозяйству для выполненія: Die Wirthschaftslehre hat nicht zu untersuchen, ob und wie weit diese Gefühle (дѣло идетъ о народной гордости и ея удовлетвореніи посредствомъ

пышности двора, военнаго блеска — militarische Pracht) der meisten (?) Menschen vernünftig und berechtigt sind. Für sie ist ihr Vorhandensein und das daraus hervorgehende Streben zu ihrer Befriedigung — eine Thatsache, worauf sich ihre Wirksamkeit baut (S. 105—106). Я согласенъ, что прежнее раздѣленіе труда на производительный и непроизводительный, которое предлагала наука, неудовлетворительно; но все дѣло въ томъ, что оно должно быть основано на другомъ началѣ, чѣмъ вещественность (Stofflichkeit). Вѣдь отсюда недалеко до вывода, что все обстоитъ благополучно, что смущаться рѣшительно не чѣмъ, напримѣръ хоть тѣмъ, что «различные, утонченные продукты роскоши являются для высшихъ классовъ уже тогда, wenn auch in den unteren Klassen noch ein grosses Bedürfniss an gröberen, materiellen Gütern unbefriedigt bleibt» (S. 67). Я не знаю, можно ли и здѣсь признать также чувства и стремленія der meisten Menschen и, поэтому, отнестись къ нимъ съ подобающимъ почтеніемъ. «Eine solche *unterste* Klasse (т. е. welche mit dem *blosen nothdürftigen Unterhalt zufrieden* ist) muss *es stets geben*» (S. 66). Очень можетъ быть, что различныя явленія, съ которыми намъ теперь едвали возможно примириться, составляютъ необходимыя, переходныя ступени въ развитіи человѣчества (Ср. у *Dietzel*-я же S. 20). Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ и рѣзко оттѣнять ихъ временность. Я принужденъ былъ сдѣлать это замѣчаніе, потому что, по моему мнѣнію, современная наука и къ явленіямъ современной жизни должна уже относиться съ точки зрѣнія возможнаго будущаго, съ точки зрѣнія того основнаго принципа, къ осуществленію котораго въ жизни тяготѣетъ исторія. Ускорить этотъ процессъ есть задача науки, которая должна стать въ основѣ жизни. Отношеніе ея къ явленіямъ должно быть критическое, а не догматическое; но критика, разумѣется, не значитъ еще отрицаніе, точно такъ-же какъ отрицаніе не требуетъ во что бы то ни стало немедленнаго

ниспроверженія. «Die Wissenschaft der National-Oekonomie, прекрасно говоритъ Кауцъ (Geschichtliche Entwicklung der National-Oekonomik. S. 791 — 792), kann nie und nimmer blos die Aufgabe haben, das Gewordene und Bestehende in seinem gesetzmässigen Gange und Zusammenhange darzulegen, sondern sie ist auch dazu berufen — einerseits zur Heilung der socialen und wirthschaftlichen Gebrechen der Menschheit Mittel und Wege anzugeben, andererseits über das blos Gegebene und Vorhandene hinaus einen Blick auch den idealen und zukünftigen Gestaltungen des industriellen Völkerlebens zuzuwenden].

А между тѣмъ, у насъ еще и теперь для многихъ всѣ финансовые вопросы сосредоточиваются всецѣло въ вопросѣ о деньгахъ, объ ассигнаціяхъ, о валютѣ, о металлическомъ фондѣ; въ упроченіи денежной единицы полагается залогъ устраненія чуть не всѣхъ финансовыхъ затрудненій. (Ср. хорошую статью *Ю. Г. Жуковскаго* — «Гдѣ искать настоящаго средства для поправленія нашихъ финансовъ?» Современникъ 1866 г. январь).

Вотъ какая смутность пониманія замѣчается въ такомъ важномъ, существенномъ дѣлѣ, какъ налогъ, потому что въ сущности вопросъ о налогѣ, какъ выражается Прудонъ, есть вопросъ о государствѣ. Разумѣется, практика представляетъ еще бо́льшія несовершенства (совершенно понятныя), потому что для нея — «pour le monde gouvernemental le soleil d'économie politique ne luit pas». (Принятіе же въ руководство экономическихъ положеній оказывало благотворное дѣйствіе на административную дѣятельность государственныхъ людей. Ср. *В. П. Безобразовъ*, Вліяніе экономической науки на госуд. жизнь въ современ. Европѣ. Русскій Вѣстникъ 1867. № 1).

Признавая необходимымъ условіемъ пониманія налога экономическую точку зрѣнія на государство и на его дѣятельность, я рѣшился разсмотрѣть развитіе ученія о налогѣ у классическихъ экономистовъ — Адама Смита, Жана-Батиста Сея,

Рикардо, Сисмонди и Милля въ связи съ ихъ общими экономическими теоріями, съ ихъ общими воззрѣніями на экономическій бытъ. Я думалъ, что послѣ такого разсмотрѣнія, подведя итоги, можно будетъ дать истинное объясненіе роли, какую играетъ налогъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ, опредѣлить его уклоненія на практикѣ отъ нормальнаго порядка вещей, и указать, чего недостаетъ какъ налогу, такъ и вообще хозяйственнымъ явленіямъ (связь которыхъ съ налогомъ я считаю доказанною) для того, чтобы они удовлетворяли основной цѣли человѣческой дѣятельности — счастью, благосостоянію. Вотъ задача, о которой я имѣлъ смѣлость мечтать. Работы, предпринятыя въ видахъ осуществленія ея, показали мнѣ всю ужасающую скудость моихъ средствъ предъ этою великою, обширною задачею, которую я едва былъ въ состояніи мысленно обнять. Но при всей ея недостижимости для меня, цѣль была слишкомъ увлекательна, чтобы отъ нея отказаться. И за эти хорошія стремленія, принявши во вниманіе слабость молодыхъ силъ, мнѣ, быть можетъ, не поставится въ укоръ и предлагаемое исполненіе задуманнаго плана. Различныя обстоятельства помѣшали мнѣ обработать гораздо подробнѣе заключительную главу и поставить ее въ болѣе тѣсную связь съ предыдущими, такъ-что въ моемъ сочиненіи, можно сказать, только *сопоставляются* матеріалы (I, II, III, IV, V главы) съ общими основными началами, которыя должны служить руководствомъ для критики (Введ. и VI глава). Мой трудъ отличается несистематичностью, которая, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что я не могъ охватить общую идею во всей ея цѣлости и запечатлѣть ея духомъ все изложеніе, представляетъ частыя повторенія, которыя, можетъ быть, вытекли изъ желанія пояснѣе выразить мысль. Но я попрошу вспомнить о состояніи науки, одинъ изъ вопросовъ которой затрогиваетъ настоящее, если позволено будетъ такъ выразиться, изслѣдованіе.

**

Да и претензіи мои простираются неслишкомъ далеко. Если о моемъ трудѣ можно будетъ сказать, что виновникъ его имѣлъ кое-какія вѣрныя мысли, которыя тѣмъ не менѣе ему *не удалось удачно* выразить, то я почту себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Я имѣлъ въ виду чисто *теоретическое* разрѣшеніе выставленной задачи, а никакъ не поднятіе какихъ-нибудь жгучихъ вопросовъ (brennende Frage) или вообще какія-нибудь постороннія наукѣ тенденціи; сила, которая должна руководить научными изысканіями, — стремленіе къ открытію истины, а не служеніе измѣнчивымъ и часто одностороннимъ интересамъ минуты.

Признаніе производительности или непроизводительности за данными услугами естественно опредѣляетъ такой или иной взглядъ изслѣдователя на употребленіе цѣнностей, которыми оплачиваются эти услуги. Поэтому, матеріальное, вещное воззрѣніе на хозяйство, считающее производительнымъ трудомъ только такой, который овеществляется въ предметахъ, обладающихъ мѣноспособностью, такое воззрѣніе должно было стать во враждебное отношеніе къ налогу, окупающему услуги государства, видя въ немъ отклоненіе народныхъ рессурсовъ отъ содержанія производительнаго труда; а это воззрѣніе имѣетъ своимъ отцомъ Ад. Смита. («Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ», 3 тома, переводъ *Бибикова*, къ сожалѣнію, не совсѣмъ удовлетворительный. Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations; trad. par Garnier. Collection des principaux économistes, t. V, VI). «Если-бы общество ежегодно употребляло весь трудъ, какой оно въ состояніи купить, то производство каждаго послѣдующаго года было бы обильнѣе, чѣмъ производство предыдущаго. Но довольно большая часть годоваго продукта (т. е. продукта го-

доваго производства) всюду потребляется праздными и непроизводительными людьми и, смотря по тому, какъ распредѣляется продуктъ между этими (работающими, съ одной стороны, и праздными и непроизводительными — съ другой) классами людей, обыкновенная или средняя цѣнность его изъ года въ годъ то повышается, то понижается, то остается на одномъ уровнѣ» (Collections des principaux économistes. «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations», t. V, p. 72, 73, 414. — Русскій перев. *Бибикова*. Т. 1, стр. 176, 177; т. 2, стр. 100).

Вся сумма годоваго продукта земли и труда распадается, по мнѣнію Смита, на двѣ части: одна назначается для производства, для возстановленія сырыхъ матеріаловъ, продовольствія и готовыхъ произведеній, израсходованныхъ изъ общаго запаса; эта часть идетъ на содержаніе производительныхъ рабочихъ, которые создаютъ всю сумму годоваго производства, другими словами — составляетъ капиталъ. Другая должна дать доходъ владѣльцу капитала (прибыль) и земли (рента); этою частью содержатся и непроизводительные рабочіе, и люди, ничего не дѣлающіе. Но такъ-какъ и первая часть можетъ быть выше того, что требуется для необходимаго содержанія рабочихъ, то излишекъ можетъ быть по произволу употребленъ и на содержаніе непроизводительныхъ людей. Эти сбереженія производительныхъ рабочихъ, которыя не могутъ быть велики въ отдѣльности, въ сложности составляютъ большую сумму, которая вмѣстѣ съ доходами капиталиста и землевладѣльца и оплачиваетъ трудъ разныхъ непроизводительныхъ работниковъ. «Такимъ образомъ, уплатою податей ремесленникъ можетъ содѣйствовать содержанію класса, въ дѣйствительности болѣе полезнаго и заслуживающаго большаго ува-

женія (чѣмъ актеры и комедіанты), но равнымъ образомъ непроизводительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ общественные доходы, или значительнѣйшая часть ихъ идетъ на содержаніе непроизводительныхъ людей (дворъ, духовенство, войско, флотъ), которые поэтому содержатся на счетъ другихъ. Слѣдовательно, если число ихъ переходитъ за необходимую мѣру, то въ продолженіи одного года они могутъ потребить такую значительную часть произведеній труда, что остальнаго ихъ количества недостанетъ на содержаніе производительныхъ рабочихъ, которые могли бы создать ихъ для слѣдующаго года. Отсюда ясно, что для того, чтобы не разстраивать хозяйства, эти непроизводительные рабочіе должны содержаться не иначе, какъ на часть *сбереженій* изъ доходовъ частныхъ лицъ» (Collect. des princip. économistes, V. p. 429; т. 2, стр. 117). На чемъ-же основано различіе между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ? Первый создаетъ новую цѣнность, новый предметъ, который выражаетъ собою скопленный трудъ и можетъ, въ случаѣ надобности, привести въ дѣйствіе такое-же количество свободнаго труда, употребивши скопленный для его оплаты. Услуга же втораго исчезаетъ въ тотъ самый моментъ, когда она оказывается. Къ этой второй категоріи принадлежитъ трудъ наиболѣе заслуживающихъ уваженія классовъ общества, потому что, не смотря на свою необходимость и пользу, онъ не осуществляется ни на какомъ предметѣ, который существовалъ бы хоть нѣсколько времени по прекращеніи труда, который можно было бы продать. «Напримѣръ, государь, какъ и всѣ, находящіеся у него на службѣ, гражданскіе и военные чины представляются непроизводительными работниками и содержатся на счетъ ежегоднаго продукта труда другихъ» (стр. 99, т. 2, Coll. des princ. écon. V, p. 414). Защита, общественное спокойствіе, охраненіе общественныхъ интересовъ, составляющія результатъ ихъ годовой службы, не представляютъ ничего *вещественнаго*, за что бы можно было *купить*

такое-же количество труда. Работа всѣхъ ихъ, подобно декламаціи актера, рѣчамъ оратора или аккордамъ музыканта, исчезаетъ въ ту самую минуту, въ которую она произведена» (T. 2, стр. 93—127, Collect. des princ. économ. V, p. 410—437). Вотъ теорія Смита. Намъ надо отнестись къ ней критически и показать, имѣетъ ли какое-нибудь значеніе это подраздѣленіе общественнаго труда. По-видимому, Смитъ хотѣлъ здѣсь провести различіе между предметами, удовлетворяющими нашимъ основнымъ, первоначальнымъ нуждамъ, и предметами, удовлетворяющими болѣе возвышеннымъ, утонченнымъ нуждамъ, которыхъ нѣтъ на первыхъ порахъ и которыя являются у народа по мѣрѣ его развитія. Понятно, что эти нужды высшаго порядка, корень которыхъ заключается въ природѣ человѣка, въ постепенномъ стремленіи къ улучшенію своей жизни, могутъ предъявить свои права только тогда, когда уже удовлетворены основныя, неотложныя. Гдѣ же граница между этими нуждами? Смитъ думалъ найдти ее въ *матеріальности* продуктовъ, служащихъ для удовлетворенія первоначальныхъ нуждъ; и только такими продуктами, какъ способными къ накопленію (Anhäufung), его школа и ограничила понятіе *богатства*. «Отъ производства такихъ продуктовъ народъ богатѣетъ; отъ употребленія ихъ на содержаніе рабочихъ, занятыхъ доставленіемъ нематеріальныхъ предметовъ, народъ бѣднѣетъ и разоряется». Но человѣкъ, по самой природѣ своей, не можетъ остановиться на удовлетвореніи первоначальныхъ нуждъ; онъ обнаруживаетъ извѣстную тонкость въ выборѣ продуктовъ для удовлетворенія: il ne lui suffit pas d'exister, il veut exister agréablement, говоритъ Шторхъ. Поэтому, auf jeder höheren Stufe der Volkswirthschaft alle Güter, selbst diejenigen, welche den niedrigsten Bedürfnissen dienen, nicht mehr rein körperliche Güter sind, sondern einen immateriellen Zusatz erhalten haben (*Dietzel.* S. 68). Съ другой стороны, и чисто идеальныя цѣли (которыя составляютъ только крайній пунктъ постепеннаго одухотворенія) тре-

буютъ для своего достиженія особо приноровленныхъ тѣлесныхъ вещей; всякое искусство нуждается въ матеріалѣ. Такимъ образомъ признакъ матеріальности оказывается никуда негоднымъ, потому что съ нимъ пришлось бы на мало-мальски высшей ступени хозяйства стать въ странное отношеніе къ упомянутому *immaterieller Zusatz*. А съ другой стороны, такъ-какъ производство въ настоящее время проходитъ чрезъ множество ступеней и такъ-какъ, слѣдовательно, не всякій произведенный предметъ можетъ служить непосредственно для удовлетворенія нуждъ, а можетъ составлять только переходный моментъ въ ряду процессовъ, направленныхъ къ одной цѣли, къ доставленію окончательнаго продукта, то, при такихъ обстоятельствахъ, теорія легко можетъ съ своимъ критеріумомъ попасть въ-просакъ и признать производительнымъ трудъ, создающій предметы, все назначеніе которыхъ—служить матеріалами или орудіями для производства нематеріальныхъ, а слѣдовательно и несоставляющихъ богатства, благъ. Я сошлюсь на извѣстный примѣръ — производителя скрипки и скрипача, фортепіанщика и піаниста (Germain Garnier). Такимъ образомъ, мы видимъ негодность этого признака; видимъ, далѣе, въ этомъ подраздѣленіи одну голую рубрику безъ всякаго соціальнаго значенія, какъ-скоро самъ-же Смитъ увѣряетъ, что непроизводительныя занятія могутъ быть полезны и необходимы (т. е., значитъ, удовлетворяютъ неотложнымъ нуждамъ), а Милль настаиваетъ, чтобы мы не считали терминъ непроизводительный синонимомъ: «излишній, безполезный, пустой», да «вспомнили, что производство не единственная цѣль человѣческаго существованія» (Основанія политической экономіи. Т. I, стр. 57). А между тѣмъ Смитъ, излагая систему физіократовъ, говоритъ, что «поземельные расходы именуются этою системою *почетнымъ* названіемъ производительныхъ (sont honorées de la dénomination des dépenses productives); ремесленники же, фабриканты и купцы представляются ею людьми, совершенно без-

плодными и *непроизводительными* (gens entièrement stériles et non productifs, стр. 578, т. II; Coll. des princ. écon. VI. p. 312—313), но физіократы вѣдь прибавляютъ, что непроизводительный классъ не просто только полезенъ, но чрезвычайно полезенъ для прочихъ классовъ (582, ibid. p. 316). Смитъ опровергаетъ это различіе, а предлагаетъ свое, которое, по словамъ Макъ-Куллоха, также мечтательно, какъ и разграниченіе физіократовъ; я готовъ даже найдти для послѣднихъ смягчающее обстоятельство въ связи ихъ разграниченія съ теоріею чистаго дохода (produit net), которую почти принимаетъ и Смитъ (574—609, т. 2, Collect. des princip. écon. p. 309—329). Да и можно ли на основаніи смитовской теоріи признать производительность торговцевъ? (Полезность вещи находиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ она нужна, не доставляетъ вещи никакого матеріальнаго придатка). При такой шаткости ученія, Милль долженъ былъ пуститься на расширеніе термина «производительный» и признать таковымъ и трудъ, употребленный на производство полезностей, вложенныхъ и *осуществленныхъ въ людяхъ*. Сказавши сначала, что трудъ арміи и флота, трудъ законодателя, судьи и прочихъ агентовъ правительства — непроизводителенъ, потому что только отвращаетъ неудобства, но оставляетъ страну со стороны богатства безъ всякой перемѣны къ лучшему или къ худшему, онъ объявляетъ его, чрезъ страницу, производительнымъ (даже въ буквальномъ смыслѣ слова), потому что безъ него матеріальное богатство не могло бы существовать *въ изобиліи, подобномъ нынѣшнему* (60—62); все различіе этого труда отъ труда земледѣльца или ткача въ томъ, что онъ служитъ производству косвенно — давая *охраненіе* (Schutz). (Здѣсь, другими словами, признается положеніе: Alles, was mit gewisser Zerstörung bedroht war und erhalten wird, ist so gut, wie neu geschaffen). Послѣ всѣхъ этихъ разсужденій, признавъ далѣе богатствомъ предметы, которые даже *неспособны къ производительному потребленію*, Миллю оставалось только про-

возгласить, что различіе между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ неважно, а есть другое, болѣе важное (67). Изъ всего этого разсмотрѣнія явствуетъ, что различіе, установленное Смитомъ, различіе, которымъ долженъ опредѣляться весь характеръ ученія о доходахъ и расходахъ государства, уже по самой своей сбивчивости не могло оказать важнаго вліянія на пониманіе налога. (Ср. *Kautz*, Die geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomik, § 69).

А. Смитъ не даетъ основныхъ положеній относительно налога, сгруппированныхъ въ какую-нибудь систему. Трудъ отца политической экономіи отличается совершенно понятною безсистемностью и противорѣчіями во многихъ пунктахъ, такъ-что изъ него могутъ черпать аргументы обѣ крайнія школы экономической науки. У него даже нѣтъ опредѣленія налога. А по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ можно заключить, что теорія о непроизводительности государственныхъ услугъ не оказываетъ помѣхи для признанія ихъ пользы и для признанія налога—справедливою цѣною, оплачивающею эти услуги. Такъ, на стр. 183, т. 3 (VI, p. 496): «Расходы правительства по отношенію къ подданнымъ то-же, что издержки управленія относительно хозяевъ большаго владѣнія, обязанныхъ участвовать въ этихъ издержкахъ въ размѣрѣ доходовъ (à proportion de l'intérêt), получаемыхъ каждымъ изъ этого владѣнія». Далѣе, говоря о налогѣ на наемную землю подъ домами: «сама справедливость требуетъ, чтобы *цѣнность, вызванная хорошимъ управленіемъ*, была обложена *особымъ налогомъ*, или принимала большее участіе сравнительно съ прочими цѣнностями въ содержаніи правительства» (стр. 221, VI. p. 527). «Въ небольшой республикѣ, въ которой народъ имѣетъ полное довѣріе къ своему правительству, въ которой онъ убѣжденъ въ необходимости налога и увѣренъ, что сборы будутъ употреблены по своему назначенію, можно положиться на *готовность* гражданъ и на добросовѣстность (la bonne volonté

et bonne foi) при внесеніи налога» (230, VI. p. 535). Наконецъ, говоря о пошлинахъ за пользованіе путями сообщенія: «при содѣйствіи такого рода учрежденій издержки на перевозку чрезвычайно уменьшаются, а слѣдовательно товары обходятся потребителю несравненно дешевле, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы сооруженій этихъ вовсе не существовало (а слѣдовательно и пошлинъ). Человѣкъ, уплачивающій пошлину, въ дѣйствительности болѣе выигрываетъ *отъ способа ея употребленія*, чѣмъ сколько терпитъ отъ ея уплаты; она представляетъ уступку меньшей доли выигрыша, чтобы получить остальную, бо́льшую часть. Кажется, прибавляетъ Смитъ, нельзя и придумать болѣе справедливаго способа взиманія налога» (стр. 48; VI, p. 377). Цитаты эти, мнѣ кажется, не имѣютъ нужды въ комментаріяхъ. Мало того, вся первая глава 5-й книги «о расходахъ государя» имѣетъ въ виду показать: необходимыя издержки государя и государства, какія изъ нихъ должны быть *оплачиваемы изъ общаго сбора со всего общества, и какія* должны падать только *на нѣкоторую часть общества*, на нѣкоторыхъ его членовъ: 2-я глава имѣетъ въ виду рѣшить вопросъ: какими способами можно заставить цѣлое общество принять участіе въ расходахъ, дѣлаемыхъ для всего же общества, и въ чемъ состоятъ главныя выгоды и недостатки каждаго изъ этихъ способовъ. Наконецъ, 3-я глава занимается государственными долгами и ихъ вліяніемъ на годовое производство земли и труда. Такимъ образомъ, если А. Смитъ и держался своей теоріи о производительномъ трудѣ, изъ которой вытекаетъ рѣзкое противоположеніе государственнаго хозяйства общему народному хозяйству, онъ не держался ея безусловно, и въ различныхъ мѣстахъ его творенія мы находимъ разбросанные проблески иного взгляда (такъ-что Бруно-Гильдебрандтъ высказываетъ мысль, что въ дѣлѣ обложенія Смитъ является приверженцемъ принципа, который въ совре-

менной литературѣ носитъ названіе Princip der Aequivalenz или Genuss-Princip (Pay); съ этой стороны онъ видитъ сходство Смита съ Гоббсомъ, который опредѣляетъ налогъ, какъ emptae pacis pretium. Перев. *В. Безобразова* подъ заглавіемъ: Историческое обозрѣніе политико-экономическихъ системъ», стр. 18—19). А между тѣмъ уже Монтескьё говорилъ: «Les revenus de l'Etat sont une portion, que chaque citoyen donne de son bien *pour avoir la sûreté de l'autre ou pour en jouir agréablement*. Pour bien fixer ces revenus, il faut avoir égard et *aux nécessités* de l'Etat et aux *nécessités* des citoyens. Jl ne faut point prendre au peuple sur ses besoins réels pour des *besoins* de l'Etat *imaginaires*. Далѣе онъ говоритъ: ce n'est point à ce que le peuple *peut* donner qu'il faut mesurer les revenus publics, mais à ce qu'il doit donner (*Montesqieu*, Esprit des lois. l. XIII. ch. I).

Задачи государства, которыя обусловливаютъ его издержки, Смитъ сводитъ къ тремъ рубрикамъ: защита общества отъ насилія и нашествія со стороны другихъ независимыхъ обществъ, защита каждаго члена общества отъ обидъ и притѣсненій со стороны другихъ членовъ и, наконецъ, приведеніе въ исполненіе и поддержаніе общественныхъ предпріятій и нѣкоторыхъ учрежденій, которыя не могутъ быть содержимы однимъ или нѣсколькими лицами, но относительно всего общества, доставляемая ими польза можетъ болѣе, чѣмъ вознаградить за сдѣланные расходы». Я бѣгло разсмотрю соотвѣтствующія этимъ задачамъ три категоріи расходовъ.

Расходы на внѣшнюю оборону. Въ исторіи организація этой защиты измѣнялась и вслѣдствіе этого она являлась, то статьей расхода, то одною изъ первыхъ формъ налога — повинностью [это — «l'impot du sang». Ср. *Joffrès*, Etudes sur le recrutement de l'armée, p. 4; въ этомъ трудѣ авторъ требуетъ введенія уравнительности въ отправленіе военной повинности по-

средствомъ привлеченія всѣхъ гражданъ, достигшихъ 20 лѣтъ, или къ личному участію (service personnel), или къ уплатѣ отъ 100 до 800 франковъ съ семейства (service pecuniaire), члены котораго выбираютъ другую карьеру; суммы, собранныя съ извѣстной мѣстности, наростаютъ процентами и дѣлятся между дѣйствительно служившими (изъ той-же мѣстности) по выходѣ ихъ въ отставку. Основная мысль Joffrès: — il faut, que chaque Français contribue en réalité *de sa personne* ou *de sa fortune* au recrutement de l'armée », p. 21]. Въ охотничьемъ и пастушескомъ быту каждый человѣкъ — воинъ; онъ содержится на свой счетъ и образъ жизни его мало измѣняется отъ того, что онъ выступаетъ въ походъ. Въ первоначальный земледѣльческій періодъ также всякій безъ особаго труда становится воиномъ; но бытъ этотъ уже предполагаетъ осѣдлость; поэтому не всѣ идутъ на войну, а только $^1/_4$ или $^1/_5$ населенія, но они содержатся все еще на свой счетъ безъ затрудненія (если походъ — кратковременный и не въ рабочее время). Но съ теченіемъ времени являются условія, которыя разлагаютъ этотъ безмездный способъ защиты. Съ одной стороны, выступаетъ мануфактурная промышленность, которая не терпитъ перерывовъ; съ другой стороны — само военное искусство усложняется, требуетъ подготовки, дорогаго оружія. По закону спеціализаціи труда, военное занятіе приходится обратить въ отдѣльное, самостоятельное ремесло, которое должно содержаться *на счетъ всего государства*. Весь вопросъ въ томъ, прибѣгнуть ли къ этому способу защиты, или, поддерживая военное воспитаніе, присоединяя военныя занятія къ каждому ремеслу, держать общество на-готовѣ на случай опасности? Das grösste Problem, welches der Gemeinwirthschaft gestellt ist und für die Weiterentwicklung Europa's vom grössten Gewicht sein wird, ist vielleicht die Frage ob die stehenden Heere durch ein bürgerliches Milizsystem ersetzt werden können (*Schäffle*,

391). Смитъ стоитъ за постоянную армію, на томъ основаніи, что въ ней замѣчательно развиты дисциплина и повиновеніе и потому, что регулярныя войска поддерживаютъ порядокъ и внутреннее спокойствіе страны. (А уже Дюпонъ немурскій говорилъ: Les grandes armées sont encore plus funestes à la nation, qui s'épuise pour les mettre en campagne, qu'à l'ennemi qu'elles sont destinées à combattre). Но на послѣднемъ международномъ конгрессѣ для общественной науки въ Бернѣ Штемпфли (Stämpfli) представилъ блестящую защиту милиціонной системы съ экономической точки зрѣнія (391). [Ср. замѣчательную статью «Comment on pourrait réduire l'armée?» par *L. de Dreuille* въ Journal des Economistes. 1868. Mars. Возражаютъ, говоритъ онъ, что «en armant le peuple, on armerait les révolutionnaires; en renvoyant les soldats dans leurs foyers, on désarmerait le pouvoir». Но «faites donc en sorte que tout le monde ait quelque chose à perdre, c'est-à-dire, sinon une fortune acquise, au moins une industrie qui prospère ou un travail bien retribué. Otez-nous toutes ces entraves qui gênent le travail, la spéculation et le crédit; puis soulagez-nous de nos lourds impôts, et trouvez de l'argent pour faire des ports et des chemins, ce qui revient à dire — *diminuez l'armée.* Alors vous aurez multiplié les indusries qui prospèrent et vous n'aurez plus des révolutions (p. 370). Авторъ стоитъ за милицію, полагая въ ней единственное надежное средство избѣгнуть слѣдующей дилеммы: «ou bien augmenter nos armements — nous épuiser par appauvrissement, par dépopulation, par abâtardissement de la race, ou désarmer avec des chances assez probables de mort violente par l'invasion et le démembrement (p. 358). Поэтому слѣдуетъ faire que tout le monde apprenne le métier de soldat aussi bien qu'on peut l'apprendre au régiment, и на случай нужды мы будемъ имѣть столько воиновъ, сколько во Франціи избирателей (т. е. 8 милл.). Но для этого «il faut

renoncer à tout jamais aux idées de conquête» (p. 383), потому что «le peuple armé n'aurait des forces que pour la défensive» (370). Для осуществленія проекта, de Dreuille предлагаетъ рядъ временныхъ (переходныхъ) и постоянныхъ мѣръ. Онъ связываетъ способъ формировки войска съ успѣхами военнаго искусства и съ политическими формами государства; если артиллерія и постоянныя арміи породили централизацію (завоеванія), то милиціи соотвѣтствуетъ федерація].

Расходы на отправленіе правосудія. Потребность въ гражданскомъ правительствѣ, по мнѣнію Смита, чувствуется только послѣ появленія до извѣстной степени цѣнной и обширной собственности, которое предполагаетъ имущественное неравенство, вызываетъ негодованіе бѣдняка и разжигаетъ его къ покушеніямъ на захватъ. Поэтому Смитъ говоритъ о сложеніи политической власти и подчиненія, о силахъ, вліявшихъ на закладъ общества, и приходитъ къ выводу, что гражданское правительство въ сущности установлено для защиты богатыхъ противъ бѣдныхъ и что, слѣдовательно, судебная власть должна составлять его необходимый аттрибутъ. Государь не только не дѣлалъ при этомъ пожертвованія, напротивъ — отправленіе правосудія вмѣстѣ съ доходами отъ его стадъ (пастушескій бытъ) или земель (земледѣльческій) и добровольными приношеніями (freiwillige Gabe, dona gratuita) составляло источникъ дохода. Но съ теченіемъ времени доходы верховной власти становились недостаточными для покрытія увеличивавшихся расходовъ (въ страстный воинственный періодъ); являются постоянные налоги, а вмѣстѣ съ ними и отмѣна пагубной системы подарковъ за отправленіе правосудія; другими словами, судъ дѣлается даровымъ, безмезднымъ. Но Смитъ считаетъ возможнымъ не обременять содержаніемъ суда общественный доходъ, а устроить дѣло такъ, чтобы «судъ самъ кормилъ себя» (если можно такъ выразиться), т. е., чтобы всѣ издержки окупались судебными и гербовыми пошлинами

Но не все ли равно — покрытіе издержекъ вообще общественнымъ доходомъ или какою-нибудь отдѣльною частью этихъ доходовъ? Съ одной стороны, эта отдѣльная статья не должна быть доводима до неравномѣрности и обременительности. Съ другой, правосудіе играетъ такую важную роль въ общественномъ хозяйствѣ, что изъ-за недостаточности этой статьи дохода нельзя же урѣзывать и стѣснять дѣятельность суда. Все дѣло, такимъ образомъ, въ томъ, что при обращеніи къ правосудію государство имѣетъ возможность обложить нѣкоторые доходы, которые при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ ускользаютъ отъ посильнаго участія въ общемъ государственномъ доходѣ.

Третья и послѣдняя обязанность государства состоитъ въ приведеніи въ исполненіе и въ поддержаніи тѣхъ общественныхъ предпріятій и учрежденій, которыя доставляютъ безчисленныя выгоды всему обществу, но по природѣ своей не могутъ быть предметомъ частной предпріимчивости. Учрежденія эти имѣютъ въ виду двѣ цѣли: облегченіе торговыхъ сношеній и распространеніе въ обществѣ образованія; по этимъ цѣлямъ можно дать классификацію мѣрамъ этого рода. Первая рубрика распадается, въ свою очередь, на два отдѣла; работы и учрежденія, необходимыя для развитія торговли вообще, и работы для облегченія отдѣльныхъ отраслей торговли. Къ первымъ Смитъ относитъ пути сообщенія — дороги, мосты, каналы, которые могутъ быть содержимы сборами съ проѣзжихъ и могутъ не обременять общественнаго дохода; ко вторымъ — содержаніе посланниковъ, консуловъ, и здѣсь-же Смитъ дѣлаетъ большое отступленіе о привилегированныхъ и акціонерныхъ компаніяхъ, о предпріятіяхъ, которыя могутъ быть успѣшно исполняемы послѣдними. Вторая рубрика, обнимающая дѣятельность для распространенія образованія, тоже распадается на два отдѣла — заведенія для воспитанія юношества и учрежденія для образованія людей всякаго возраста. Въ первомъ отдѣлѣ Смитъ разсуж-

даетъ о томъ, какая оплата будетъ полезнѣе для развитія образованія, — заработная плата, уплачиваемая ученикомъ учителю, или постоянная плата (salaire fixe), доставляемая государственными доходами или частными, предназначенными для этой цѣли, капиталами, рентами. Отдавая преимущество, послѣ длиннаго разсужденія, захватывающаго древнія и новыя времена, первому способу, онъ замѣчаетъ, впрочемъ, что все здѣсь зависитъ отъ состоянія общества. При нѣкоторыхъ условіяхъ оно ставитъ большую часть членовъ въ такое положеніе, которое, естественно, безъ всякаго содѣйствія правительства, развиваетъ въ нихъ почти всѣ добродѣтели и дарованія, которыя требуются этимъ состояніемъ общества. При другихъ условіяхъ, оно не ставитъ гражданъ въ такое выгодное положеніе, вслѣдствіе чего является необходимость для правительства принять на себя нѣкоторую заботу. Обращаясь къ настоящему положенію дѣлъ, онъ говоритъ: «въ такое положеніе (т. е. упадка разсудочной силы, общественныхъ добродѣтелей и военныхъ способностей) бѣдные рабочіе, т. е. почти вся масса народа, должны прійдти во всякомъ цивилизованномъ обществѣ при успѣхахъ промышленности (основанныхъ на раздѣленіи труда), если *правительство* не возьметъ какихъ-либо предосторожностей для предупрежденія зла» (VI p. 443, т. 3, стр. 124 — важная цитата для вопроса о невмѣшательствѣ). Результатъ воспитанія — полезныя качества (les talents utiles), пріобрѣтаемыя членами общества, причисляются Смитомъ къ *неизмѣнному капиталу* общества; расходъ на пріобрѣтеніе ихъ составляетъ неизмѣнный капиталъ, олицетворенный, такъ сказать, въ человѣкѣ; на усовершенствованную ловкость работника, представляющую часть народнаго богатства, можно смотрѣть съ такой-же точки зрѣнія, какъ на машину или рабочій инструментъ, облегчающій и сокращающій трудъ и возвращающій съ прибылью потраченный капиталъ (разумѣется, то-же можно сказать и о нравственныхъ качествахъ)

(V. p. 341. т. 2, стр. 15). На-сколько же вяжется съ приведеннымъ мѣстомъ теорія Смита о производительности?

Учрежденія для образованія людей всякаго возраста имѣютъ своимъ главнымъ предметомъ религіозное воспитаніе; и здѣсь Смитъ преимущественно занимается рѣшеніемъ, съ точки зрѣнія личнаго интереса, вопроса о вліяніи способа содержанія духовенства на исполненіе имъ своихъ обязанностей. За-тѣмъ, онъ настаиваетъ на сокращеніи доходовъ духовенства, десятины, признавая за несомнѣнную истину, что чѣмъ богаче церковь, тѣмъ меньшими средствами обладаетъ государство для покрытія своихъ издержекъ (стр. 164, VI p. 478).

Послѣдній отдѣлъ расходовъ — на поддержаніе достоинства государя; они различаются по періодамъ общественнаго развитія и по различію образовъ правленія (эти издержки, какъ и военный блескъ, «dienen zur Befriedigung des nationalen Stolzes vor anderen Nationen hervorzuglänzen. S. 105. *Dietzel*).

Цѣль всего изслѣдованія Смита о расходахъ состояла въ томъ, чтобы рѣшить — кѣмъ они должны оплачиваться, и вотъ его выводы. Расходы на общественную оборону и на поддержаніе достоинства верховной власти должны покрываться общими сборами со всего общества, потому что они производятся ради общей пользы всего общества. Издержки на отправленіе правосудія, на содержаніе общественныхъ заведеній и работъ, на учрежденія для общественнаго образованія и религіознаго воспитанія, безспорно доставляя пользу всему обществу, должны бы и оплачиваться цѣлымъ обществомъ, но, принося болѣе прямую и непосредственную пользу тѣмъ, кто ими пользуется, эти отрасли правительственной дѣятельности могутъ находить средства для оплаты въ особыхъ спеціальныхъ пошлинахъ. Но недостаточность этихъ средствъ не должна стѣснять выполненія цѣли; поэтому недоборъ долженъ покрываться сборами со всего общества (стр. 168, 169; VI. pp. 481—482).

Теперь мнѣ и приходится перейдти къ этимъ сборамъ или къ источникамъ государственнаго дохода, который, по Смиту, можетъ быть получаемъ съ имуществъ, собственно принадлежащихъ государству, — капитала и земли (это — промышленные доходы правительства, по теперешней терминологіи), или же съ доходовъ народа (Auflage). Что касается перваго источника, то государство можетъ получать прибыль или процентъ (изслѣдованіе этихъ категорій не отдѣлено у Смита, и поэтому — сбивчиво. Ср. *Kautz*, Die geschichtliche Entwicklung der National-Oekonomik und ihrer Literatur. S. 436 – 437) съ своего капитала, какъ это и бываетъ въ пастушескомъ быту, гдѣ стада — главный, если не единственный источникъ дохода. «Но въ дальнѣйшіе періоды развитія непостоянныя и шаткія свойства кредита (!?) и капиталовъ, говоритъ Смитъ, не позволяютъ обращать ихъ въ главное основаніе для прочнаго, неизмѣннаго и обезпеченнаго дохода, который одинъ только можетъ доставить правительству твердость и достоинство». Пользованіе доходами съ земель составляетъ остатокъ земледѣльческаго, феодально-крѣпостнаго періода, когда всѣ незатѣйливые расходы государя покрывались доходами съ его поземельной собственности (при особой организаціи военной службы и отправленія правосудія). Но съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились; доходовъ этихъ стало недостаточно; правительственное хозяйничаніе было изъ-рукъ-вонъ плохо; поэтому мы замѣчаемъ движеніе къ продажѣ доменовъ. Но и теперь еще есть много обширныхъ земель, составляющихъ собственность короны. Отзывъ А. Смита о доменахъ извѣстенъ и часто приводится: «хотя по-видимому доходъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ частнымъ лицамъ, тѣмъ не менѣе это самый обременительный изъ доходовъ, получаемыхъ обществомъ». (Celui de tous les revenus qui, à l'égalité de produit, coûte le plus cher à la société. VI. p. 495, стр. 183). Поэтому онъ даетъ совѣтъ про-

давать государственныя земли (способъ — публичная продажа) и употреблять полученныя суммы на уплату государственнаго долга. Такимъ образомъ правительство пріобрѣло бы явныя выгоды; а съ другой стороны, попавши въ частныя руки, земли начали бы несравненно лучше воздѣлываться и увеличили бы народный доходъ, изъ котораго, въ-концѣ-концовъ, извлекаются всѣ рессурсы государства. Итакъ, промышленные доходы правительства должны съ теченіемъ времени упадать, потому что они составляютъ остатки прошлыхъ общественныхъ укладовъ, несовмѣстные съ новыми условіями жизни — съ постепеннымъ развитіемъ личности, собственности, съ требованіемъ безпрепятственнаго перехода этой собственности въ руки, наиболѣе способныя, наиболѣе достойныя заправлять хозяйствомъ.

Я естественно перехожу къ разбору мыслей А. Смита о налогѣ, какъ способѣ, посредствомъ котораго народъ частью собственныхъ доходовъ участвуетъ въ доставленіи правительству такъ-называемаго «государственнаго дохода». Вмѣсто основныхъ началъ для установленія, количества, распредѣленія и взиманія налоговъ, Смитъ даетъ свои знаменитые четыре закона, которые служатъ ему критеріумомъ для оцѣнки всѣхъ налоговъ. Это тѣ четыре правила, которыя, по мнѣнію Милля, сдѣлались классическими и не были оспариваемы никѣмъ изъ послѣдующихъ ученыхъ, и о которыхъ Прудонъ выражается, что вмѣстѣ съ правилами Сисмонди ces règles forment encore aujourd'hui à peu près tout ce que la science a de positif sur la matière (p. 365). 1-й законъ касается распредѣленія налоговъ и требуетъ соразмѣрности его со средствами каждаго или съ доходами, получаемыми подъ покровительствомъ государства. А такъ-какъ эти доходы приводятся къ тремъ основнымъ и первоначальнымъ источникамъ, то и всѣ налоги, въ-концѣ-концовъ, оплачиваются непосредственно или косвенно либо платою за трудъ, либо прибылью съ капитала, либо поземельною рентою (V. p. 71, T. I. стр.

174). Такимъ образомъ равномѣрность можетъ быть между различными отраслями дохода, она можетъ быть и въ предѣлахъ одного вида дохода. Но у Смита есть намеки и на прогрессивный масштабъ, стр. 49 и 217, т. 3. Въ этихъ мѣстахъ Смитъ говоритъ: «не можетъ быть неблагоразумія (il n'est pas très-déraisonnable) въ томъ, чтобы богатые принимали участіе въ расходахъ государства не только пропорціонально своимъ доходамъ, но и нѣсколько больше» («non-seulement à proportion de leur revenu, mais encore de quelque chose au delà de cette proportion». VI. p. 524, 525, стр. 217). Еще болѣе отдаленный намекъ можно открыть въ слѣдующихъ словахъ: «если пошлина, взимаемая съ роскошныхъ экипажей, колясокъ, почтовыхъ каретъ и проч., сравнительно съ ихъ тяжестью, превышаетъ пошлину съ повозокъ, перевозящихъ предметы необходимости, какъ — ломовыя телѣги, фуры и проч., то такимъ образомъ роскошь и тщеславіе (l'indolence et la vanité) богатыхъ людей побуждается самымъ удобнымъ для нихъ образомъ къ вспомоществованію бѣднымъ, удешевляя перевозку тяжелыхъ товаровъ по всѣмъ частямъ государства» (стр. 48—49; VI p. 377—778). 2-й законъ требуетъ строгой опредѣленности относительно количества взноса, способа взиманія, времени уплаты, при чемъ неопредѣленность признается Смитомъ еще губительнѣе неравенства. 3-й законъ имѣетъ въ виду сдѣлать налогъ незамѣтнымъ для плательщика, требуя взиманія въ самое удобное время и самымъ удобнымъ способомъ. 4-й законъ предписываетъ, чтобы не налагались на гражданъ большіе платежи, чѣмъ тѣ, которые дѣйствительно поступаютъ въ казну; чтобы государство по-возможности получало столько, сколько берется съ гражданъ, другими словами, чтобы издержки поступленія были какъ-можно меньше (la perception au bas prix possible, говоритъ Прудонъ), чтобы налогъ не путалъ народнаго хозяйства, не создавалъ новыхъ неравенствъ (а даже

исправлялъ существующія. *Милль* — стр. 330), не заставлялъ капиталы приливать къ невыгодному для народа употребленію, чтобы своею чрезмѣрностью налогъ не служилъ искушеніемъ къ обману, за раскрытіемъ котораго слѣдуетъ разореніе увлекшихся, наконецъ, чтобы способомъ взиманія онъ не причинялъ гражданамъ безпокойствъ, прижимокъ и притѣсненій.

Такимъ образомъ Смитъ долго останавливается на послѣднихъ правилахъ благоразумія, продиктованныхъ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ, а между тѣмъ довольно легко относится къ первому. Но надо принять во вниманіе состояніе налоговъ въ его время; да притомъ онъ имѣлъ предъ собою и исторію прошлыхъ финансовъ, а что это были за финансы, ясно изъ слѣдующихъ словъ Сюлли: «Je vis avec une horreur qui augmenta mon zèle, que pour ces 30 millions, qui revenaient au roi, ils en sortaient de la bourse des particuliers, j'ai presque honte de le dire, 150 millions. Je ne fus pas surpris après cela, d'où venait la calamité du peuple». (Ср. замѣчаніе у *Garnier:* «Les frais de perception anciennement et de nos jours en France et en Angleterre». Traité des finances, pp. 372—376). Эти слова показываютъ, что тогда еще было не до тонкихъ изслѣдованій о равномѣрности обложенія, когда устройство одного взиманія вело къ такимъ поразительно-убійственнымъ результатамъ, когда было еще много лазеекъ для произвола и вымогательства сборщиковъ (вспомнимъ франц. taille). Штейнъ поэтому совершенно справедливо говоритъ: «diese einfache Grundsätze (три послѣднія) hatten im vorigen Jahrhundert eine sehr grosse Bedeutung, wo alle Steuern noch zum Theil im Mass, zum Theil in der Umlegung und Erhebung in hohem Grade unorganisch waren» (Finanzwissenschaft. S. 202). Четыре приведенныя положенія исчерпываютъ, можно сказать, всю общую часть финансовой науки у Смита; послѣ нихъ сейчасъ онъ переходитъ къ изложенію отдѣльныхъ налоговъ,

къ которымъ и прилагаетъ свои максимы. Классификація налоговъ у него проста.—Онъ признаетъ, что налогъ получается изъ общаго дохода страны, а доходъ этотъ приводится къ тремъ основнымъ элементамъ; ясно, что налогъ можетъ падать только на эти элементы порознь, или на всѣ въ-совокупности; этимъ путемъ у него получается четырехчленное дѣленіе: налогъ на ренту, на прибыль, на заработную плату и безразлично на всѣ три источника (т. е. поголовная подать и налогъ на потребленіе). Здѣсь Смитъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое, къ сожалѣнію, остается у него безъ надлежащаго развитія; онъ говоритъ, что многіе налоги, въ концѣ концовъ, оплачиваются не изъ того источника, который имѣлся въ виду при установленіи налога. (Т. 3. стр. 185. VI, p. 496).

Свое разсмотрѣніе отдѣльныхъ налоговъ Смитъ начинаетъ съ налога на поземельную ренту и прежде всего рѣшаетъ важный и спорный вопросъ объ измѣняемости или неизмѣнности оцѣнки земли, служащей (т. е. оцѣнки) основой для налога. Онъ возстаетъ противъ неизмѣннаго налога съ точки зрѣнія неравномѣрности, которая скоро является подъ вліяніемъ естественныхъ и общественныхъ условій, окружающихъ обработку. Извѣстное возраженіе противъ измѣняющагося налога, что онъ препятствуетъ улучшеніямъ, Смитъ отклоняетъ тѣмъ, что желающимъ произвесть улучшенія можетъ быть дѣлаема отсрочка на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по цѣнности улучшеній. Да неизмѣнная оцѣнка, выраженная въ деньгахъ, непремѣнно вызывала бы неудобства для землевладѣльцевъ какъ плательщиковъ, или для казны, смотря по тому, возвышалась или падала цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ, которая опредѣляетъ цѣнность монеты. — Весь вопросъ теперь въ томъ, какъ-же уловить это измѣненіе дохода съ земли, возвышеніе или пониженіе ренты. Единственнымъ средствомъ Смитъ признаетъ внесеніе контрактовъ найма въ общественныя книги

(enregistrement des baux), причемъ государство можетъ обезпечить себя отъ утаекъ штрафомъ, и противополагаетъ свое естественное и простое средство «крайне затруднительной и разорительной мѣрѣ, состоящей въ размежеваніи и оцѣнкѣ всѣхъ земель въ государствѣ (т. е. кадастру)» (VI. p. 513, стр. 203: для предупрежденія неравномѣрности, которая должна неминуемо явиться въ непродолжительномъ времени, необходимо постоянное наблюденіе правительства за всѣми перемѣнами, которыя произойдутъ въ цѣнности и въ доходахъ каждой фермы страны, а такая роль не согласна съ природою государства и должна вызвать неудобства и стѣсненія. VI. p. 514—515; стр. 205 — 206). При этомъ любопытно, что А. Смитъ находитъ возможнымъ — употреблять налогъ, какъ средство для улучшенія земледѣлія путемъ болѣе сильнаго обложенія способовъ обработки, оказывающихъ вредное вліяніе на хозяйство страны (VI. pp. 509 — 510; стр. 198—200). Но кромѣ налога на ренту есть еще другой поземельный налогъ, который соразмѣряется съ валовымъ доходомъ земли (слѣдовательно, принимается другой признакъ для обложенія): такова — *десятина*. И десятина, какъ и предыдущій налогъ, падаетъ, по мнѣнію Смита, *цѣликомъ на ренту*, потому что фермеръ вычитаетъ цѣнность отбираемой части изъ арендной платы. Что касается ея вліянія, то, подъ видомъ равенства, она представляется крайне неравномѣрною, такъ-какъ десятая часть валоваго продукта можетъ находиться въ самыхъ разнообразныхъ пропорціяхъ къ чистому, вслѣдствіе различія плодородія земель, положенія относительно сбыта и т. д. Она отнимаетъ у собственника охоту дѣлать улучшенія, а у арендатора заботиться о возможно большемъ урожаѣ, а между тѣмъ, для *народнаго* хозяйства въ его цѣломъ составѣ важна не величина ренты, а *общая сумма произведеній*, доставляемыхъ землею (стр. 179; VI. p. 490—491). Мы

увидимъ впослѣдствіи, на-сколько эти мысли Смита отличаются отъ взглядовъ Рикардо, вытекшихъ изъ особаго пониманія поземельной ренты.

Въ близкой связи съ поземельными налогами стоитъ налогъ на наемную плату домовъ. Въ наемной платѣ можно различить двѣ части — плату за зданіе и плату за землю, т. е. ренту; первая составляетъ прибыль на капиталъ, затраченный въ домъ (и именно капиталъ долженъ приносить такіе-же проценты, какъ и всѣ другія вѣрныя и долгосрочныя помѣщенія, оплачивать издержки на ремонтъ и погашеніе), и должна стоять на одномъ уровнѣ съ прибылями, получаемыми отъ прочихъ промысловъ. Остающійся за-тѣмъ излишекъ поступаетъ въ пользу собственника земли и оплачиваетъ дѣйствительную или воображаемую выгоду даннаго мѣста, выгоду, въ произведеніи которой собственникъ тѣмъ не менѣе не принималъ никакого участія. Что касается до вліянія налога на эти двѣ части, то первая не можетъ быть, по-крайней-мѣрѣ на долгое время, уменьшена, потому что иначе капиталы не станутъ привлекаться къ постройкѣ домовъ, предложеніе которыхъ станетъ ниже спроса. По мнѣнію Смита, налогъ этотъ не упадетъ цѣликомъ и на поземельный доходъ, а распредѣлится между квартирантами, которые принуждены будутъ пользоваться за прежнюю цѣну худшими помѣщеніями, и между собственниками земли, такъ-какъ вслѣдствіе уменьшенія соперничества упадутъ цѣны за квартиры. Но опредѣлить размѣръ, въ какомъ распредѣляется между этими лицами окончательный платежъ, Смитъ отказывается, потому что это зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, въ налогѣ этомъ — двѣ стороны. На-сколько онъ падаетъ на землевладѣльца, онъ поражаетъ ренту и не можетъ поднять наемной платы за домъ; поэтому, когда отнимается на государственныя потребности часть дохода, которымъ собственникъ пользуется безъ всякаго труда и заботъ, то этимъ

не наносится ущерба никакой отрасли народнаго производства, а слѣдовательно и народному производству во всей его цѣлости; съ этой стороны обложеніе домовой ренты представляетъ еще болѣе удобствъ, чѣмъ обложеніе поземельной. На-сколько налогъ этотъ падаетъ на квартиранта, это — налогъ на потребленія; а что касается объекта обложенія, то онъ въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе удаченъ, такъ-какъ нѣтъ ни одной статьи расхода, по которой можно было бы болѣе точнымъ образомъ судить о широкихъ или ограниченныхъ издержкахъ каждаго человѣка; при томъ, на различныхъ ступеняхъ богатства отношеніе между издержками каждаго человѣка на помѣщеніе и всѣми его расходами не одинаково и первые возрастаютъ съ большею силою, чѣмъ вторые (здѣсь опять намекъ на одобреніе прогрессіи). Такимъ образомъ Смиту принадлежитъ честь указанія на этотъ важный объектъ обложенія. Изъ изложеннаго взгляда ясно вытекаетъ льгота отъ налога для пустыхъ домовъ. Привести въ извѣстность наемную плату можно тѣмъ-же способомъ, какъ и поземельную ренту. Принятіе какихъ-нибудь внѣшнихъ признаковъ для опредѣленія дохода, напр. печей, оконъ, ведетъ къ неравномѣрности.

За налогомъ на ренту у Смита слѣдуетъ налогъ на прибыль, или на доходъ съ капитала. Въ этомъ доходѣ двѣ части: проценты, причитающіеся владѣльцу капитала; другая часть составляетъ вознагражденіе за трудъ и рискъ предпринимателя; это вознагражденіе не можетъ быть тронуто налогомъ, потому что иначе предприниматель не въ состояніи вести занятіе. Поэтому, какъ скоро устанавливается налогъ на прибыль, то происходитъ одно изъ двухъ: или прибыль повышается на всю сумму налога и, возвышая такимъ образомъ цѣну товаровъ, падаетъ на потребителей; или, если прибыль остается та-же, то предприниматель вознаграждаетъ себя за взятую налогомъ сумму на-счетъ процентовъ собственника капитала. Этимъ путемъ,

значитъ, облагаются капиталы и, по-видимому, такъ-же удобно, какъ и поземельная рента, потому что отсюда, по мнѣнію Смита, не проистекаетъ ни возвышенія цѣны товаровъ, ни уменьшенія ихъ количества. Но два обстоятельства разстраиваютъ эти разсчеты: 1) количество капиталовъ, принадлежащихъ данному лицу, никогда не можетъ быть извѣстно или опредѣлено хоть съ какою-нибудь точностью: оно подвержено колебаніямъ; а точное изслѣдованіе повлекло бы къ инквизиціи, несносной для свободнаго народа. 2) Капиталъ очень легко перемѣщается и вездѣ можетъ найдти производительное употребленіе; поэтому, если онъ стѣсняется въ странѣ, то легко можетъ переселиться и такимъ образомъ лишить ее средствъ производства, поразить доходъ общества въ его источникахъ. Поэтому, если мы и встрѣчаемъ въ исторіи гдѣ-нибудь такой налогъ, онъ отличается крайнею умѣренностью и довольствуется поверхностною оцѣнкою (если налогъ падаетъ на прибыль фермера, то единственное спасеніе для послѣдняго — удержать за собою бо́льшее количество произведеній земли (при той-же цѣнѣ), т. е. уменьшить арендную плату поземельному собственнику). Но налогъ можетъ падать на прибыль, доставляемую только нѣкоторыми промыслами; по совершенно понятной причинѣ онъ не можетъ оказать никакого вліянія на величину денежнаго процента. Поэтому онъ падаетъ на потребителя, который въ цѣнѣ товара долженъ заплатить налогъ, внесенный торговцемъ (вообще съ нѣкоторою прибавкой, потому что на уплату налога затраченъ капиталъ въ обычномъ смыслѣ слова (avances), который долженъ принести процентъ). При этомъ, если довольно значительный налогъ не будетъ соразмѣряться съ дѣйствительною величиною прибыли (открыть которую нѣтъ никакой возможности, не прибѣгая къ невыносимымъ розыскамъ), а будетъ падать по-ровну на всѣхъ предпринимателей, сильныхъ и слабыхъ, — онъ поведетъ къ ограниченію конкурренціи

и созданію монопольныхъ цѣнъ, а слѣдовательно будетъ противорѣчить четвертому закону Смита.

За-тѣмъ, въ дополненіи (что показываетъ шаткость классификаціи Смита), онъ разсматриваетъ налоги на полную стоимость земель, домовъ и движимыхъ имуществъ. Пока собственность находится въ рукахъ одного человѣка, налогъ можетъ падать только на доходъ, который она приноситъ. Но когда собственность переходитъ изъ рукъ въ руки, она часто облагается налогомъ, имѣющимъ непремѣнное свойство отнять часть ея стоимости. Переходъ имущества отъ мертваго къ живому — фактъ очевидный, и законодательство издавна обратило на него вниманіе. Уже въ Римѣ является vicesima, а потомъ и decima hereditatis. Въ эпоху феодализма установляется выкупъ наслѣдственнаго права у сюзерена посредствомъ извѣстнаго взноса; («les droits de relief et rachat en ce, qui concerne les héritages tenus à titre de fief noble, et les lods (отъ laudare, approuver — le prix de l'approbation donnée par le seigneur) et ventes sur les héritages tenus à charge de censive». J. J. *Clamageran* «Histoire de l'impôt en France». 1-re partie, p. 207 — 208); отсюда этотъ налогъ перешелъ въ законодательства новой Европы. Что же можетъ сказать о немъ наука? Она признаетъ взиманіе справедливымъ тогда, когда смерть одного сопровождается увеличеніемъ дохода другихъ; если же смерть влечетъ за собою разстройство состоянія дѣтей, то взиманіе будетъ жестокостью и несправедливостью.—Передача недвижимыхъ имуществъ — земель и домовъ — также видимое дѣло; засвидѣтельствованіе ея, имѣющее въ виду обезпеченіе правъ и приносящее огромную пользу обществу, представляетъ удобный случай для взиманія налога, который обыкновенно падаетъ на продавца, т. е. на человѣка, уже находящагося въ стѣсненномъ положеніи, и поэтому часто бываетъ несправедливъ. Но переходъ денежныхъ суммъ и движимыхъ имуществъ между жи-

выми путемъ займа — сдѣлки тайныя; поэтому здѣсь пришлось прибѣгнуть къ косвенному обложенію: чтобы сдѣлка была дѣйствительна въ глазахъ закона, она должна облекаться въ письменную форму, при чемъ и взимается, такъ называемая, гербовая пошлина; или требуется, чтобы условія сдѣлки вносились въ общественныя книги, при чемъ взимается такъ называемая явочная пошлина. Какое же вліяніе на хозяйство производятъ эти разнообразныя пошлины? Во всѣхъ случаяхъ онѣ поражаютъ собственность, капиталъ, слѣдовательно, по мнѣнію Смита, сокращаютъ производство, уменьшаютъ доходъ общества. При томъ же онѣ обыкновенно бываютъ и неравномѣрны вслѣдствіе неодинаковаго количества переходовъ одинакихъ имуществъ. Нѣкоторые другіе налоги — напр. штемпельныя пошлины съ газетъ, журналовъ, пошлины за продажу различныхъ питей и т. д., — хотя и причисляются къ этому роду налоговъ на обращеніе имуществъ, въ сущности они дѣйствуютъ, по мнѣнію Смита, какъ налогъ на прибыль и оплачиваются потребителями.

Далѣе по порядку изложенія слѣдуетъ налогъ на заработную плату. Рабочая плата, выраженная въ деньгахъ, установляется требованіемъ на трудъ и среднею или обыкновенною цѣной продовольствія. Поэтому, при неизмѣнности этихъ условій, налогъ на нее не можетъ имѣть инаго дѣйствія, кромѣ повышенія ея, нѣсколько бо́льшаго противъ налога. Эта возвышенная рабочая плата оплатится предпринимателемъ, фабрикантомъ, который, разумѣется, внесетъ ее съ причитающеюся прибылью въ цѣну своихъ товаровъ и заставитъ потребителя очистить ее. Но если налогъ падаетъ на задѣльную плату сельскихъ рабочихъ и повышаетъ ее, то фермеръ, не имѣя возможности повысить цѣну своихъ произведеній, принужденъ вознаградить себя на-счетъ поземельной ренты, т. е. налогъ переносется на поземельнаго собственника. И такъ, налогъ на рабочую плату оказывается вдвойнѣ невыгоднымъ для землевладѣльцевъ: съ

одной стороны онъ отбираетъ часть ренты, а съ другой повышаетъ цѣну мануфактурныхъ произведеній. Но если налогъ на рабочую плату причиняетъ значительное пониженіе спроса на трудъ, то онъ имѣетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ — уменьшеніе средствъ существованія бѣдныхъ классовъ, упадокъ промышленности и понижепіе годоваго дохода страны. Вотъ все существенное, что говоритъ Смитъ о налогѣ на рабочую плату. Правда, онъ прибавляетъ еще о вліяніи налога на заработную плату ученыхъ и лицъ, занимающихся свободными искусствами; признавая, что ихъ вознагражденіе устанавливается на основаніи твердыхъ законовъ, онъ приходитъ къ выводу, что налогъ долженъ его повысить; если же оно не повышается, то многіе бываютъ принуждены оставить этотъ родъ труда. Въ заключеніе Смитъ высказываетъ мысль, что вознагражденіе, доставляемое мѣстомъ, должностью, службою, можетъ быть безъ неудобствъ обложено особеннымъ налогомъ, потому что оно установляется не свободнымъ соперничествомъ и часто бываетъ слишкомъ щедро (а перебросить на другихъ — нельзя). Но вообще все изслѣдованіе Смита о дѣйствіи налога на рабочую плату отличается крайнею поверхностностью, даже съ точки зрѣнія тѣхъ началъ распредѣленія, которыя имъ-же положены. Такъ, онъ говоритъ, что налогъ этотъ повыситъ цѣну товаровъ и упадетъ на *потребителя*. Но что же это за новый членъ хозяйства — *потребитель?* Смитъ говоритъ намъ, что весь доходъ общества сводится къ тремъ основнымъ формамъ (рента, прибыль и рабочая плата), которыя, слѣдовательно, должны оплачивать всякій расходъ, всякій налогъ. Какая-же изъ этихъ формъ оплачиваетъ данный? — Смитъ прямо говоритъ, что рабочая плата не можетъ оплачивать его, потому что величина ея зависитъ отъ особыхъ условій, которыя, по его словамъ, *остаются неизмѣнны;* а между тѣмъ рабочіе вѣдь главные потребители (VI. 583 — 584; стр. 285, 286, Т. 3). А если налогъ не

падаетъ на рабочую плату, то онъ упадетъ на прибыль, на доходъ предпринимателей, хозяевъ; но охотно ли эти люди согласятся принять на себя такую жертву, для рѣшенія этого Смиту стоило только вспомнить 192, 193, 194, 195 стр. Т. I своего труда; V, p. 86 — 87. Въ этомъ отношеніи гораздо откровеннѣе Бухананъ, который прямо объявляетъ, что уже вслѣдствіе самаго повышенія рабочей платы, спросъ на трудъ долженъ понизиться (значитъ, условія, установляющія рабочую плату, измѣнятся), а слѣдовательно, налогъ неминуемо поразитъ и то незатѣйливое довольство, которымъ пользовался рабочій, и тотъ ничтожный излишекъ надъ безусловно необходимымъ для поддержанія жизни, который преграждалъ путь къ совершенному огрубѣнію и отупѣнію.

Наконецъ, четвертая рубрика налоговъ у Смита заключаетъ въ себѣ налоги на всякаго рода доходы и распадается на два отдѣла: поголовная подать и налоги на *предметы потребленія*.

Поголовная подать можетъ взиматься, смотря по положенію человѣка въ обществѣ, и въ этомъ случаѣ она становится въ высшей степени неравномѣрною, потому что богатство не всегда находится въ соотвѣтствіи съ званіемъ человѣка. Она можетъ соотвѣтствовать имуществу или доходу каждаго человѣка и при невозможности точно опредѣлить состояніе каждаго человѣка и при необходимости довольствоваться поэтому поверхностною оцѣнкой, она будетъ отличаться крайнею неопредѣленностью и произволомъ и, въ концѣ концовъ, приведетъ къ неравномѣрности. Если поголовная подать взимается только съ низшихъ классовъ народа, она обращается въ налогъ на рабочую плату и причиняетъ всѣ его неудобства. А между тѣмъ легкость взиманія побуждала правительства находить въ этой подати довольно прочный доходъ.

2-й отдѣлъ составляютъ налоги на потребленіе — это знамени-

тые косвенные налоги. Я постараюсь сгруппировать мысли А. Смита по этому предмету, разбросанныя и не привязанныя къ какому-нибудь опредѣленному пункту. Налогъ на предметы потребленія, или косвенный налогъ на расходы гражданъ, вытекъ изъ невозможности обложить гражданъ поголовною податью въ размѣрѣ получаемаго ими дохода. Предметы потребленія суть предметы необходимости или роскоши; этимъ дѣленіемъ Смитъ наложилъ на себя обязанность рѣшить запутанный вопросъ о разграниченіи этихъ двухъ рубрикъ. Предметы необходимости, по его мнѣнію, не только продукты (denrées), необходимые для поддержанія жизни, но и всѣ предметы, безъ которыхъ, по обычаямъ страны, не могутъ обойдтись безъ стыда *порядочные люди* (honnêtes gens) даже послѣднихъ классовъ народа. И такъ, налогъ можетъ падать на предметы необходимости и роскоши. Какое-же его дѣйствіе? Налогъ на предметы необходимости, возвышая ихъ цѣну, долженъ непремѣнно вызвать повышеніе рабочей платы, уровень которой зависитъ отъ измѣненія цѣнъ на средства существованія; слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ налогъ на рабочую плату, который будетъ оплаченъ потребителемъ и поземельнымъ собственникомъ; поэтому, говоритъ Смитъ, если-бы высшіе классы хорошо сознавали свои интересы, они должны были бы возставать противъ всякаго налога на предметы необходимости, какъ и противъ налога на рабочую плату, потому что въ сущности это подать на нихъ, но увеличенная различными приплатами. Но Смитъ вскользь говоритъ о томъ случаѣ, когда повышеніе въ средней цѣнѣ предметовъ необходимости не вознаграждается соотвѣтствующимъ увеличеніемъ рабочей платы (а когда это можетъ быть, см. выше), тогда средства бѣдныхъ людей понизятся, населеніе уменьшится (что это значитъ?), а слѣдовательно, производство сократится (стр. 287, Т. 3, VI, p. 585). Вотъ каковы результаты налога на предметы необходимости, который поэтому осу-

ждается Смитомъ. «Но хотя такіе налоги увеличиваютъ стоимость средствъ существованія, все же они приносятъ правительству значительный доходъ, который ему трудно было бы получить иными путями; поэтому оно имѣетъ *основательныя причины* не отмѣнять такихъ налоговъ» (de bonnes raisons pour les continuer. VI, p. 569; стр. 269).

Налоги на предметы роскоши, возвышая ихъ цѣну, уплачиваются окончательно потребителемъ и не вызываютъ повышенія рабочей платы, хотя бы они падали и на предметы, потребляемые рабочими. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ налогъ не уменьшаетъ средствъ работника для содержанія семьи, а дѣйствуетъ какъ законы противъ роскоши и, вызывая вынужденную бережливость, часто даже увеличиваетъ эти средства. И такъ, изъ налоговъ на потребленіе могутъ быть допущены только налоги на предметы роскоши и даже на такіе, которые потребляются и простымъ народомъ, такъ-какъ въ рукахъ этого послѣдняго все же сосредоточивается бо́льшая часть ежегоднаго народнаго дохода; поэтому вездѣ, говоритъ Смитъ, наиболѣе дохода даютъ акцизныя пошлины на сырыя произведенія и на производство хмѣльныхъ и спиртныхъ напитковъ. Но какимъ способомъ облагать предметы потребленія? Можно заставить потребителя платить ежегодно извѣстную сумму за право пользоваться товарами; съ другой стороны, можно обложить налогомъ самые предметы, когда они находятся въ рукахъ купца и не поступали еще въ распоряженіе потребителя. Предметы потребленія, отличающіеся своею прочностью (экипажи, серебряная посуда и т. д.), удобнѣе облагать первымъ способомъ, потому что было бы гораздо обременительнѣе взнести сразу довольно большую сумму, которая этимъ путемъ распредѣляется на большее число лѣтъ. Но обложеніе такимъ способомъ предметовъ, служащихъ для немедленнаго потребленія, должно быть отвергнуто по слѣдующимъ основаніямъ. Пошлины эти будутъ падать неравномѣр-

но, не будутъ находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ издержками плательщиковъ, одинаково будутъ поражать умѣреннаго и неумѣреннаго человѣка. Такой способъ заставлялъ бы сразу выплачивать довольно большую сумму, что было бы обременительно и противорѣчило правилу, что налогъ надо дѣлать по возможности незамѣтнымъ, брать его по-мелочамъ. Наконецъ эти пошлины утратятъ свойство, которое приближаетъ ихъ къ законамъ противъ роскоши. Поэтому, должно отдать предпочтеніе второму способу, не отвергая того, что и онъ имѣетъ свои неудобства, на которыя будетъ указано ниже. Смотря по тому, налагаются ли пошлины на предметы домашняго приготовленія, или на товары, привозимые изъ-за границы, онѣ раздѣляются на *акцизныя* и *таможенныя*. Акцизныя пошлины налагаются на небольшое число наиболѣе распространенныхъ предметовъ потребленія, и, по общему мнѣнію, довольно удачно улавливаютъ этимъ способомъ расходъ человѣка вообще.— Обращаясь за-тѣмъ къ таможеннымъ, Смитъ говоритъ, что онѣ имѣютъ двоякое значеніе: какъ *орудіе для полученія дохода* и как*ъ орудіе для* доставленія отечественному купечеству конополіи на внутреннемъ рынкѣ (en vue d'assurer un monopole ou de donner à nos marchands un avantage dans notre marché intérieur,— 275, 280, 283; VI, p. 573, 579, 581). Для достиженія этой двоякой цѣли, всѣ привозные товары облагаются пошлинами, но въ различныхъ размѣрахъ; и эта неодинаковость обложенія, совершенно понятная при имѣющейся въ виду цѣли — сравненіи своего производства съ иностраннымъ, ведетъ, при невозможности для правительства создать точный тарифъ для всѣхъ товаровъ, къ неопредѣленности и *произволу* таможенныхъ чиновниковъ (противъ 2-го правила). Огромныя пошлины отбиваютъ охоту отъ потребленія предметовъ, и слѣдовательно уменьшаютъ доходъ правительства. А съ другой стороны, приманкою большихъ барышей они побуждаютъ людей къ обманамъ и преступленіямъ,

которыя извѣстны подъ названіемъ *контрабанды* и наказаніе за которыя, по мнѣнію Смита, противорѣчитъ элементарнымъ началамъ справедливости. Какъ защитникъ свободы торговли, Смитъ отвергаетъ двойную цѣль таможенныхъ пошлинъ; и, признавая только одну, разсматривая пошлины, какъ средство обложенія расхода, Смитъ предлагаетъ организацію ихъ, сходную съ акцизными; именно онъ говоритъ: «чтобы большая часть членовъ общества принимала участіе въ государственныхъ сборахъ въ размѣрѣ собственныхъ расходовъ, по-видимому, нѣтъ никакой необходимости, чтобы каждый предметъ расхода былъ обложенъ пошлиной; а поэтому и таможенныя пошлины можно ограничить немногими предметами, и отсюда, безъ всякаго ущерба для казны, произойдутъ большія удобства для иностранной торговли». Чтобы осуществить этотъ проектъ, Смитъ предлагаетъ извѣстную мысль объ общественныхъ складахъ, въ которые должны быть помѣщаемы товары, обложенные этимъ таможеннымъ акцизомъ, и откуди они могутъ быть получаемы торговцами только послѣ уплаты пошлинъ. Въ такомъ случаѣ доходъ привительства не уменьшился бы, контрабанда была бы убита, таможенныя пошлины были бы приведены въ такую-же ясность, точность и опредѣленность, какими отличаются акцизныя; наконецъ промышленность и торговля получили бы значительныя выгоды, потому что страна покупала бы товары на самомъ дешевомъ рынкѣ, а сама занималась бы такими промыслами, для успѣшнаго хода которыхъ наиболѣе пригодны ея естественныя и общественныя условія.

Что касается *способа взиманія*, то налоги на предметы потребленія могутъ быть собираемы чиновниками, назначаемыми правительствомъ и отвѣтственными предъ нимъ, — въ такомъ случаѣ сумма должна измѣняться изъ года въ годъ; или весь налогъ можно отдавать на-откупъ за извѣстную плату, при чемъ сборъ уже совершается агентами откупщика. Ясно, что въ пер-

вомъ случаѣ государство сберегаетъ прибыль, которую долженъ получить откупщикъ. Далѣе, для такого предпріятія, какъ откупъ государственныхъ доходовъ, требуется знаніе, опытъ, значительный капиталъ и кредитъ; соперничество крайне ограничено, между откупщиками легко можетъ состояться стачка, результатомъ которой будетъ пониженіе откупной платы. Наконецъ, что касается до осуществленія откупленнаго права, то откупщику нѣтъ никакого дѣла до благосостоянія народа, для него самое главное—возмѣстить затраченный капиталъ съ возможно большею прибылью. Поэтому, подъ его вліяніемъ строгость законовъ о налогахъ становится ужасающею; контрабанда преслѣдуется, какъ самое страшное преступленіе. Однимъ словомъ, интересы откупщика — скорѣе въ разореніи, чѣмъ въ благосостояніи народа; отсюда понятна страшная ненависть къ откупщикамъ (publicani, financiers). Но особенно невыносимо бываетъ положеніе дѣлъ, когда откупщику дается и исключительное право торговли произведеніемъ, обложеннымъ налогомъ. Отсюда ясенъ выводъ: сборъ долженъ совершаться посредствомъ чиновниковъ государства, вся цѣль котораго должна быть — устроить это взиманіе какъ-можно проще и дешевле (3 и 4 правила). — Наконецъ Смитъ представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и полную характеристику налоговъ на предметы роскоши. Падая на потребителя, они поражаютъ его неравномѣрно, такъ-какъ соотвѣтствуютъ не доходу человѣка, а скорѣе его склонностямъ. Но эта неравномѣрность больше чѣмъ вознаграждается особою чертою этихъ налоговъ, т. е. предоставленіемъ участія въ налогѣ на добрую волю каждаго; каждый имѣетъ полное право потреблять и не потреблять товаръ, обложенный пошлиной. Достоинство ихъ далѣе въ томъ, что потребитель начинаетъ смѣшивать ихъ съ цѣною товара и почти не замѣчаетъ, что платитъ налогъ (а многіе именно съ этой точки зрѣнія и возстаютъ противъ косвенныхъ налоговъ, какъ маскирую-

щихъ дѣло). Налоги эти могутъ быть приведены въ совершенную извѣстность относительно количества и времени уплаты. Но за-то они во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчатъ четвертому правилу Смита, потому что они отнимаютъ у народа больше денегъ, чѣмъ приносятъ въ казну государя. Сборъ ихъ требуетъ большихъ издержекъ. Они поднимаютъ цѣну товаровъ, ослабляютъ ихъ потребленіе, а слѣдовательно и производство; именно они уменьшаютъ производство товара, обложеннаго пошлиной, или того товара, на который обмѣнивался обложенный пошлиною заграничный, и заставляютъ употреблять освободившійся такимъ образомъ капиталъ на производство, менѣе соотвѣтствующее даннымъ условіямъ страны. Надежда уйдти отъ налога, возбуждаемая имъ-же самимъ, влечетъ къ штрафамъ и конфискаціямъ, разоряющимъ виновнаго и вредно дѣйствующимъ на общество. Наконецъ безпрерывныя посѣщенія, ненавистные осмотры, ведущіе часто къ притѣсненіямъ, неудобствамъ и безпокойствамъ, естественно связаны съ этимъ родомъ налоговъ.

Налогами на потребленіе Смитъ заключаетъ свое ученіе о налогахъ и не сводитъ добытые выводы къ одному цѣлому,— не разсматриваетъ дѣйствія всѣхъ налоговъ въ совокупности (только какъ-будто намекъ на 362 стр. З. Т. VI — 649, 650). Мы видѣли уже, что онъ понимаетъ значеніе переложенія, хотя и не прослѣживаетъ вліянія его на окончательную уплату налоговъ, а обыкновенно останавливается на полдорогѣ. А между тѣмъ, это переложеніе, проведенное дальше, совершенно ниспровергаетъ его классификацію налоговъ, и безъ того неудачную, обремененную различными привѣсками, которымъ она не можетъ дать у себя органическаго мѣста, классификацію, о которой даже нельзя рѣшительно сказать, на чемъ же она основана, на источникахъ налога (Steuerquellen) или на предметахъ обложенія (Steuergegenstände), которые должно строго различать. Уже Смитъ говоритъ, что перелагающій подать заставляетъ слѣ-

дующаго плательщика выплачивать не только налогъ но еще большую или меньшую доплату; слѣдовательно, чѣмъ больше этихъ переброскъ налога, тѣмъ все болѣе и болѣе наростаютъ эти доплаты, все болѣе и болѣе обременяется народное хозяйство, съуживается производство, потому что капиталъ обращается на такое непроизводительное употребленіе. Въ этомъ — глубокій смыслъ дѣленія налоговъ на прямые и косвенные, предложеннаго физіократами. Все дѣло въ томъ, чтобы выбирать предметы обложенія, которые какъ-можно яснѣе и соразмѣрнѣе указывали бы источники, служили бы только внѣшними признаками, примѣтами (indication) этихъ источниковъ. А какъ-скоро переложенію не дается надлежащаго значенія, какъ-скоро дѣйствія его не изслѣдуются съ возможною точностью, то основной принципъ распредѣленія налоговъ — пропорціональность — только звукъ пустой. — Въ переложеніи высказывается связь налога со всѣмъ экономическимъ строемъ; поэтому такой или иной взглядъ на относительную роль силъ, дѣйствующихъ въ этомъ строѣ, обусловливаетъ вѣрное или ложное пониманіе дѣла. Сбивчивый взглядъ Смита на поземельную ренту заставляетъ его слишкомъ часто перебрасывать на нее налогъ и окончательно успокаиваться на этомъ. Не точное опредѣленіе условій, устанавливающихъ величину рабочей платы, и шаткое разграниченіе предметовъ необходимости отъ предметовъ роскоши ведутъ его къ различнымъ противорѣчіямъ. Но уже у него мы находимъ задатки, которые у Рикардо слагаются въ такую стройную картину экономическаго быта, распредѣленія силъ и богатствъ и распредѣленія тягостей, причиняемыхъ налогомъ. Изъ него-же, какъ я уже говорилъ, черпаетъ доводы и другая, противоположная школа политической экономіи.

Давая подобный отзывъ о классификаціи Смита, мы дѣлаемъ оцѣнку съ точки зрѣнія современной науки; что же касается до относительнаго значенія ея въ исторіи науки, то мы вполнѣ

согласны съ слѣдующими словами Kautz-a: «So wie in den übrigen Gebieten der Wissenschaft hat Smith auch in der Finanz-Politik und Staatshaushaltslehre sich um die systematische Begründung der einzelnen Doctrinen wahrhaft verdient gemacht. Smith's Bedeutung für dieses Forschungsgebiet liegt vornehmlich darin, dass er die volkswirthschaftliche Grundlage des Finanzwesens entwickelt und festgestellt, zu einer eigentlichen, organischen Behandlung aller Hauptprobleme des Wissenzweiges Bahn gebrochen und dazu wesentlich beigetragen hat, dass von dieser Zeit an bezüglich der Grundverhältnisse des Finanzwesens, der Einrichtung, Leitung und Ordnung der staatlichen Wirthschaft, statt undeutlicher, irriger und schwankender Regeln bestimmte Principien und streng wissenschaftliche Normen aufgestellt und entwickelt werden konnten» (S. 446). Дѣлая оцѣнку значенія Смита для политической экономіи, Kautz говоритъ: «Adam Smith hat durch sein Werk für die Wissenschaft der National-Oekonomie dasselbe gethan, was Bacon für die Philosophie der Natur, Descartes, Locke und Kant für die Philosophie des Geistes, Kepler und Newton für die Philosophie des Himmelsbaues und Montesquieu, Vico und Filangieri für die Philosophie des Staates geleistet haben» (S. 461). Но не надо упускать изъ виду коренныхъ недостатковъ экономическаго ученія Смита, которые обусловили собою односторонность дальнѣйшаго развитія науки. Это: 1) признаніе неизмѣнности и всеобщности (Allgemeingültigkeit) законовъ, управляющихъ хозяйственною жизнію, законовъ, которые были почерпнуты изъ практики денежнаго хозяйства, водворявшагося во время Смита въ жизни европейскихъ народовъ; «Смитъ и его школа, говоритъ Гильдебрандтъ, пытались изъ единичныхъ спеціальныхъ фактовъ отдѣльныхъ народовъ и отдѣльныхъ моментовъ развитія вывести всюду дѣйствующія положенія и такимъ образомъ создать что-то въ родѣ мировой экономіи че-

ловѣчества» (Ibid. стр. 16, — ein ökonomisches Naturrecht, какъ выражается Рёслеръ). 2) Возведеніе частнаго, личнаго интереса на степень высшаго экономическаго начала вызвало преобладаніе частно-хозяйственной точки зрѣнія при обсужденіи экономическихъ явленій. Разбирая ученіе Смита о доходѣ, Schmoller поэтому не безъ основанія говоритъ: «На высокой точкѣ зрѣнія, съ которой весь обширный механизмъ хозяйства представляется объединеннымъ и прямо познаваемымъ, глаза экономиста (Volkswirth) ослѣпляются пестрою связью разнообразныхъ отношеній, и онъ не умѣетъ помочь горю ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что надѣваетъ очки частнаго предпринимателя, чрезъ которыя все становится яснымъ — разсмотрѣніе отраслей народнаго хозяйства сводится къ расположенію ихъ въ рубрики по различнымъ сторонамъ бухгалтерской книги» (*Gust. Schmoller*, Die Lehre vom Einkommen in ihrem Zusammenhang mit den Grundprincipien der Steuerlehre. Въ Tübing. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. Jahrg. 1863). О такъ называемомъ матеріализмѣ уже было сказано выше. (По поводу частныхъ погрѣшностей см. *Н. Х. Бунге* «Историческій очеркъ экономическихъ ученій»). Эти недостатки вызываютъ со стороны нѣкоторыхъ слишкомъ рѣзкое осужденіе системы Смита: такъ напр. Рёслеръ (Ueber die Grundlehren der von Adam Smith begründeten Volkswirthschaftstheorie. 1868 г.) говоритъ: «съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли, всюду оказывается, что техническія абстракціи въ соединеніи съ общими мѣстами естественнаго права и ходячими (vulgären) частно-хозяйственными максимами — вотъ матерьялъ, изъ котораго Смитъ строитъ свои хозяйственные законы» (стр. 29). А вотъ каковъ общій отзывъ: «это бездушное вращаніе въ туманѣ абстрактнаго частнаго индивидуализма, это произвольное извлеченіе то далеко проводимыхъ, то скоро обрываемыхъ выводовъ (Consequenzen) изъ гипотезы обсо-

лютнаго частнаго интереса, это калейдоскопическое скрещеніе самыхъ различныхъ взглядовъ, тенденцій и предположеній, это упорное отрицаніе всего того, что составляетъ душу и силу человѣческой жизни, — во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что могло бы заявить право на названіе точной науки (Ibid. Vorrede).

Чтобы покончить съ Смитомъ, я изложу вкратцѣ его мысли о государственныхъ долгахъ. На первыхъ порахъ существованія государства, издержки его не велики; стремленія къ роскоши и расточительности нѣтъ, по невозможности его удовлетворить. Отсутствіе безопасности побуждало къ скрытію скопляемыхъ сокровищъ, потому что имъ нельзя было дать производительнаго употребленія. Въ минуты крайности правительство не могло добыть денегъ, а поэтому, естественно, побуждалось къ бережливости и къ скопленію металлическихъ запасовъ (Staatsschatz. ср. *Dietzel.* S. 156). Но съ развитіемъ торговли, которая идетъ рука-объ-руку съ безопасностью, представляется возможность для удовлетворенія роскоши, тщеславія, а вмѣстѣ съ этимъ является крайнее легкомысліе въ расходахъ государей. О сбереженіяхъ откладывается попеченіе, и поэтому въ минуты неотлагаемыхъ нуждъ приходится прибѣгать къ займу; необходимый капиталъ быстро доставляется купцами, которые потомъ съ прибылью перепродаютъ правительственныя облигаціи, какъ вѣрное средство помѣщенія капитала. Такимъ образомъ являются безсрочные долги; легкость займа позволяетъ легко къ нему относиться. Долги все накопляются, проценты все растутъ, а проценты уплачиваются изъ налоговъ, которые поэтому становятся чрезмѣрными, грозятъ странѣ разореніемъ, потому что обременяютъ источники производства — земли и капиталы, не позволяютъ извлекать изъ нихъ всю возможную пользу и могутъ даже побуждать капиталы къ убыточному для страны переселенію. Поэтому Смитъ и отдаетъ

предпочтеніе системѣ покрытія чрезвычайныхъ издержекъ налогами. «Сознаніе о предстоящихъ тягостяхъ и неизбѣжныхъ налогахъ, сопровождающихъ войну, удерживало бы народъ отъ легкомысленнаго желанія ея, если она не сопровождается дѣйствительными выгодами, которыя выкупали бы пожертвованія на нее. Народъ, чувствуя на себѣ тяжесть войны во все время ея продолженія, скорѣе былъ бы утомленъ ею, а правительство не имѣло бы возможности изъ-за своихъ фантазій продолжать ее долѣе необходимаго» (340 — 50, т. 3. VI. 630—38). Глядя на состояніе Великобританіи и не раздѣляя того мнѣнія, что проценты по государственнымъ долгамъ не обѣдняютъ страны, а только переносятъ средства изъ однихъ рукъ въ другія, Смитъ говоритъ: «Великобританія несетъ по-видимому съ легкостью такое бремя, что полвѣка тому назадъ никто бы не повѣрилъ въ состоятельность страны выдержать его. Тѣмъ не менѣе отсюда не слѣдуетъ прежде времени заключать, что она въ состояніи вынести какую угодно тяжесть, не слишкомъ обольщать себя, что она вынесетъ безъ крайняго напряженія хоть нѣсколько больше противъ того, что сбременяетъ ее въ настоящее время». (La Grande Bretagne paraît porter avec facilité un fardeau, que personne, il y a un demi-siècle, ne l'eût crue capable de soutenir. N'allons pas cependant pour cela en conclure follement qu'elle soit en état d'en porter bien d'autres, ni même nous flatter trop qu'elle puisse, sans une très-grande gêne, recevoir un poids un peu plus lourd que celui, qui pèse déjà sur elle». Coll. des princ. économ. p. 644). Если когда-нибудь государственный доходъ и освобождался отъ долга, то это происходило постоянно посредствомъ банкротства, иногда явнаго и открытаго, но всегда дѣйствительнаго, хотя бы и скрытаго подъ видомъ мнимой уплаты (стр. 357; p. 645). Такимъ образомъ единственное средство спасти страну отъ банкротства состоитъ въ погаше-

нiи долга, и съ этою цѣлью Смитъ предлагаетъ различные планы: распространеніе англійской системы налоговъ на различныя владѣнія, населенныя жителями британскаго и европейскаго происхожденія, продажу территоріальныхъ пріобрѣтеній остъ-индской компаніи, на которыя народъ (корона) имѣетъ полное право, наконецъ послѣднее средство — сокращеніе расходовъ. Но предсказанія Смита не сбылись. Долгъ Англіи съ 121 мил. доходилъ до 804, и она все-таки не подвергалась банкротству. Эти обстоятельства, какъ извѣстно, вызвали новую теорію государственныхъ долговъ, которая считаетъ ихъ признакомъ процвѣтанія государства. Но на это можно сказать слѣдующее: если богатый человѣкъ тратитъ ежегодно большія суммы на совершенно пустыя издержки и богатство его все-таки не уменьшается, то изъ такихъ фактовъ мы можемъ заключить о большихъ рессурсахъ этого человѣка, но едва-ли кто отважится сдѣлать выводъ, что онъ разумно употребляетъ свои доходы.

II.

Ж.-Б. Сею принадлежитъ честь оцѣнки и распространенія ученія А. Смита, расположенія его въ болѣе методическомъ порядкѣ и наконецъ обогащенія науки нѣкоторыми собственными изысканіями (напр. теорія о взаимныхъ выгодахъ торгующихъ народовъ, на которую указываетъ Маклеодъ. «Основанія политической экономіи», перев. *М. П. Веселовскаго*, стр. 18. Ср. *Kautz*, Geschichtliche Entwicklung der National-Oekonomik, стр. 563—569). Въ вопросѣ о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ Сей отдѣляется отъ Смита (Cours complet d'économie politique pratique. 1829. 6 voll.). «Придавая *полезность* вещамъ или увеличивая полезность, какую онѣ уже имѣли, мы увеличиваемъ ихъ *цѣнность*; а увеличивая цѣнность, т. е. способность вещи пріобрѣтать въ-замѣнъ другія, мы создаемъ *богатство*. Въ этомъ и состоитъ *производство*. Мы не можемъ извлечь изъ ничего ни одного атома матеріи; все наше дѣло — tirer du néant des qualités, qui font que des matières sans valeur auparavant, en acquièrent une et deviennent des richesses (t. I. p. 170). Результатъ производства — *продуктъ*, т. е. вещь, обладающая свойствами полезности и цѣнности; изъ совокупности продуктовъ слагается богатство. Основ-

ное понятіе здѣсь—созданная полезность (l'utilité donnée, non pas naturelle), а слѣдовательно и производство можно опредѣлить такъ: это — дѣятельность человѣка, направленная на созданіе полезностей. Полезность можетъ воплощаться въ формы, болѣе или менѣе *прочныя*, и наконецъ она можетъ быть создана sans avoir été incorporée à aucun objet matériel (183. t. I). Но все-таки мы будемъ имѣть полезности, продукты, и классификація ихъ на основаніи признака прочности, матеріальности, не измѣняетъ существа дѣла. Мы видимъ здѣсь только градацію полезностей, изъ которыхъ однѣ могутъ долго служить для удовлетворенія нуждъ, другія по своимъ отличительнымъ свойствамъ потребляются вскорѣ послѣ своего созданія, наконецъ третьи «consomment nécessairement à l'instant même de leur création (185). Тѣмъ не менѣе все это *продукты* и трудъ, употребленный на ихъ созданіе, долженъ быть по справедливости названъ *производительнымъ* (productif),— иначе пришлось бы поставить въ ряды непроизводительныхъ работниковъ и смотрѣть, какъ *на бремя для общества*, на такихъ людей, которые доставляютъ дѣйствительную пользу въ обмѣнъ за свое вознагражденіе: «Le militaire qui se tient prêt à repousser une agression étrangère et qui la repousse en effet au péril de ses jours; l'administrateur qui consacre son temps et ses lumières à la conservation des propriétés publiques; le juge intègre, protecteur de l'innocence et du bon droit... всѣ они создаютъ продукты, qui ne sont pas moins utiles à la société et satisfont des besoins qui *pour la nation*, ne sont pas *moins impérieux* que le vêtement et le couvert le sont pour chacun de nous» (187 — 188).—Отсюда уже ясна основная точка зрѣнія Сея на налогъ. Люди, живя въ обществѣ, имѣютъ общія всѣмъ нужды, которыя могутъ быть удовлетворены не иначе, какъ посредствомъ содѣйствія многихъ и иногда даже и всѣхъ лицъ, составляющихъ общество. Но со-

дѣйствіе это можетъ быть организовано только учрежденіемъ, которому бы всѣ повиновались; это учрежденіе есть государство (gouvernement), и въ этомъ—его разумное основаніе: «Et quoique le gouvernement exige de la part des membres du corps social le sacrifice d'une partie de leur liberté et de leurs richesses, le bien-être qu'il procure à tous, peut leur faire *supporter sans regrets le sacrifice* que l'établissement du gouvernement leur impose» (p. 137. t. V). Нужды общества, какъ и всѣ другія, «changent avec les moeurs et les usages des nations» (165. t. I). Для удовлетворенія ихъ должны быть созданы полезности, и государство «remplit alors à l'égard de *ces biens* l'office d'un entrepreneur, d'un particulier et peut être considéré comme tel» (p. 138). Для него, слѣдовательно, имѣетъ силу положеніе: «toutes les fonctions utiles à la société sont productives» (187. t. I); а полезность обсуждается съ точки зрѣнія нуждъ. Нація, какъ и отдѣльный человѣкъ, имѣетъ дѣйствительныя (réels) и вздорныя, вымышленныя нужды (factices), и понятно, что она тѣмъ лучше управляется, чѣмъ предпочтительнѣе удовлетворяетъ первымъ. Такимъ образомъ, въ высшей степени важно, чтобы нація знала хорошо, *въ чемъ состоятъ ея дѣйствительные интересы.* Тогда она одобритъ «les dépenses dont le résultat est de maintenir la paix au-dedans et au-dehors, de lui procurer de bonnes lois, fidèlement exécutées, de communications faciles, favorables à ses débouchés, comme à ses consommations, des militaires, capables de la défendre et non de l'asservir, des institutions en état de l'éclairer (133). Но она откажетъ въ издержкахъ, цѣль которыхъ завоеваніе или мщеніе, присоединеніе территоріи безъ увеличенія благосостоянія, множество агентовъ, блестящій дворъ, многочисленныя арміи, единственное назначеніе которыхъ—угрожать сосѣдямъ. Но еще хуже, если полезности, удовлетворяющія дѣйствительнымъ нуждамъ, будутъ

обращены въ другую сторону, если армія будетъ доставлять сбировъ и палачей для притѣснителей народа, если духовенство (здѣсь имѣется въ виду Франція), какъ учители, будетъ одурять (abruter) дѣтей, если плохое веденіе дѣлъ создастъ множество ненужныхъ и дорогихъ мѣстъ и т. д. По этому—разумная экономія—вотъ общій принципъ государственныхъ расходовъ: экономія, qui doit consister à ne dépenser que ce qu'il *faut* et à ne pas payer les choses *au delà de leur valeur* (121, t. V). Вотъ какова должна быть руководящая нить при разсмотрѣніи государственныхъ расходовъ, которые Сей отказывается приводить въ систему: un auteur serait téméraire, qui prétendrait prévoir et fixer d'avance les dépenses que les besoins publics lui paraissent devoir nécessiter (p. 135. t. V). Я не буду разсматривать изложенія Сея, посвященнаго разбору издержекъ, гдѣ онъ, подобно Смиту, рѣшаетъ вопросы о лучшей организаціи различныхъ общественныхъ функцій и по большей части соглашается съ Смитомъ. Но въ вопросѣ о военной повинности онъ отдаетъ предпочтеніе милиціи, хотя и говоритъ, что рѣшеніе его — дѣло компетентныхъ людей. (Любопытно, что посольства (les ambassades) онъ признаетъ une des antiques sottises dont le temps fera justice; по его мнѣнію, довольно торговыхъ консуловъ; p. 215, t. V).

Всѣ издержки, направленныя на удовлетвореніе такихъ или иныхъ нуждъ государства, другими словами, государственные расходы почерпаются въ публичныхъ финансахъ, qui ne peuvent provenir que des revenus du gouvernement lui-même, ou des revenus des particuliers, c'est-à-dire du produit de leurs fonds productifs (les terres, les capitaux et l'industrie), puisque les fonds productifs sont *les seules sources*, d'où peuvent sortir les revenus» (p. 2. t. VI). И здѣсь по совершенно непонятной причинѣ (можетъ быть, на основаніи словопроизводства «finances, financia», или обыденнаго значенія этого сло-

ва въ разговорной рѣчи) Сей признаетъ, что публичные финансы являются только тогда, когда услуги, нужныя государству, оплачиваются *деньгами* казны. Les nations consomment quelque fois des biens, des sirvices en nature, c'est-à-dire, sans qu'ils aient été achetés de l'argent du trésor (такъ, феодалы снаряжались на войну на свой счетъ); et jusque-là il n'y avait point de finances publiques; il n'y avait que des revenus privément administrés et fournis au public à mesure que le besoin l'exigeait. И только необходимость оплачивать услуги создать (отъ solder) создала *finances publiques*, которые и почерпались изъ contributions des villes et des campagnes (taille). Не менѣе страннымъ можетъ показаться и положеніе, что l'administration des finances n'est encore de même que le gouvernement lui-même, qu'une circonstance *accidentelle*, qui influe puissamment sur le sort des nations, sans être *des parties nécessaires de l'existence des sociétés* (p. 5, t. VI); но это хотя объясняется особымъ взглядомъ Сея на существенные и придаточные органы общества (см. Tableau général de l'économie des sociétés, t. VI). И такъ, государство имѣетъ нужды, которыя должны быть удовлетворены извѣстными полезностями; полезности эти оплачиваются налогомъ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы взвѣсить нужды, отдѣлить дѣйствительныя отъ пустыхъ и доставить продукты наиболѣе дешевымъ образомъ. Тогда налогъ будетъ справедливымъ вознагражденіемъ за услуги, тогда будетъ отброшена мысль о его тягости. Voulez-vous que l'impôt soit paye avec l'exactitude et de bon coeur... Qu'il n'excède pas les besoins réels de l'Etat et que chacun soit à portée de se convaincre de la fidelité de son emploi. И за-тѣмъ онъ приводитъ превосходную цитату Verry: «Je suis convaincu que si le produit des impôts avait toujours été sagement employé, le public regarderait cette charge *comme une dette sacrée;* quiconque chercherait à s'y soustraire, partagerait la honte

encourue par un homme qui s'étant uni volontairement à quelque association particulière, se refuserait à supporter sa part des dépenses de la société après avoir partagé *les avantages* (p. 12, t. VI). Какъ же достигнуть такого идеала? Рѣшеніе вопроса ведетъ Сея къ оцѣнкѣ произвольнаго (arbitraire) и конституціоннаго правленій; «при первомъ народъ *смотритъ* на уплату налога, какъ на потерю (не смѣло ли говорить отъ лица народа, не зная его воззрѣній и произвольно выбирая какую-угодно точку зрѣнія?); а между тѣмъ государи крайне расточительны (развѣ это относится къ недостаткамъ правительственнаго механизма?), различныя нужды часто приходили внезапно, и вотъ вся задача двора—измышлять разнообразныя фискальныя изобрѣтенія, чтобы вытянуть изъ народа какъ можно бо́льшую сумму; короли прибѣгали часто къ унизительнымъ способамъ, чтобы добыть деньги (Людовикъ XV). Нужды государственныя росли, а съ другой стороны росли и средства народа, прояснялось пониманіе. Государи нашли нужнымъ идти за вѣкомъ и собирать налоги только съ разрѣшенія представителей страны; такимъ образомъ является конституціонное правленіе, бюджетныя пренія. Но спасаетъ ли націю конституціонный порядокъ отъ дурнаго финансоваго управленія, спрашиваетъ Сей. Вѣдь власть можетъ, какъ онъ выражается, se procurer des impôts par le moyen d'une législature et des législateurs dociles à l'aide des impôts»; а чтобы не скандализировать общественное мнѣніе, власть можетъ посредствомъ особой тактики ставить свои требованія такъ, чтобы по-видимому не было возможности отказать въ нихъ. И здѣсь, слѣдовательно, являются тѣ-же неудобства (другими словами, значитъ, все зависитъ отъ личныхъ качествъ отдѣльныхъ лицъ?!); но Сей говоритъ, что злоупотребленія — это тайная органическая болѣзнь, которая грызетъ политическое тѣло и которая, рано или поздно, приведетъ къ безпорядкамъ, — и тогда не

помогутъ ни огромныя арміи, ни жандармы и т. д. Все же будетъ исправлено, если будетъ введена *экономія* въ общественныя издержки». Но какъ она можетъ быть введена въ дѣйствительность, объ этомъ Сей умалчиваетъ. (Я нарочно привелъ это мѣсто какъ образецъ сбивчивыхъ и поверхностныхъ разсужденій о формѣ правленія).

Мнѣ кажется, что изъ изложеннаго достаточно ясно обрисовывается взглядъ Сея на финансовую дѣятельность государства; такъ-что я могу перейдти къ разсмотрѣнію его мыслей о налогѣ, суть которыхъ отчасти уже понятна изъ предыдущаго. Налогу онъ посвящаетъ восемь главъ своей 8-й книги. Изложеніе здѣсь не систематично; раздѣленіе на главы не опирается ни на какое основаніе, да и наполняются онѣ какъ попало: часто объ одномъ и томъ-же вопросѣ идетъ рѣчь въ разныхъ главахъ; нерѣдко Сей уклоняется отъ тѣхъ основныхъ принциповъ, которые я изложилъ, собравши ихъ въ различныхъ мѣстахъ его сочиненія, и становится на точку зрѣнія А. Смита, что налоги составляютъ убытокъ для націи. Говоря очень подробно объ издержкахъ государства, онъ слишкомъ скупъ, когда дѣло доходитъ до налоговъ. «L'économie politique n'a pas pour objet de faire connaître tous les impôts dont on s'est avisé et encore moins d'en suggérer de nouveaux. Pour l'économie politique il suffit de montrer, quel est l'effet des impôts sur l'économie sociale, suivant leur *grandeur* et la *manièr*, dont ils sont *assis* (p. 64, t. VI). Я примирился бы съ удовольствіемъ и съ этою задачею, если-бы Сей выполнилъ ее.

1-я глава о налогѣ вообще, о его законности и границахъ (de l'impôt en général, de sa légitimité et de ses limites) еще проникнута основными началами. «Cette portion du bien des particuliers que le gouvernement consacre à satisfaire ses désirs (?) ou les besoins du corps social est ce, que nous appelons ici *impôt* (42). Quand les particuliers ne jouissent pas des *avantages* que

l'impôt peut leur procurer, quand le *sacrifice*, auquel il les soumet, n'est pas balancé par l'avantage qu'ils en retirent, il y a iniquité. Ce bien leur appartient; on ne saurait à moins de commettre un vol, ne pas leur donner en échange un bien qui le vaille» (p. 43, t. VI, 123, t. V). Но этого мало: услуги должны быть доставляемы государствомъ по возможно дешевой цѣнѣ: «de même que le prix d'une marchandise lorsqu'il est fondé sur un monopole, et en vertu de ce privilège, supérieur aux frais du production est une atteinte à la propriété de l'acheteur, un impôt qui soulève plus haut que les frais nécessaires pour procurer au contribuable la sécureté dont il a besoin est un attentat contre la propriété du contribuable» (p. 144). Вотъ при какихъ условіяхъ налогъ является законнымъ, священнымъ; поэтому на этихъ положеніяхъ должны быть основаны всѣ обложенія народа въ государствахъ, которыя претендуютъ на право считаться цивилизованными. Сей указываетъ на несчастное положеніе французскихъ поселянъ, въ виду котораго стыдно расточать народныя деньги, указываетъ на огромныя издержки, которыя создаетъ тщеславіе и такъ называемая національная гордость, и настаиваетъ на необходимыя сокращенія расходовъ. Онъ опровергаетъ за-тѣмъ мнѣніе, что налоги въ сущности не приносятъ никакой потери обществу, потому что государство не уничтожаетъ же сумму, которую получило посредствомъ налога, но снова пускаетъ ее въ обращеніе (reverse dans la société). Опровергая эту нелѣпость, Сей къ сожалѣнію самъ впадаетъ въ противорѣчіе. «Il convient de remarquer que ce qui constitue la contribution est *l'abandon gratuit* que l'on fait au gouvernement d'une chose pourvue de valeur. Le gouvernement est un *consommateur* qui *détruit*, soit en consommant des denrées, soit en consommant des services, la valeur qu'il a levée sur le contribuable. Поэтому, la société est *plus pauvre* de tout le montant de l'impôt, et

n'est *pas plus riche de son emploi* (p. 52, t. VI). (Еще рѣшительнѣе высказывается на этотъ счетъ Сей въ своемъ болѣе раннемъ сочиненіи: «Traité d'économie politique. 1803. Cours complet, принятый въ основу нашего изложенія, болѣе зрѣлое сочиненіе, въ которомъ, по словамъ Kautz-a, авторъ «manche seiner Lehre theilweise modificirt und gemildert hat»). Впрочемъ, можетъ быть Сей хотѣлъ только *сильнѣе* представить возраженіе противъ мнѣнія, которое, по его-же признанію, почти *не стоитъ опроверженія*. Вотъ въ чемъ сущность налога.— Налогъ почерпается изъ дохода или изъ капитала подданныхъ. Многіе возражаютъ противъ налоговъ на капиталъ, какъ убійственныхъ для производства. Но съ этимъ возраженіемъ можно согласиться, говоритъ Сей, только при томъ условіи, если ограничить понятіе капитала одинственно «орудіями производства»; но не надо быть уже слишкомъ снисходительными къ цѣнностямъ, которыя могутъ поступить и въ капиталъ, и въ запасы потребленія, тѣмъ болѣе, если обложеніе ихъ можетъ быть иногда удобно для податнаго лица. Такъ, напримѣръ, налоги на переходъ собственности (sur les successions), которые уплачиваются изъ капитала, совершенно справедливы по слѣдующимъ основаніямъ. Они падаютъ на имущество, *назначеніе* котораго не обозначено, которое наслѣдникъ не *считалъ въ своемъ имуществѣ* (?) и которое поэтому составляетъ для него чистый даръ; наконецъ, взиманіе этого налога въ высшей степени удобно, потому что совершается именно въ ту минуту, когда наслѣдникъ имѣетъ въ рукахъ требуемую сумму.

Но истинный источникъ налога (la véritable matière imposable) есть доходъ. Обложеніе должно быть пропорціонально доходу, такъ-какъ услуги, приносимыя государствомъ гражданину, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше его доходъ. Но какъ же долженъ быть обложенъ доходъ? Вѣдь пропорціональная до-

ля для бѣднаго будетъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ для богатаго, который можетъ снабжать себя самыми утонченными наслажденіями роскоши. Прогрессивный налогъ, говоритъ Сей, опровергается обыкновенно, какъ вредно дѣйствующій на увеличеніе богатства, какъ поражающій улучшенія, доставляющій награду лѣности и беззаботности, побивающій всякій успѣхъ; дѣйствительно, прогрессію брали такую, что налогъ скоро начиналъ поглощать весь доходъ. Но это — крайности. Налогъ на потребленіе, который играетъ главную роль въ сильно обложенныхъ странахъ, есть налогъ обратно прогрессивный, потому что онъ бьетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше средства человѣка. Въ виду этого возрастающая прогрессія въ прямомъ налогѣ будетъ не больше, какъ справедливое, хотя и не совсѣмъ совершенное уравненіе (compensation). — Налогъ имѣетъ границы; онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ поражать капиталы, завязанные въ различныя предпріятія, и парализовать усилія рабочихъ, потому что это значило бы, въ концѣ концовъ, поразить себя же (couper l'arbre au pied pour en cueillir les fruits, p. 60).

Слѣдующая глава посвящена наложенію, назначенію налога (à l'assiette de l'impot). Налоги падаютъ на доходы и на капиталы. Но такъ-какъ доходы вытекаютъ изъ различныхъ источниковъ и представляются въ разнообразныхъ формахъ, то поэтому l'impot unique былъ бы l'impot inique; и государству въ дѣлѣ налога предстоитъ трудная задача — уловить и пропорціонально обложить всѣ доходы. Поэтому налогъ устанавливается обыкновенно à l'occasion d'un fait qui serve de base à la prétention du fise; это и есть предметы обложенія, которые иногда служатъ для классификаціи налоговъ. Есть два общихъ способа обложенія: а) налогъ требуется съ извѣстнаго лица, потому что различные признаки (indications) позволяютъ предположить, что оно въ состояніи заплатить налогъ; это —

прямое обложеніе, b) или облагается товаръ, который составляетъ предметъ производства даннаго лица, его потребленія или перевозки; это — косвенное обложеніе. Къ первому принадлежитъ поземельный налогъ; основа обложенія — вицима; но пропорціональное распредѣленіе очень трудно, и Сей, подобно Смиту, признаетъ неудовлетворительность кадастра, его негодность служить мѣриломъ для поземельнаго налога (стр. 70). Здѣсь-же, вслѣдъ за де-Траси, Сей настаиваетъ на обложеніи владѣльцевъ государственныхъ фондовъ. Выгоды косвенныхъ налоговъ состоятъ въ слѣдующемъ: они уплачиваются незамѣтно, потому что налогъ смѣшивается съ цѣною товаровъ; да эта уплата находится въ зависимости отъ воли человѣка. Но они представляютъ и большія неудобства: подъ благовиднымъ предлогомъ, что есть возможность уклониться отъ платежа, они могутъ возрастать до огромныхъ размѣровъ и лишать людей потребленія различныхъ вещей. Другое зло — ихъ непропорціональность. Наконецъ издержки взиманія здѣсь очень велики потому что оно требуетъ множества агентовъ.

Слѣдующая глава говоритъ о налогахъ, которые ничего не приносятъ казнѣ («des impots qui ne rapportent rien au fisc»). Падая на какой-нибудь продуктъ, налогъ дѣлаетъ его дорогимъ, стѣсняетъ потребленіе, и поэтому съуживаетъ и производство, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, бьетъ самаго себя, уменьшаетъ la matière imposable; а съ другой стороны онъ путаетъ хозяйство потому, что заставляетъ капиталы переходить изъ одного промысла въ другой. Подобныя же дѣйствія могутъ производить и различныя стѣсненія ввоза, напр. запрещеніе иностраннаго дешеваго освѣщенія стѣснитъ производство, потому что не позволитъ бѣднымъ работать ночью. Испанскія alcavala и cientos разорили производство. Сюда-же принадлежатъ осмотры товаровъ на заставахъ и при въѣздѣ въ городъ. Къ такимъ-же налогамъ принадлежатъ и издержки взи-

манія, которыя доходили прежде до чудовищныхъ размѣровъ— 500% на 100. Нѣкоторые *налоги* такого рода установлены не законами, а полицейскими регламентами и даже обычаями, напр. праздники (!)... Трудно найдти что-нибудь болѣе неудовлетворительное, чѣмъ содержаніе этой главы, совершенно несоотвѣтствующей своему заглавію и помѣстившейся — точно сирота, лишь-бы гдѣ пріютили. Увидѣвши, что нѣкоторые налоги стѣсняютъ производство (для чего даже есть особая глава), Сей потомъ уже все, что только стѣняетъ производство, принимаетъ за *налогъ, стѣсняющій производство*, приносящій убытокъ народу, но ничего не дающій государственной казнѣ. Чѣмъ-же занимается послѣ этого онъ въ главѣ, спеціально посвященной вліянію налоговъ на производство? Здѣсь онъ опровергаетъ нѣкоторыхъ писателей, которые защищали большіе налоги на томъ основаніи, что они возбуждаютъ производительность, и указывали на примѣръ Англіи. Сей начинаетъ здѣсь драпироваться и произносить какъ-то странно звучащія разсужденія (изъ устъ творца теоріи трехъ факторовъ производства), что благосостояніе производителей есть цѣль производства, что результаты производства въ Англіи — un approvisionnement insuffisant pour la majorité des citoyens, un travail excessif et quelquefois la prison. Грабители стараго порядка говорили: il faut que le paysan soit pauvre; c'est le seul moyen pour qu'il ne soit pas paresseux. Сей думаетъ, что напротивъ — крестьянинъ потому и былъ лѣнивъ, что taille поражала все, что только указывало на довольство. Но не будемъ говорить о крайностяхъ, продолжаетъ Сей; всякій налогъ *неминуемо* причиняетъ увеличеніе издержекъ производства, возвышеніе цѣнъ, слѣдовательно уменьшеніе народныхъ рессурсовъ. Правда, люди, которые *содержатся* правительствомъ, также *покупаютъ продукты*, но съ тою-же самою *суммою* нельзя купить такое-же количество предметовъ *по возвышенной цѣнѣ* (только поверх-

ностнымъ взглядомъ на экономическія явленія можно объяснить подобныя выраженія). Кромѣ того нѣкоторые налоги вредятъ производству особеннымъ, имъ только свойственнымъ, образомъ (напр. taille).

Что касается способа взиманія, то онъ двоякій: посредствомъ чиновниковъ и посредствомъ откупщиковъ. При старомъ порядкѣ, французское правительство часто сохраняло за собою право на извѣстную долю въ барышахъ откупщика, оставляя ему всецѣло ненависть народа. Иногда правительство создавало такъ-называемыя régies intéressées, въ которыхъ сборщики для поощренія пользовались извѣстнымъ процентомъ съ поступающихъ суммъ. Но все же, по мнѣнію Сея, нѣкоторые налоги могутъ быть отданы на откупъ безъ особенныхъ неудобствъ (напр. почтовыя регаліи).

Глава о фискальномъ духѣ («de l'esprit de fiscalité») имѣетъ историческое значеніе. Когда налогъ справедливо покрываетъ издержки, вытекающія изъ дѣйствительныхъ общественныхъ нуждъ, онъ уплачивается легко и публика дѣлается помощницей фиска. Но иныя причины ведутъ и къ инымъ слѣдствіямъ. На всякаго человѣка кладетъ свою печать занятіе; поэтому сборщики налоговъ пріобрѣтаютъ отличительныя свойства, которыя обусловливаются характеромъ ихъ занятій. Если сборщикамъ дается вознагражденіе соразмѣрно поступленію налоговъ, то у нихъ развивается стремленіе какъ можно болѣе увеличивать эту сумму правдами и неправдами, не обращая вниманія на страшныя стѣсненія, которыя причиняются гражданамъ: сборщики просто охотятся за податными. Возрастающія нужды правительства, которыя дали поводъ къ этимъ уродливымъ вознагражденіямъ чиновниковъ, породили и толкованія финансовыхъ законовъ, которыя равны установленію новыхъ налоговъ; единственное средство спасенія отъ этого фискальнаго духа — строгая и точная, основанная на тщатель-

номъ предварительномъ изслѣдованіи, редакція законовъ о налогахъ.

Огромную важность, безъ сомнѣнія, должна имѣть глава: на кого падаютъ налоги? («Sur qui retombent les impots?»). Налогъ, который уплачивается производителемъ, входитъ въ издержки производства и долженъ быть оплаченъ въ цѣнѣ товаровъ потребителемъ. Но возвышеніе цѣны съуживаетъ спросъ, а поэтому часть налога долженъ нести производитель (pp. 65, 66, 67; 110, 111. t. VI). Общая же дороговизна (?), прибавляетъ Сей, уменьшаетъ всѣ доходы. Но всякій, на кого падаетъ налогъ, старается освободиться отъ него, переброситъ его на другаго. Какой же классъ общества несетъ на себѣ, въ концѣ концовъ, всю тяжесть налоговъ? Существуетъ крайнее разнообразіе мнѣній по этому предмету; физіократы признавали, что всѣ налоги падаютъ на землю, на такъ-называемый чистый доходъ; другіе считали такимъ источникомъ трудъ; третьи говорили, что налоги на предметы роскоши всегда падаютъ на потребителей; нѣкоторые утверждали, что всѣ налоги хороши, какъ-скоро они сдѣлаются старыми. Что касается до Сея, то «toute opinion trop absolue à cet égard me semble téméraire» (67). Общій упрекъ, который можно сдѣлать всѣмъ этимъ мнѣніямъ, тотъ, что они распространяютъ на всѣ случаи дѣйствія, которыя свойственны только нѣкоторымъ изъ нихъ. Сей не желаетъ навлечь на себя такой-же упрекъ и предоставляетъ каждому, кто проникся основными истинами его ученія, прилагать ихъ къ частнымъ случаямъ. Надо признаться, что недалеко уйдешь въ этой работѣ съ Сеевскими теоріями цѣнности и трехъ факторовъ производства.

Наконецъ, послѣдняя глава трактуетъ о нравственномъ вліяніи налога: «de la moralité de l'impôt». Налогъ оказываетъ огромное вліяніе какъ на поведеніе единичныхъ лицъ, такъ и на судьбу всего общества. Налогъ падаетъ на промышленность,

на трудъ, который составляетъ источникъ богатства, полезностей; а поэтому *онъ и долженъ быть сведенъ къ minimum.* Такъ-какъ налогъ, возвышаясь, можетъ принять характеръ пени и даже конфискаціи, то его можно употреблять, такъ-сказать, для исправленія нравовъ; напримѣръ, можно сильно облагать предметы роскоши и тщеславія. [Уже А. Смитъ указываетъ на налогъ, какъ на средство, изъ котораго могутъ быть извлекаемы различныя побочныя выгоды. Косвенными вліяніями налога особенно занимался *de-Montyon,* Quelle influence ont les diverses espèces d'impots sur la moralité, l'activité et l'industrie des peuples? Coll. des princ. écon. t. XV].

Вотъ и все ученіе Ж.-Б. Сея о налогѣ. Мы видимъ, что онъ былъ на пути къ истинѣ, но онъ не поставилъ твердо и ясно свое опредѣленіе, не провелъ его до конца въ частности налога. Приступая къ изслѣдованію налога, онъ укорачиваетъ задачу, да и укороченную не выполняетъ. Важный вопросъ паденія налоговъ признается не особенно стоющимъ вниманія. Опроверженіе устарѣвшихъ теорій вскрываетъ шаткость самаго автора, который болѣе блестящъ, чѣмъ глубокъ. У него попадаются многія плодотворныя мысли, — напр., въ его теоріи сбыта (théorie des débouchés), въ его очеркѣ экономіи общества, гдѣ онъ указываетъ несравненную важность экономическихъ вопросовъ при рѣшеніи общественныхъ задачъ (политическая экономія — физіологія общества), показываетъ, на что должно быть направлено вниманіе истинныхъ реформеровъ, цѣль которыхъ — благосостояніе людей, а не перемѣна одной системы на другую, не подстановка однихъ золъ другими. Но въ общественномъ, нравственномъ мірѣ, который по этому самому подчиненъ закону развитія, нельзя смѣшивать теорію и практику; нельзя возводить принципы даннаго момента (да и то плохо понятые) въ какой-то незыблемый законъ, претендующій на постоянство дѣйствія. Экспериментальная политическая экономія (l'économie

politique pratique), вся цѣль которой — объяснить, т. е. оправдать практику, не можетъ и претендовать на званіе науки, потому что она возведеніе къ общимъ началамъ дѣйствующихъ фактовъ, которые по самой природѣ своей измѣнчивы. Это собраніе сырыхъ, необъясненныхъ фактовъ, привязанныхъ къ началу конкурренціи, которое въ силу своей эластичности показалось экономистамъ всеобъясняющимъ. Она потому-же не наука, почему міросозерцаніе 12-лѣтняго мальчика не можетъ быть признано за основной типъ человѣческаго міросозерцанія; если представляются новые факты, которые расшатываютъ міросозерцаніе, то, вѣроятно, приходится не закрывать глаза на факты, а постараться расширить взгляды. То-же самое, можетъ быть, приходится дѣлать и въ наукѣ. Все, что люди знаютъ, почерпается изъ опыта и наблюденія; это — избитая уже истина. И абстрактная политическая экономія, которую такъ преслѣдуетъ Сей и особенно ея главу — Рикардо, строится на той-же основѣ и притомъ употребляетъ такой-же методъ изслѣдованія, который принятъ въ естественныхъ наукахъ. Вотъ что говоритъ Carey: «чтобы узнать постепенное развитіе человѣчества, его настоящее, прошедшее и будущее, il est nécessaire que nous en agissions avec la société comme le chimiste avec le morceau de granit, c'est-à-dire, que nous la *résolvions en ses* diverses parties et que nous étudiions chacune d'elles *séparément*, en constatant comment elle se comporterait, si elle était *abandonnée à elle-même*, et *comparant* ce que serait son *action indépendante* avec *l'action* que nous apercevons dans *l'état de société*,—et alors, à l'aide de la même loi que mettent à profit le physicien, le chimiste, le physiologiste, *la loi de la composition des forces*, nous pouvons arriver à la loi de l'effet (p. 22. t. I. *Carey*). Поэтому странно слушать такія опроверженія, что теорія Рикардо не подтверждается практикой, что понятіе естественной цѣнности — чисто выдуманное, несу-

ществующее въ дѣйствительности и потому неимѣющее никакого значенія. Извѣстно, что законъ выражаетъ дѣйствіе одной силы; а такъ-какъ въ жизни дѣйствуютъ различныя силы, то жизнь можетъ быть объяснена только изъ комбинаціи многихъ законовъ, которые открываются постепенно. Объяснять однимъ какимъ-нибудь на-скоро составленнымъ закономъ всю разнообразную жизнь, значитъ не понимать науки; но еще болѣе страннымъ кажется—изъ неспособности извѣстнаго закона (или совокупности нѣсколькихъ) объяснить всю жизнь заключать къ совершенной негодности этого закона. Разчлененіе, анализъ есть первый шагъ въ наукѣ; иначе приходится остаться при такъ называемыхъ примѣтахъ. Если страсть къ гипотезамъ объясняется слабостью и ограниченностью человѣческаго ума, то едвали можно назвать силою и глубиною его то положеніе—когда изслѣдователь, подъ предлогомъ не уходить отъ дѣйствительности, останавливается на поверхностныхъ явленіяхъ и (говоря математическимъ языкомъ) опредѣляетъ неизвѣстныя чрезъ неизвѣстныя. Положимъ, что такъ называемая абстрактная политическая экономія склонна, какъ говоритъ Сей, къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, одностороннимъ выводамъ, вполнѣ понятнымъ при абсолютности, какую она придаетъ своимъ принципамъ. Слѣдовательно Сей съ своимъ методомъ изслѣдованія съумѣетъ обнять жизнь, ея сложныя комбинаціи, съумѣетъ освѣтить факты. Ничуть не бывало: представляется практическій вопросъ о переложеніи, гдѣ практиканту давался большой просторъ для подходящей работы. Что же? онъ отсылаетъ для рѣшенія вопросовъ къ *своимъ принципамъ* (lois véritablement fondamentales), съ которыми онъ приходитъ къ такимъ мизернымъ и тощимъ выводамъ въ своемъ ученіи о налогѣ, хотя онъ и имѣлъ нѣкоторыя богатыя мысли, стоялъ на пути къ вѣрному пониманію государства, задачи его дѣятельности; но потомъ онъ смѣшиваетъ свое теоретическое опредѣленіе съ фактами, которые

представляетъ жизнь и исторія, налогъ изъ обиѣна дѣлается чистымъ убыткомъ для общества и т. д.

Въ заключеніе я изложу мысли Сея о государственныхъ займахъ. Когда издержки обыкновенныя или чрезвычайныя превышаютъ доходы, необходимость заставляетъ прибѣгать къ займу, къ потребленію напередъ будущаго дохода податныхъ лицъ. Публичный кредитъ основанъ на твердомъ убѣжденіи, что государство (должникъ) вѣрно очиститъ свои обязательства. Онъ доставляетъ государству возможность быстро получать въ минуты крайности необходимыя суммы за меньшіе проценты сравнительно съ частными заемщиками, потому что у государства есть постоянный, неизсякаемый фондъ, — налоги. Притомъ же ренты освобождены отъ обложенія; онѣ свободно переходятъ изъ рукъ въ руки (этотъ свободный переходъ вызвалъ болѣзненное явленіе—ажіотажъ). Форма займовъ, которая получила перевѣсъ надъ другими,—*des emprunts par souscription*. Главный вопросъ въ дѣлѣ займовъ въ томъ: желательно ли, чтобы нація посвящала издержкамъ настоящаго года часть будущихъ доходовъ (на извѣстное время или даже навсегда)? По-видимому, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что такая антиципація не имѣетъ никакого основанія. Но что же дѣлать въ минуты настоятельной необходимости? По мнѣнію Сея, займы служили оружіемъ à l'usage du mauvais sens et du mauvais droit. Если-бы націи грозило конечное разореніе или уничтоженіе, она нашла бы что сдѣлать. Но самая счастливая война составляетъ большое несчастіе, и все, что облегчаетъ ее (какъ напр. легкость пріобрѣтенія необходимыхъ средствъ), поэтому не можетъ быть превозносимо. Говоря о спорѣ, чѣмъ покрывать чрезвычайныя издержки—налогами или займами, Сей склоняется на сторону перваго способа вслѣдъ за Робертомъ Гамильтономъ и Рикардо. Для освобожденія отъ существующихъ долговъ имѣется одно средство — ежегодно посвящать извѣстную

часть доходовъ для составленія капитала до тѣхъ поръ, пока онъ сдѣлается такъ-же великъ, какъ и занятой; при этомъ проценты съ выкупленныхъ уже рентъ должны служить для выкупа новыхъ. Вотъ и вся простая операція погашенія, для которой вовсе нѣтъ надобности заводить особыя кассы. Другое средство освободиться отъ долговъ — банкротство съ его печальными послѣдствіями,—страданія излишнія, потому что главное зло уже совершено — занятая сумма употреблена непроизводительно. Только одна бережливость и можетъ возстановить ее.

III.

Я приступаю къ разсмотрѣнію мыслей писателя, оказавшаго большія услуги наукѣ своими глубокими изслѣдованіями экономическихъ вопросовъ. Хотя я имѣю въ виду главнымъ образомъ мысли о налогѣ, но при той тѣсной связи, которая существуетъ между налогомъ и другими экономическими явленіями, невозможно вѣрно объяснить его роль въ хозяйствѣ, безъ пониманія той среды, въ которой ему приходится дѣйствовать, безъ раскрытія тѣхъ вліяній, которыя терпитъ налогъ отъ дѣйствія различныхъ силъ экономическаго строя; а потому мнѣ необходимо приходится изложить въ общихъ чертахъ, на сколько это нужно для моего предмета, общую теорію цѣнности и распредѣленія, которую предложилъ Рикардо. Задача, которую онъ поставилъ себѣ въ своихъ «Principles of political economy and taxation» (французскій переводъ Constancio съ примѣчаніями Say),— опредѣлить законы, которые управляютъ распредѣленіемъ общей суммы продукта производства между тремя классами общества — т. е. рѣшить главный вопросъ политической экономіи (XXXIV). Въ своихъ изысканіяхъ Рикардо никогда не останавливается на внѣшностяхъ: онъ идетъ въ глубь. Деньги для него только «l'agent de la circulation qui sert à esti-

mer la valeur ou à exprimer le prix (t. I. p. 50), поэтому денежныя суммы элементовъ распредѣленія не имѣютъ для него значенія. C'est d'après la répartition *de la totalité du produit de la terre et du travail* entre les trois classes que l'on doit estimer les fermages des terres, les profits du capital et les salaires, et non d'après la valeur appréciable de ce produit estimée par une mesure incontestablement variable» (p. 51). При томъ нужно разсчитывать эти доли не по абсолютному количеству предметовъ, заключающихся въ нихъ, а по количеству труда, нужнаго на произведеніе входящихъ въ нихъ предметовъ; поэтому, напр. для рабочихъ доля можетъ понизиться, хотя они и получатъ большее количество продуктовъ, теперь удешевленныхъ. Я нарочно сдѣлалалъ это небольшое отступленіе, чтобы показать, какъ Рикардо обращается съ вопросами, какъ глубоко ведетъ онъ анализъ, съ какою точностью старается изслѣдовать вліяніе различныхъ силъ, и при этомъ онъ никогда не упускаетъ изъ виду самаго главнаго— производства, которое только одно можетъ все оплатить, все вознаградить.

Изслѣдованія свои Рикардо начинаетъ съ центральнаго пункта политической экономіи — съ цѣнности, parce qu'il n'est point de source, d'où il soit découlé autant d'erreurs dans la science, que le sens vague et peu précis qu'on attache au mot: *valeur* (p. 8. t. I). Поэтому установить точное понятіе цѣнности для него дѣло первой важности. Но опредѣлить цѣнность значитъ уловить какой-нибудь признакъ, который находился бы съ нею въ такомъ отношеніи, чтобы обусловливалъ ея повышеніе, пониженіе, вообще величину. Полезность для этой цѣли не годится, хотя она постоянно сопровождаетъ предметъ, одаренный мѣновою цѣнностью. Мѣрила, которыя предлагаетъ Смитъ, также негодятся (цѣна хлѣба, трудъ, который можетъ купить данная вещь). Въ концѣ концовъ, Рикардо при-

ходитъ къ выводу, что цѣнность предметовъ зависитъ или отъ рѣдкости, или отъ количества труда, употребленнаго на ихъ производство; но число предметовъ, цѣнность которыхъ управляется рѣдкостью, не велико; они могутъ служить только для потребленія богатыхъ прихотниковъ, а потому Рикардо съ полнымъ правомъ устраняетъ ихъ изъ изслѣдованія. Цѣнность же всѣхъ предметовъ, количество которыхъ можетъ быть *безконечно* (?) увеличено человѣческою дѣятельностью, не стѣсняемою никакими путами, опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на ихъ произведеніе. Слѣдовательно, если бы былъ предметъ, на производство котораго вездѣ и всегда употреблялось бы одинаковое количество труда, этотъ предметъ могъ бы служить самымъ вѣрнымъ мѣриломъ цѣнности, потому что показывалъ бы успѣхи или неуспѣхи труда въ производствѣ всѣхъ другихъ предметовъ. Отсюда ясно, что такая цѣнность, по мнѣнію Рикардо, это — трудность производства. И Смитъ признавалъ трудъ мѣриломъ цѣнности, но только для первоначальнаго грубаго состоянія общества, которое предшествуетъ скопленію капиталовъ и присвоенію земли, какъ будто прибыль и рента, обусловливаемыя этими фактами, своими величинами могутъ оказывать вліяніе на цѣну предмета. Разрѣшить этотъ вопросъ — вотъ задача Рикардо, которая такимъ образомъ распадается на два отдѣла.

1. Уже на первыхъ порахъ является капиталъ въ видѣ орудій производства; но передѣлъ добываемыхъ продуктовъ между капиталомъ и трудомъ не имѣетъ никакого вліянія на цѣнность, потому что она соразмѣряется съ количествомъ труда, употребляемаго рабочимъ на снабженіе себя средствами производства и на самое производство. То-же самое и на высшихъ ступенахъ: высчитать количество труда, употребленнаго прямо или косвенно на производство даннаго предмета, значитъ опредѣлить сумму другихъ продуктовъ, которые должны дать

въ-обмѣнъ за данный (т. е. цѣнность); если трудъ, употребляемый да производство этого предмета, вдвое уменьшится, то за него дадутъ только половину прежняго количества продуктовъ, въ производствѣ которыхъ не произошло улучшеній. Теперь вопросъ въ томъ: какое же вліяніе на измѣненіе цѣнъ товаровъ можетъ оказать измѣненіе пропорціи, въ какой совершается передѣлъ продуктовъ между трудомъ и капиталомъ? Капиталъ, употребляемый на производство, необходимо обладаетъ неодинакою (?) степенью прочности; если онъ быстро потребляется и требуетъ поэтому немедленнаго воспроизведенія, то это такъ-называемый оборотный капиталъ (capital circulant, périssable; p. 307); если же онъ медленно изнашивается, то это — постоянный капиталъ (capital stable, durable; p. 28, 29). Но существуютъ различныя степени прочности (p. 212); и чѣмъ большею прочностью надѣленъ капиталъ, тѣмъ болѣе по своимъ свойствамъ онъ удаляется отъ оборотнаго капитала, и на оборотъ.

Если-бы во всякомъ производствѣ употреблялось одинакое количество капитала, то цѣнность вполнѣ опредѣлялась бы только однимъ трудомъ, и пропорція передѣла не имѣла бы никакого значенія. Но въ производствѣ употребляются различныя величины капитала, при томъ оборотный и постоянный капиталы употребляются въ различныхъ пропорціяхъ,— и вслѣдствіе этого мы имѣемъ измѣненія цѣнностей. Именно чѣмъ больше въ данномъ производствѣ употребляется оборотнаго капитала, тѣмъ болѣе возвышеніе рабочей платы (или пониженіе прибыли) вліяетъ на возвышеніе цѣны предмета сравнительно съ тѣми, въ производствѣ которыхъ главную роль играетъ постоянный капиталъ. Но постоянный капиталъ можетъ имѣть еще различныя степени прочности, и соразмѣрно съ этимъ (т. е. меньше или дольше онъ служитъ, раньше или позже требуетъ воспроизведенія) тоже измѣняются цѣны товаровъ, упадокъ

прибыли оказываетъ бо́льшее или меньшее вліяніе на пониженіе цѣнъ. Такимъ образомъ высокія рабочія платы совмѣстны съ низкими цѣнами, говоритъ Рикардо; напротивъ того, низкая рабочая плата возвышаетъ цѣну, потому что она сокращаетъ (décourage) производство, которое поощряется высокимъ вознагражденіемъ рабочаго. И такъ, вотъ модификаціи, которыя производитъ въ законѣ цѣнъ скопленіе капиталовъ.

2. Второй вопросъ — о вліяніи присвоенія земли и основанной на немъ платы собственнику на цѣну товаровъ; разрѣшеніемъ его Рикардо составилъ себѣ славу. Прежде всего онъ выдѣляетъ изъ общей суммы, которая уплачивается фермеромъ землевладѣльцу, то, что онъ называетъ *рентою* въ собственномъ смыслѣ — ce que le fermier paye au propriétaire pour la faculté d'exploiter les facultés primitives et indestructibles du sol (p. 61); остальная же часть есть l'intérêt du capital qui aurait été employé à la bonification du terrain et à l'érection des batiments d'exploitation (p. 58), и слѣдовательно управляется общими законами прибыли, которая должна быть равна во всѣхъ занятіяхъ. Все дѣло такимъ образомъ въ томъ, чтобы опредѣлить, при какихъ условіяхъ появляется и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ увеличивается или уменьшается рента въ собственномъ смыслѣ. «Si la terre jouissait partout *des mêmes propriétés*, si son étendue était *sans bornes* et sa *qualité uniforme*, on ne pourrait rien exiger pour le droit de la cultiver, à moins que ce ne fût là où elle devrait *à sa situation* quelques avantages particuliers» (p. 62). Вотъ различіе земли отъ прочихъ естественныхъ силъ, которыя такъ много и совершенно даромъ помогаютъ человѣку въ производствѣ (p. 76, 77, 78). Когда люди впервые населяютъ землю, чтобы получить необходимое пропитаніе, имъ достаточно — обрабатывать, сообразно съ величиною ихъ капитала, небольшой клочекъ земли, разумѣется, самой лучшей по плодородію (?) и

положенію (?), потому что они пользуются безграничнымъ правомъ выбора (Ср. *Carey*, Princ. de la science sociale, t. I. ch. IV и V). Но увеличеніе населенія и вытекающее отсюда возвышеніе спроса на пропитаніе принуждаютъ къ обработкѣ другихъ земель, ясно, уже худшаго качества или худшаго положенія. А такъ-какъ la valeur échangeable d'un produit quelconque dépend de la plus grande quantité de travail industriel que sont forcés employer ceux qui ne possèdent pas des facilités particulières de production, et ceux qui pour produire ont à lutter contre les circonstances les plus défavorables (p. 68), то слѣдовательно прежде занятыя земли находятся уже въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и за пользованіе этими лучшими условіями производства и платится *рента*, величина которой, ясно, dépend de la différence dans la qualité respective des deux espèces de terre (p. 63). И понятно, что чѣмъ больше будетъ возрастать населеніе, чѣмъ больше будетъ расширяться спросъ на жизненные припасы, тѣмъ все худшія и худшія земли придется обрабатывать, тѣмъ болѣе, другими словами, будутъ увеличиваться для прежнихъ благопріятныя условія производства, тѣмъ болѣе будетъ расти рента — cette différence obtenue par l'emploi de deux quantités égales de capital et de travail. Съ теченіемъ времени рента будетъ подниматься и количественно (выраженная въ продуктахъ, потому что разница все увеличивается), и качественно (выраженная въ цѣнности, потому что цѣна продуктовъ, т. е. трудность производства, будетъ все возрастать); (такъ-что, обозначивъ ренту чрезъ R, сумму продуктовъ, которые получаются на землѣ, дающей ренту, чрезъ P, а сумму продуктовъ, только окупающихъ издержки производства, чрезъ Q, цѣну продуктовъ чрезъ V, мы можемъ построить слѣдующую формулу ренты: $R=(P-Q)\,V$, причемъ мы видимъ, что Q постоянно уменьшается, а V увеличивается). Разумѣется, дѣло нисколько не перемѣнится от-

того, если вмѣсто разчистки пустыхъ земель (défrichement) найдутъ болѣе удобнымъ приложить больше капитала къ обработкѣ уже занятыхъ земель. Новый капиталъ, новый трудъ не принесетъ такихъ-же результатовъ, какъ прежній, а слѣдовательно и будетъ разница въ условіяхъ производства, будетъ рента, всегда опредѣляемая самими худшими условіями производства, которыя все-таки должны оплачиваться, т. е. выражаться въ соотвѣтственно возвышенной цѣнности. Изъ всего сказаннаго ясно, что цѣна земледѣльческихъ продуктовъ возвышается по общему закону вслѣдствіе увеличенія труда, употребленнаго на ихъ производство, и именно на производство добавочнаго количества хлѣба на худшихъ земляхъ, а никакъ не вслѣдствіе уплаты ренты. Le blé ne renchérit pas, parce qu'on paye un fermage; c'est au contraire parce que le blé est cher, que l'on paye un fermage, говоритъ Рикардо (p. 72). Цѣна не понизилась бы, если-бы землевладѣльцы отказались отъ своей ренты въ чью бы то ни было пользу. (Но такъ ли это? Вѣдь основное дѣло все же въ томъ, что земля составляетъ частную собственность и цѣнность устанавливается подъ вліяніемъ мѣновыхъ условій хозяйства, слѣдовательно, если-бы, на-оборотъ, земля была общею собственностью, то цѣнность составляла бы средній выводъ изъ разнообразныхъ издержекъ производства, и рента потеряла бы raison d'être). И такъ, рента не составляетъ элемента въ цѣнѣ, а по этому и не можетъ ее возвысить. Изъ разсмотрѣнія условій, при которыхъ является рента, мы можемъ заключить о нелѣпости мнѣнія, что земля будто бы оказываетъ особыя услуги человѣку, даетъ ему такъ называемый *produit net*. Если этотъ produit net — благодѣяніе, говоритъ Рикардо, то, чтобы получить такое-же въ мануфактурной промышленности, надо желать, чтобы всякая новая машина была менѣе производительна чѣмъ старыя, — повышеніе ренты дѣйствительно есть признакъ увеличенія націо-

нальнаго богатства (увеличенія населенія), но не причина, потому что богатство быстрѣе растетъ тогда, когда продукты легко умножаются безъ увеличенія труда, т. е. когда есть много земель съ одинаково высокими производительными свойствами. Изъ опредѣленія ренты слѣдуетъ, что всякое уменьшеніе національнаго капитала, величина котораго обусловливаетъ количество населенія рабочихъ, повлечетъ за собою уменьшеніе производства земледѣльческихъ продуктовъ, съуженіе обработки земли, т. е. уменьшеніе ренты, которая всегда основана на большемъ или меньшемъ неравенствѣ условій производства (т. е. увеличится Q). То-же самое дѣйствіе будутъ имѣть улучшенія въ земледѣліи, изъ которыхъ одни увеличиваютъ производительную силу земли, а другія позволяютъ получать такое-же количество продуктовъ, но съ меньшею затратою капитала и труда. Первыя позволяютъ съузить обработку земли, бросить самые неблагодарные участки, т. е. понижаютъ ренту и въ продуктахъ, и въ цѣнности, и количественно и качественно (т. е. увеличивается Q и понижается V). Вторыя уменьшаютъ количество затратъ, необходимое для обработки самыхъ худшихъ участковъ, т. е. удешевляютъ земледѣльческіе продукты, слѣдовательно оставляя ренту ту-же, выраженную въ продуктахъ (P — Q), они уменьшаютъ ренту, выраженную въ цѣнности (понижаютъ V'), т. е. уменьшаютъ покупательную силу землевладѣльцевъ. Однимъ словомъ, это — слѣдствія болѣе высшаго принципа: tout ce qui diminue l'inégalité dans les produits obtenus de portions successives de capital employé sur le même ou un nouveau fonds de terre, tend à faire *baisser le fermage*, tandis que tout ce qui augmente cette inégalité produit l'effet opposé, et tend à le faire hausser (p. 92—93, t. I). Вотъ каковы условія установленія и измѣненія ренты.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли оба отдѣла задачи Рикардо.

Выводъ тотъ, что цѣна предметовъ не зависитъ отъ рабочей платы, прибыли и ренты, но отъ общаго количества труда (прямаго и косвеннаго), употребленнаго на производство предметовъ, потому что именно это количество и опредѣляетъ сумму вещей, которыя могутъ быть даны въ обмѣнъ за данную. (Valeur échangeable des choses, c'est le pouvoir qu'elles ont d'en acheter d'autres; p. 111, t. I). Подъ вліяніемъ различныхъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя нарушаютъ соотвѣтствіе спроса и снабженія, дѣйствительность можетъ уклоняться отъ этого общаго закона. Но вздорожаніе предмета, влекущее за собою увеличеніе прибыли предпринимателя, усиливаетъ конкурренцію его собратовъ по профессіи, т. е. предложеніе; удешевленіе заставляетъ нѣкоторыхъ предпринимателей вынуть капиталы изъ даннаго предпріятія, чтобы уменьшить предложеніе соразмѣрно спросу. И такъ, *конкурренція*, представляя въ данномъ случаѣ начало *равенства прибылей*, скоро улаживаетъ дѣло и уравниваетъ prix courant съ prix naturel.—Вотъ законъ цѣнности, какой даетъ Рикардо. Ясно, что цѣнность выражаетъ трудность производства; слѣдовательно, исторія цѣнностей, повышенія и пониженія ихъ, есть исторія успѣшности труда, власти, которую человѣкъ пріобрѣтаетъ надъ природою. Слѣдовательно, если разсматривать богатство общества въ данное время (какъ совокупность предметовъ, которые всѣ, въ концѣ концовъ, вытекаютъ изъ труда), то большая или меньшая величина его обусловливается состояніемъ труда — количественнымъ и качественнымъ т. е. суммою рабочихъ силъ и степенью продуктивности ихъ; а цѣнность именно и выражаетъ качественное состояніе труда, въ развитіи котораго и все дѣло, потому что результатъ продуктивности труда есть дешевизна, т. е. уменьшеніе цѣнности продуктовъ, увеличеніе цѣнности труда. Слѣдовательно, если-бы существовалъ такой предметъ, для производства котораго вез-

дѣ и всегда требовалось бы одинакое количество труда, то отношеніе, въ которое съ теченіемъ времени становились бы цѣнности всѣхъ предметовъ къ цѣнности этого особеннаго и показывало бы увеличеніе или уменьшеніе успѣшности труда въ различныхъ производствахъ; но разумѣется, такого предмета быть не можетъ и привести его можно только для примѣра, чтобы лучше оттѣнить дѣло.

Какъ бы то ни было, но всѣ предметы представляются продуктами труда, а слѣдовательно и общая масса богатства общества можетъ быть выражена только въ трудѣ или въ цѣнности (что то-же); а такъ-какъ этими предметами содержатся всѣ классы общества, то изслѣдованіе различныхъ *вознагражденій* только тогда и имѣетъ твердое основаніе, когда не теряетъ изъ виду фонда, откуда берется вознагражденіе, производства, которое выражается цѣнностями.

Какъ же Рикардо относится къ главной задачѣ своей книги? Разсмотримъ его взглядъ на рабочую плату. Трудъ, какъ и всѣ вещи, которыя покупаются, имѣетъ свою *естественную* и *рыночную* цѣны. Le prix naturel du travail est celui qui fournit aux ouvriers, en général, les moyens de subsister et de perpétuer leur espèce *sans accroissement, ni diminution* (p. 114); поэтому она выражается не въ деньгахъ, mais à la quantité des subsistances et des autres objets, nécessaires ou utiles (?), dont l'habitude lui a fait *un besoin* et qu'il *peut* acheter avec l'argent de ses gages; значитъ и естественная рабочая плата не есть что-то неизмѣнное, но она измѣняется, смотря по нравамъ и привычкамъ народа. Ходячая цѣна труда зависитъ отъ отношенія между спросомъ на рабочія руки и предложеніемъ и отъ цѣнъ предметовъ первой необходимости. Но и здѣсь цѣны, естественныя и ходячія, стремятся къ совпаденію (хотя это и сопровождается въ одномъ случаѣ страшными страданіями рабочихъ). Въ постепенномъ ходѣ развитія

общества рабочая плата будетъ тѣмъ выше, чѣмъ больше спросъ на рабочія руки, т. е. чѣмъ больше въ распоряженіи общества находится капиталовъ (которые — la partie de la richesse d'une nation qui est employée à la production et se compose des produits nécessaires pour rendre le travail productif; p. 117). Слѣдовательно, toute amélioration dans la société et toute augmentation de son capital fera hausser le prix courant des salaires, mais la permanence de cette hausse dépendra d'une hausse pareille dans leur prix naturel (которая зависитъ отъ цѣны жизненныхъ припасовъ — subsistances). (Но капиталъ можетъ увеличиваться двоякимъ образомъ: увеличиваясь въ количествѣ, онъ въ то-же время увеличивается и въ цѣнности; или онъ только увеличивается въ количествѣ, но остается тѣмъ-же или даже уменьшается въ цѣнности; въ первомъ случаѣ естественная рабочая плата повышается, во второмъ остается та-же и даже понижается; ходячая же рабочая плата (courant) повышается въ обоихъ случаяхъ, но совпаденіе ея съ естественною достигается неодинаково скоро). А между тѣмъ — dans des époques différentes de la société l'accumulation des *capitaux ou des moyens de payer le travail* est plus ou moins rapide, et dépend toujours des pouvoirs plus ou moins productifs du travail (p. 121), а трудъ производителенъ тогда, когда имѣется изобиліе плодоносныхъ земель». Ясно, что съ теченіемъ времени дѣло накопленія становится болѣе труднымъ, слѣдовательно спросъ на рабочія руки уменьшается, и если-бы онъ одинъ управлялъ величиною рабочей платы, то она должна была бы постепенно понижаться. Но, какъ мы видѣли, рабочая плата зависитъ еще отъ цѣнъ предметовъ необходимости; съ теченіемъ времени эти цѣны возвышаются, а слѣдовательно должна возвышаться и рабочая плата. А такъ-какъ успѣшность труда не увеличивается, а слѣдовательно и состояніе богатства не перемѣняется къ лучшему, то возвышеніе рабочей платы можетъ произойдти только

на счетъ прибыли, которая потерпитъ соотвѣтствующее пониженіе. И чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться трудность добыванія предметовъ необходимости, т. е. чѣмъ болѣе будетъ возрастать ихъ цѣнность, тѣмъ болѣе будетъ подниматься рабочая плата и понижаться прибыль. Такимъ образомъ, по-видимому, исторія рабочей платы похожа на исторію ренты, которая тоже постоянно увеличивается. Но здѣсь есть существенная разница: если возвышается рабочая плата, то въ то-же время вѣдь возвышается и цѣна всѣхъ предметовъ, на покупку которыхъ рабочій долженъ употреблять ее; значитъ, положеніе рабочаго можетъ даже сдѣлаться еще хуже. — «Voilà donc les lois qui règlent les salaires et qui font *le bonheur* (?) de l'immense majorité de toute société». Ихъ ничѣмъ нельзя устранить, и всякая попытка противъ этихъ законовъ будетъ вести еще къ худшему. Надо предоставить установленіе рабочей платы свободному соглашенію (невмѣшательство), которое подъ вліяніемъ личнаго интереса какъ-разъ попадетъ въ тактъ съ естественными законами, а не регламентировать ее какими-нибудь правительственными постановленіями.

За-тѣмъ Рикардо переходитъ къ *прибыли*. Взглядъ его на прибыль уже понятенъ изъ предыдущаго. Въ общемъ продуктѣ производства части, которыя причитаются землевладѣльцу и рабочему, съ теченіемъ времени возрастаютъ по мѣрѣ прогресса (?) въ богатствѣ, и все бо́льшей и бо́льшей трудности снабжать себя пропитаніемъ; часть перваго увеличивается и въ количествѣ, и въ цѣнности; часть втораго, хотя и увеличивается въ цѣнности, но въ сущности даже уменьшается. Остатокъ продукта, послѣ того какъ оплачены доли землевладѣльца и рабочаго, предоставляется предпринимателю въ видѣ прибыли, будетъ ли это фермеръ или мануфактуристъ — все-равно — не измѣняется. А слѣдовательно прибыль будетъ всегда уменьшаться съ возвышеніемъ цѣнъ сырыхъ продуктовъ, если за этимъ возвы-

шеніемъ будетъ слѣдовать увеличеніе рабочей платы. Мало такихъ предметовъ, которые не возвышались бы въ цѣнѣ вслѣдствіе вздорожанія сырыхъ произведеній, потому что эти послѣднія входятъ въ составъ почти всѣхъ предметовъ; и если эти предметы потребляются рабочимъ, то вздороженіе ихъ возвышаетъ рабочую плату; но ее никакъ не можетъ возвысить вздорожаніе шелка, бархата и т. д. А результатъ повышенія рабочей платы — пониженіе прибыли. Но, прибавляетъ Рикардо, рабочій можетъ пользоваться меньшими удобствами (?) (p. 154); тогда прибыль не понижается. Вотъ законы, установляющіе естественную прибыль. Ходячая прибыль можетъ быть выше или ниже естественной, то подъ вліяніемъ конкурренціи и закона равенства выгодъ такое положеніе не можетъ долго продолжаться, и прибыль должна прійдти къ своей естественной величинѣ. И такъ, прибыль имѣетъ постоянную тенденцію къ пониженію; только улучшенія способовъ производства и открытія въ земледѣліи могутъ прерывать это постоянное движеніе, потому что они увеличиваютъ успѣшность труда, понижаютъ цѣны, уменьшаютъ естественную величину рабочей платы. Но все же возвышеніе рабочей платы имѣетъ границы; оно ни въ какомъ случаѣ не должно поражать фондъ, изъ котораго дѣлаются накопленія капиталовъ. Только тогда есть побужденіе къ скопленію, когда имѣется въ виду надежда получить выгоду, т. е. когда есть возможность приложить капиталъ съ прибылью; ясно, что съ каждымъ уменьшеніемъ прибыли должно уменьшаться стремленіе къ сбереженію. Но все же, пока совершается это скопленіе, общая сумма прибылей (хотя онѣ и понижаются относительно рабочей платы) увеличивается, потому что возрастаетъ produit total. Но опять, какъ слѣдствіе скопленія капиталовъ, является спросъ на рабочія руки, рабочая плата повышается, повышаются цѣны и т. д. Выигрываютъ одни землевладѣльцы, всѣ остальные терпятъ. Положеніе дѣлъ становится плохо. Что-

же дѣлать? Рикардо даетъ и рецептъ, о которотъ я скажу ниже. И такъ, общіе выводы: возвышеніе рабочей платы не можетъ возвысить цѣны продуктовъ, но понижаетъ прибыль; но если цѣна продуктовъ повышается, то она повышаетъ рабочую плату и понижаетъ прибыль.

Вотъ общая теорія цѣнности и распредѣленія, предложенная Рикардо. Сей въ своихъ примѣчаніяхъ (которыя такъ хвалитъ Сисмонди — des notes, où brille une critique lumineuse) упрекаетъ Рикардо въ непониманіи и старается вразумить его, что владѣльцы капитала и земли, des facultés productives, какъ онъ называетъ, не доставляютъ же даромъ своего содѣйствія производству и что оплата ихъ услугъ должна поэтому входить въ цѣнность товара, какъ будто Рикардо не знаетъ, что существованіе всякаго, будетъ ли онъ содѣйствовать производству или нѣтъ, должно быть оплачено и можетъ быть оплачено только трудомъ, производствомъ. (Изъ этого возраженія Сея слѣдуетъ, что и содержаніе людей, ничего не дѣлающихъ и не доставляющихъ производству ни капитала, ни земли, тоже должно входить въ цѣнность товаровъ, потому что должно быть оплачено). Но это уже другой вопросъ: отъ такого передѣла уменьшается доля производителя, но не измѣняется *прямо* успѣшность труда, которая выражается въ цѣнности. Вся разница въ томъ, что Рикардо гораздо лучше, глубже ведетъ анализъ, не увлекается внѣшностями и поэтому его ученіе ближе къ истинѣ. Такъ-какъ онъ всегда изслѣдуетъ коренныя явленія, то изъ него мы лучше можемъ понять больное мѣсто современнаго экономическаго быта и даже видѣть, что̀ нужно для излѣченія, на что нужно обратить главное вниманіе, что стараться перестроить. Его теорія цѣнности трудно понимается, по-видимому запутана, но она многое объясняетъ. Теорія Сея очень проста и немногосложна: «въ каждомъ производствѣ необходимо участвуютъ три фактора, услуги кото-

рыхъ должны быть оплачены; оплачиваются онѣ посредствомъ дѣйствительной мѣновой цѣнности, ходячей цѣны, которая только одна и существуетъ, только одна и имѣетъ значеніе для науки, и которая управляется всеобъемлющимъ закономъ спроса и предложенія; такъ-называемая естественная цѣнность — чистая выдумка; найдти какое-нибудь мѣрило цѣнности — химера». Вотъ и вся теорія Сея; но можетъ быть именно вслѣдствіе своей понятности и простоты, останавливаясь всегда на поверхностныхъ явленіяхъ, давая рѣшеніе всѣхъ вопросовъ на основаніи эластическаго начала — спроса и предложенія, теорія эта ничего и не объясняетъ, потому что вездѣ отвѣчаетъ: «это такъ, потому что иначе и быть не можетъ».

Обратимся же къ мнѣніямъ Рикардо о *налогѣ*. Глава «о налогѣ вообще» у него очень скудна и занимается разборомъ налоговъ на переходъ собственности. Но общая характеристика налога разбросана въ различныхъ мѣстахъ сочиненія. Вотъ какъ онъ понимаетъ налогъ: «Il n'est point d'impôt qui ne tende à empêcher l'accumulation, car il n'en est aucun qui ne gêne la production. L'impôt (c'est-à-dire la difficulté de production) a les mêmes effets qu'un sol ingrat, un mauvais climat, une diminution d'habileté ou d'activité, une moins bonne distribution de travail ou la perte de quelques machines utiles; et quoique parmi les impôts il y en ait qui produisent ces effets dans un degré plus fort que d'autres, il faut avouer que les funestes effets de l'impôt viennent moins du choix des objets imposables que de *la somme totale* de ses effets pris collectivement» (p. 214 — 215. Срав. pp. 240, 280, 334, 339, T. I). (Я нарочно привелъ эту длинную цитату, потому что она выражаетъ самый чистый логическій выводъ изъ вещнаго, матеріальнаго воззрѣнія на хозяйство). Въ послѣднемъ анализѣ налоги всегда падаютъ на капиталъ или на народный доходъ. Если увеличеніе капитала, происходящее отъ возрастанія про-

изводства или съуженія потребленія, покрываетъ государственные расходы, капиталъ не уменьшается. Но если налогъ поражаетъ капиталъ, слѣдствія его самыя печальныя. Паденіе налога на капиталъ или на доходъ вовсе не зависитъ отъ способа обложенія; если налогъ и падаетъ на капиталъ, то есть средство вознаградить это уменьшеніе капитала посредствомъ сбереженія (ср. р. 373), къ которому естественно побуждается каждый желаніемъ сохранить прежнее положеніе. Законодатель долженъ поощрять это стремленіе къ сбереженію и стараться не установлять налоговъ, которые неизбѣжно падаютъ на капиталъ. Съ этой точки зрѣнія Рикардо и осуждаетъ налоги на переходы имущества отъ мертваго къ живому и между живыми, потому что обыкновенно получающій собственность не терпитъ осязательнымъ образомъ отъ налога, а поэтому и не побуждается къ сбереженію. Онъ соглашается съ мнѣніемъ Смита объ этихъ налогахъ и мнѣніемъ Сея (въ Traité d'économie politique), который считаетъ ихъ вредными для общества, потому что они мѣшаютъ народному капиталу распредѣляться самымъ выгоднымъ для общества образомъ: переходъ капиталовъ, который они затрудняютъ, увеличиваетъ народное богатство, потому что увеличиваетъ доходы обоихъ контрагентовъ. Но легкость взиманія этихъ налоговъ служила для многихъ достаточнымъ выкупомъ за всѣ вредныя ихъ дѣйствія.—Дальнѣйшее изложеніе Рикардо, гдѣ онъ разсматриваетъ разные отдѣльные налоги, отличается несистематичностью, частымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же положеній (напр. въ отдѣлѣ о налогѣ на неземледѣльческіе продукты онъ рѣшаетъ вопросъ о способѣ покрытія экстра-ординарныхъ издержекъ). (Вообще сочиненіе Рикардо Kautz характеризуетъ: «diese wesentliche fragmentarische Natur des Werkes» (S. 514); «seine fragmentarische, scheinbar unzusammenhängende Darstellung» (S. 517); онъ объясняетъ это тѣмъ, что Рикардо не имѣлъ цѣлью предста-

вить систему политической экономіи, но только сообщалъ результаты своего размышленія и опыта по отдѣльнымъ областямъ науки, по его мнѣнію, мало оцѣниваемымъ или односторонне понимаемымъ). Онъ не даетъ классификаціи налоговъ, основанной на какомъ-нибудь принципѣ, а просто беретъ рубрики, которыя пополняетъ содержаніемъ, часто не соотвѣтствующимъ заглавію. Да онъ, впрочемъ и не придаетъ, кажется, значенія классификаціи налоговъ (Ср. pp. 241, 242. t. I).

Первая глава этого рода озаглавлена у Рикардо: о налогахъ на земледѣльческіе продукты («des impôts sur les produits agricoles»). Общій принципъ здѣсь прежній; все, что увеличиваетъ издержки производства, возвышаетъ цѣну, а слѣдовательно такое дѣйствіе оказываетъ и налогъ на обрабатывателей земли, будетъ ли онъ въ формѣ поземельнаго налога, десятины, или налога на земледѣльческіе продукты — все равно. Когда мы говоримъ о цѣнѣ земледѣльческихъ продуктовъ, то всегда должны имѣть въ виду издержки производства при приложеніи послѣдняго вклада капитала, не приносящаго ренты; здѣсь фермеръ необходимо долженъ повысить цѣну своихъ произведеній, чтобы получить обычную прибыль, и такимъ образомъ налогъ будетъ оплаченъ потребителемъ. Если налогъ падаетъ на земледѣльческіе продукты, то онъ измѣняетъ ренту, выраженную въ хлѣбѣ, но не измѣняетъ ренты, выраженной въ цѣнности; слѣдовательно положеніе землевладѣльца не измѣнится. Для рабочихъ этотъ налогъ равняется повышенію рабочей платы; при возвышенной цѣнѣ жизненныхъ припасовъ рабочій не можетъ остаться при томъ-же вознагражденіи, которое должно повыситься на счетъ прибыли. Такимъ образомъ дѣйствіе налога аналогично съ тѣмъ положеніемъ, какъ будто стало труднѣе добывать пищу и предметы необходимости. Какое же вліяніе этого налога? Съ одной стороны, онъ упадетъ на потребителей, сообразно ихъ потребленію; съ другой — воз-

вышая рабочую плату, онъ упадетъ на прибыль. Противъ этого налога дѣлаютъ слѣдующія возраженія: 1) онъ неравномѣренъ, потому что бьетъ прибыль фермера, мануфактуриста, купца, но не трогаетъ ренты землевладѣльца, процентовъ капиталиста и обходитъ всѣхъ, получающихъ опредѣленный доходъ. Но изъ этого слѣдуетъ только, что въ видахъ равномѣрности государство должно обложить доходы съ земель и капиталовъ et par là on obtiendrait tous les effets d'un impôt sur le revenu, sans inconvénient d'avoir recours à l'expédient odieux d'aller fouiller dans les affaires de chacun et d'investir des préposés de pouvoir qui répugnent aux moeurs et aux sentiments d'un peuple libre (p. 229); 2) 2-е возраженіе состоитъ въ томъ, что, повышая цѣны на земледѣльческіе продукты, налогъ заставляетъ рабочихъ страдать въ промежуточное время, пока вслѣдствіе возвышенія цѣны поднимется рабочая плата, т. е. явится возможность для рабочаго снабжать себя прежнимъ количествомъ земледѣльческихъ продуктовъ. Слѣдовательно, весь вопросъ въ томъ, какъ великъ этотъ промежутокъ, другими словами, скоро-ли возвышеніе цѣнъ производитъ соотвѣтствующее увеличеніе рабочей платы. Вздорожаніе земледѣльческихъ продуктовъ можетъ происходить не только отъ налога, но и отъ другихъ причинъ. Недостатокъ снабженія, вслѣдствіе плохой жатвы, во всякомъ случаѣ причиняетъ страданія рабочимъ, и единственное средство спасенія—ввозъ хлѣба изъ-за границы, а никакъ не регламентація цѣнъ на хлѣбъ. Возвышеніе цѣнъ на земледѣльческіе продукты можетъ произойдти отъ увеличенія спроса; въ такомъ случаѣ рабочіе вовсе не терпятъ, потому что увеличеніе спроса уже предполагаетъ увеличеніе рабочей платы вслѣдствіе расширенія капиталовъ, употребленныхъ на покупку труда. Депреціація монеты производитъ только видимое возвышеніе цѣнъ хлѣба; она вызываетъ увеличеніе рабочей платы въ деньгахъ, но не измѣняетъ дѣла въ сущности, пото-

му что нѣтъ чрезмѣрнаго увеличенія предложенія рабочихъ рукъ, нѣтъ и съуженія спроса на нихъ, а слѣдовательно и нѣтъ основаній рабочему получать меньшую долю. Что касается, наконецъ, вліянія налога, то онъ также не дѣйствуетъ на основныя условія, установляющія рабочую плату, а слѣдовательно и не измѣняетъ ее въ продуктахъ; а при вздорожаніи продуктовъ *тотчасъ* повысится и денежная величина рабочей платы. (Такимъ образомъ въ сущности доказательства Рикардо ограничиваются только увѣреніями въ противномъ); 3) 3-е возраженіе противъ налога на земледѣльческіе продукты состоитъ въ томъ, что онъ понижаетъ прибыль, а слѣдовательно лишаетъ средствъ—дѣлать накопленія. Но сбереженія можно дѣлать и въ производствѣ, и въ потребленіи; капиталъ можно накоплять и посредствомъ низкихъ цѣнъ, и посредствомъ высокой прибыли, которая даетъ покупательную силу; слѣдовательно, если человѣкъ долженъ заплатить извѣстную сумму, то, лишь-бы налогъ былъ справедливо распредѣленъ, для плательщика все равно—возьмутъ ли его часть съ дохода или съ затраты. 4) Наконецъ, четвертое возраженіе, что возвышеніе цѣнъ подрываетъ иностранную торговлю, можетъ быть отклонено тѣмъ, что повышеніе цѣнъ влечетъ за собою вывозъ монеты, которая потомъ вздорожаетъ и приведетъ цѣны къ прежнему уровню; слѣдовательно, если иностранная торговля и съузится, то на очень короткое время. — За-тѣмъ Рикардо разсматриваетъ различные налоги, относящіеся къ земледѣлію. 1) Налогъ на ренту (l'impot sur le fermage). Если этотъ налогъ дѣйствительно падаетъ на ренту, т. е. на «ce, que le fermier paye au propriétaire pour l'usage *de la terre* et pour cet usage seul», онъ падаетъ цѣликомъ на землевладѣльца и не можетъ возвысить цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, потому что худшія условія производства останутся тѣ-же самыя, такъ-какъ они не даютъ ренты. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобы въ общей

суммѣ, которая платится собственнику земли, отыскать чистую ренту. Если же налогъ будетъ касаться другой части — процентовъ на капиталъ (различнымъ образомъ соединенный съ землею) собственника, то онъ упадетъ въ послѣднемъ счетѣ на потребителя, такъ-какъ (въ силу закона равенства прибылей) капиталы собственника не могутъ получать прибыль меньшую, чѣмъ всѣ остальные капиталы въ странѣ. Да если-бы и отыскалось средство для различія, то нѣтъ основанія особенно сильно напирать на обложеніе ренты уже въ видахъ равномѣрности общественныхъ тягостей. Надо принять во вниманіе, что земли покупаются иногда людьми, которые послѣ долгихъ годовъ труда реализируютъ наконецъ свои прибыли посредствомъ покупки земли. Налогъ, который постоянно висѣлъ бы надъ поземельною собственностью, шелъ бы наперекоръ принципу *неприкосновенности* собственности (?!) Мало того, цѣнность земли должна была бы понизиться, чтобы уравновѣсить рискъ обложенія, и такимъ образомъ правильный переходъ земли въ руки, наиболѣе способныя ее обработывать, уступилъ бы мѣсто спекуляціи, аіотажу (р. 251—6. Ср. рр. 301, 302).

2) Десятина *(la dîme)*. Это налогъ на валовой продуктъ почвы, при чемъ и худыя, и хорошія земли одинаково подлежатъ налогу; поэтому онъ не трогаетъ ренты въ деньгахъ, но возвышаетъ цѣну продуктовъ, а слѣдовательно производитъ такоеже дѣйствіе, какъ и налогъ на земледѣльческіе продукты. [Въ самомъ дѣлѣ налогъ этотъ не измѣняетъ ренты, выраженной въ цѣнности, хотя и измѣняетъ ренту, выраженную въ продуктахъ, именно — уменьшаетъ ее. Положимъ, до установленія налога худшія условія производства имѣли результатомъ Q продуктовъ, за которые по цѣнѣ V получалась сумма S; такимъ образомъ $S = Q \times V$. Теперь установляется десятина, т. е. отбирается $^1/_{10}$ отъ Q, остается $^9/_{10}$ Q. Но состояніе спроса на хлѣбъ не измѣняется; слѣдовательно и размѣръ обработки не можетъ

быть сокращенъ, значитъ данный поземельный участокъ по прежнему долженъ получить сумму S (т. е. должны окупиться издержки производства). И такъ, S есть величина *постоянная;* она — функція отъ двухъ перемѣнныхъ Q и V; зная измѣненіе одной, мы можемъ опредѣлить измѣненіе и другой; такимъ образомъ $S = {}^{9}/_{10}\ Q \times V'$; т. е. $V' = {}^{10}/_{9} V$, потому что тогда $S = {}^{9}/_{10}\ Q \times {}^{10}/_{9}\ V = Q \times V$. Вотъ какъ измѣняется цѣна вслѣдствіе десятины. Но что-же дѣлается съ рентой? Формула $R = (P - Q)\ V$ обращается въ $R = ({}^{9}/_{10}\ P - {}^{9}/_{10}\ Q)\ V'$; подставивши величину V', будемъ имѣть $R = (P - Q)\ V$, т. е. величина ренты, выраженная въ цѣнности, не измѣнится, потому что цѣна продуктовъ на-столько же увеличивается, насколько уменьшается рента въ продуктахъ].

Все различіе десятины отъ налога на земледѣльческіе продукты въ томъ, что послѣдній одинаковъ въ деньгахъ, тогда какъ денежная величина десятины измѣняется; поэтому въ неподвижномъ состояніи (*état stationnaire*) они производятъ одинакія дѣйствія. При упадкѣ цѣнъ десятина дѣйствуетъ слабѣе; но при возвышеніи ихъ она оказываетъ пагубное дѣйствіе. И такъ-какъ общій законъ — постепенное повышеніе цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ, то десятина возрастаетъ слѣдовательно параллельно съ трудностью производства; она беретъ все большую и большую часть изъ чистаго дохода, потому что она пропорціональна валовому; она получаетъ съ теченіемъ времени не только большее количество земледѣльческихъ продуктовъ, но и продуктовъ съ возвышенною цѣной. Съ другой стороны на десятину можно смотрѣть, какъ на премію за ввозъ; поэтому было бы совершенно справедливо обложить привозной хлѣбъ соотвѣтствующею пошлиной, чтобы сравнить условія производства и увеличить доходы государства.

3. Поземельный налогъ *(l'impôt foncier).* Онъ можетъ падать на ренту, можетъ бить всѣ обработываемыя земли и та-

кимъ образомъ сдѣлаться налогомъ на производство, а слѣдовательно и возвышать цѣну; онъ можетъ быть пропорціоналенъ качествамъ земель и обилію продуктовъ и, въ такомъ случаѣ, имѣть тѣ-же свойства, что и десятина. Наконецъ, это можетъ быть налогъ постоянный, который будетъ падать на количество, на пространство земли, не обращая вниманія на ея качество; въ такомъ случаѣ это — самый убійственный налогъ, потому что создаетъ неравныя условія производства, т. е. увеличиваетъ ренту. (Въ самомъ дѣлѣ, налагая контрибуцію на худшія условія производства, непремѣнно возвышаютъ цѣну продуктовъ; а между тѣмъ рента въ продуктахъ остается та-же, потому что обозначивши налогъ съ акра, напримѣръ чрезъ a, мы будемъ имѣть $R = P - a - Q + a$. Но V во всякомъ случаѣ возвышается, а слѣдовательно увеличивается и рента въ цѣнности). Такимъ образомъ, этотъ налогъ идетъ противъ четвертаго закона А. Смита. — Вотъ какія дѣйствія налоговъ на земледѣліе. По мнѣнію Рикардо, «А. Смитъ и Ж.-Б. Сей плохо поняли ихъ природу; поэтому они постоянно противорѣчатъ себѣ и сбиваются при рѣшеніи разныхъ вопросовъ по этому поводу».

Налогъ, какъ трудность производства, въ концѣ концовъ, всегда приводитъ къ возвышенію цѣнности, которое влечетъ за собою уменьшеніе спроса; если предложеніе не можетъ быть соразмѣрено съ спросомъ, т. е. если нельзя бросить даннаго производства, то производителю приходится терпѣть убытки, потому что долго нельзя сравнять prix courant съ prix naturel, которая теперь повысилась. Такой характеръ имѣетъ налогъ на золото. Количество золота не уменьшается; поэтому, хотя налогъ сначала и упадетъ на капиталистовъ, въ послѣднемъ счетѣ онъ перенесется на владѣльцевъ рудниковъ (и на потребителей разныхъ бездѣлушекъ). Такой-же характеръ имѣютъ и налоги на дома, количество которыхъ не можетъ быть умень-

шено при уменьшеніи спроса вслѣдствіе возвышенія цѣнъ квартиръ. Взимаемый съ жильца, онъ падаетъ на хозяина вслѣдствіе уменьшенія наемной платы; но строители домовъ не могутъ въ продолженіи долгаго времени платить налогъ, т. е. терпѣть убытки. При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, если это налогъ умѣренный, то окончательно его платитъ жилецъ. Если же онъ чрезмѣрный, то часть сбрасывается съ жильца на наемную плату за землю подъ домомъ, которую А. Смитъ считаетъ очень удобнымъ предметомъ обложенія; но Рикардо возстаетъ противъ чрезмѣрнаго ея обложенія на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и противъ обложенія поземельной ренты.

Налоги на прибыль. (*Des impôts sur les profits*). Всякій налогъ на предметы, потребляемые рабочими, стремится понизить величину прибыли. Но прибыль можетъ быть обложена и прямо. Какое же дѣйствіе налога на прибыль, будетъ ли она обложена прямо или косвенно? Un impôt partiel sur les profits fera hausser le prix de la marchandise sur laquelle il porte. Если же обложить пропорціонально всѣ предпріятія, то *всѣ предметы*, по мнѣнію Рикардо, должны повыситься въ цѣнѣ, и всѣ, члены общества слѣдовательно, будутъ платить налогъ посредствомъ уменьшенія издержекъ (dépenses) (?!). При этомъ стоитъ, по видимому, обложить монету или стоитъ ей вздорожать, по какому-нибудь случаю, въ такомъ-же отношеніи, чтобы цѣны приняли прежнее положеніе. Но извѣстно, что въ различныя предпріятія входятъ неодинакія пропорціи капитала оборотнаго и постояннаго; и изъ этого слѣдуетъ, что пониженіе прибыли будетъ дѣйствовать неодинаково на цѣны товаровъ; а слѣдовательно далѣе вслѣдствіе повышенія или пониженія курса монеты (рѣдкости или изобилія) цѣны будутъ измѣняться непропорціально (разумѣется, обратно) колебанію денежной единицы. Если, обложивъ всѣ прибыли, оставить въ покоѣ фермера, то для него, все равно, это будетъ налогъ на затрату.

Землевладѣлецъ также будетъ нести налогъ косвеннымъ образомъ, потому что, получая ту-же ренту въ хлѣбѣ и въ цѣнности, онъ будетъ дороже платить за всѣ предметы потребленія. Обложить прибыли фермера значитъ возвысить цѣну и земледѣльческихъ продуктовъ и поставить фермера въ одинаковое положеніе со всѣми предпринимателями. Но дѣла землевладѣльца въ этомъ случаѣ измѣнятся. Налогъ будетъ одинаково бить прибыль на хорошихъ и на худыхъ земляхъ, потому что онъ находится въ процентномъ отношеніи къ затрачиваемому капиталу, а поэтому онъ будетъ имѣть такое-же дѣйствіе, какъ обложеніе земли по количеству, т. е. онъ не перемѣнитъ ренты въ продуктахъ (P — Q), но возвыситъ денежную ренту (потому что возвыситъ V). Употребляя этотъ излишекъ ренты для оплаты возвышенія въ цѣнахъ предметовъ потребленія, которое произошло вслѣдствіе налога, землевладѣлецъ очутится въ самомъ лучшемъ положеніи и совершенно ускользнетъ отъ налога, все равно произойдетъ ли потомъ или нѣтъ измѣненіе цѣнности денегъ. Налогъ на прибыль поражаетъ и капиталиста вслѣдствіе возвышенія цѣнъ продуктовъ. Но когда деньги возвысятся въ цѣнѣ, капиталистъ не будетъ нести никакого налога, такъ-какъ онъ уравновѣсится большею покупательною силою его процентовъ. Наконецъ, Рикардо выражаетъ мысль, что цѣны, возвышенныя этимъ общимъ налогомъ, скоро приходятъ къ прежнему уровню вслѣдствіе отлива денегъ, а слѣдовательно и ихъ вздорожанія. Таково дѣйствіе налога на прибыль, все равно, будетъ ли онъ прямой, будетъ ли онъ падать на земледѣльческіе продукты и на предметы необходимости, потребляемые рабочими, или на рабочую плату.

Налоги на заработанную плату. *(Des impôts sur les salaires).* Возвышая рабочую плату (иначе — il serait impossible que la population nécessaire pût se maintenir, p. 332), они понижаютъ прибыль. Единственное различіе этихъ налоговъ отъ

налоговъ на предметы необходимости въ томъ, что послѣдніе поражаютъ еще и богатаго потребителя; первые же дѣйствуютъ какъ налогъ на прибыль въ его чистомъ видѣ. Но уже прежде Рикардо выставилъ положеніе, что обложенный товаръ не повысится въ цѣнѣ пропорціонально налогу, если при уменьшеніи спроса нѣтъ возможности уменьшить предлагаемое количество товара. Трудъ принадлежитъ именно къ такимъ товарамъ. Если правительство беретъ налоги для того, чтобы содержать рабочихъ, хотя и непроизводительныхъ, то спросъ на трудъ не уменьшится. Если же капиталы, взятые съ народа, будутъ отправлены за границу, на субсидіи и т. п., то народные капиталы, т. е. фонды, которые покупаютъ трудъ, будутъ уменьшены и рабочіе будутъ терпѣть несчастье (такимъ образомъ въ рѣшеніе вопроса вводится новый элементъ, а слѣдовательно прежнее рѣшеніе Рикардо было поспѣшнымъ). За-тѣмъ Рикардо оспариваетъ мнѣнія Смита и Буханана о налогѣ на рабочую плату. — По странной несистематичности, на которую я уже указывалъ, въ этой-же самой главѣ Рикардо разсматриваетъ налоги на предметы роскоши, т. е. на такіе, количество которыхъ природою или искусствомъ можетъ быть увеличено съ легкостію и цѣна которыхъ опредѣляется капризами, вкусами и средствами покупателей. Это — самые удобные предметы для обложенія (les plus propres à être imposés); налоги въ этомъ случаѣ уплачиваются изъ доходовъ и не уменьшаютъ капитала страны; они сливаются съ цѣною товара и почти не замѣчаются. Но вѣдь и капиталъ иногда нужно бываетъ тронуть ради нуждъ государства. Да съ другой стороны налогъ этотъ не даетъ точной, мало-мальски опредѣленной цифры, потому что все зависитъ отъ желанія потребителя уплачивать за товаръ цѣну, увеличенную налогомъ. Такимъ образомъ налогъ этотъ не соразмѣряется съ доходами страны (потому что доходы могутъ идти на покупку другихъ предметовъ), а слѣдовательно и пред-

ставляетъ въ ложномъ свѣтѣ ея рессурсы: доходы страны могутъ увеличиться, а налоги эти не будутъ приносить ни одного шиллинга, изъ чего, пожалуй, вывели бы заключеніе объ уменьшеніи доходовъ страны. Налоги же на предметы необходимости, потребляемые рабочими, будутъ ли это земледѣльческіе или мануфактурные, всегда, въ концѣ концовъ, падаютъ на прибыль. — Послѣ этого ясно, что слѣдующая глава о налогахъ на неземледѣльческіе продукты (des impôts sur les produits non agricoles) является совершенно постороннимъ привѣскомъ. Она дѣйствительно отчасти наполнена повтореніями, отчасти же занимается рѣшеніемъ другихъ вопросовъ: можно ли назвать цѣну хлѣба монопольною (какъ это дѣлаетъ Буханань) и можно ли поэтому перенести налогъ на поземельнаго собственника, и вопросомъ о *государственныхъ займахъ*.

Налоги государства, которые употребляются главнымъ образомъ на содержаніе непроизводительныхъ рабочихъ, падаютъ на производительный трудъ страны (l'industrie productive); единственное средство сохранить въ цѣлости народный капиталъ состоитъ въ *сбереженіи*. Но когда для военныхъ надобностей государство беретъ путемъ займа 20 мил., то оно отнимаетъ эти 20 милл. изъ капитала страны. Проценты, которые потомъ уплачиваетъ государство, не перемѣняютъ дѣла, потому что здѣсь только передается изъ рукъ въ руки одна и та-же сумма, а мы не знаемъ напередъ, кто именно — передающій или получающій съумѣетъ производительнѣе употребить ее. Такимъ образомъ, положеніе дѣла не перемѣнилось бы, если-бы государство преспокойно взяло бы тѣ-же 20 милл. путемъ налога; вмѣсто того, чтобы заставлять человѣка платить ежегодно 100 р., государство можетъ заставить его занять гдѣ-нибудь 2000 р. и сразу внести эту сумму. Слѣдовательно, зло не въ уплатѣ процентовъ; не въ уничтоженіи ихъ надо искать и исцѣленія. Зло въ уменьшеніи національнаго капитала

вслѣдствіе расточительности государства и отдѣльныхъ лицъ: исцѣленіе, ясно, — въ уменьшеніи издержекъ государства и подданныхъ, въ бережливости. И вотъ основная точка зрѣнія, съ которой надо разсматривать вопросъ о лучшемъ средствѣ покрытія чрезвычайныхъ издержекъ государства. Система займовъ представляетъ гражданамъ въ ложномъ свѣтѣ ихъ положеніе; заставляя подданныхъ жертвовать по-видимому одними процентами, она въ такой только мѣрѣ и возбуждаетъ сбереженія, а слѣдовательно занятый капиталъ безвозвратно погибаетъ. Налогъ же, заставляя сразу жертвовать огромными суммами, которыя приходилось бы самимъ выплатить или занять, сильно возбуждалъ бы бережливость правительства и сбереженія подданныхъ, которые уплачивали бы свои доли и не вмѣшивали бы въ это дѣло всю націю. Но страна, которая уже позволила скопиться огромному долгу, должна нести большое бремя налоговъ; а изъ желанія освободиться отъ этого бремени скоро можетъ выработаться неодолимое стремленіе переселиться съ своими капиталами въ другія мѣста. Поэтому, говоритъ Рикардо, ужъ лучше сразу расквитаться съ этими долгами, и предлагаетъ планъ погасить немедленно долгъ посредствомъ взноса капитала, который приносилъ бы такіе проценты, какіе платитъ каждый на государственные займы, т. е. другими словами, долгъ правительства перенести на частныхъ лицъ. Но такой планъ никогда не будетъ принятъ. Поэтому единственное средство погашенія долга — сбереженія государства въ его расходахъ.

Послѣдній налогъ, который разсматриваетъ Рикардо, — налогъ для бѣдныхъ (des contributions pour les pauvres). Понятно, что этому налогу нѣтъ мѣста въ научной системѣ, которая опирается на элементы дохода. Все зависитъ отъ способа обложенія, смотря по которому налогъ является съ такимъ или инымъ характеромъ. Онъ можетъ падать на потребителей земледѣльческихъ продуктовъ, и на прибыль, и на рен-

ту (напр., въ неподвижномъ состояніи или даже въ состояніи упадка общества, когда нѣтъ возможности возвысить цѣну земледѣльческихъ продуктовъ и въ то-же время нельзя высвободить капиталы, слитые съ землею). Но эти, такъ называемые, законы о бѣдныхъ представляютъ интересъ съ другой стороны: они раскрываютъ больное мѣсто даннаго экономическаго быта и направляютъ умственныя силы изслѣдователей на отысканіе средствъ уничтожить или залѣчить зло. Каковъ же взглядъ на этотъ предметъ Рикардо? Вслѣдствіе уменьшенія успѣшности труда (ренты, повышенія цѣнности), рабочая плата, хотя и повышается въ цѣнности, въ дѣйствительности же становится все скуднѣе и скуднѣе, падаетъ даже ниже своего *естественнаго* уровня вслѣдствіе перевѣса предложенія надъ спросомъ; рабочіе терпятъ нищету. Правительство *вмѣшивается* въ это дѣло и создаетъ законы о бѣдныхъ. Какое же дѣйствіе этихъ законовъ? «Ces lois n'ont d'autre effet que d'empirer à la fois et la condition du pauvre, et celle du riche, et, au lieu d'enrichir les pauvres, elles ne tendent qu'à appauvrir les riches» (p. 134. t. I). Только теперешняя организація налога (rigueur dans l'exécution de ces lois) помѣшала ему высосать весь чистый доходъ націи. «Si *la loi assurait à tout indigent* les moyens de *s'entretenir* (а такова именно — и вся задача общественной жизни, какъ говоритъ Сисмонди), et si les secours étaient suffisans pour qu'il pût vivre assez agréablement, l'on serait conduit, par la théorie, à croire que tous les autres impôts ensemble ne pourraient qu'être légers, comparés avec le seul impôt des pauvres. Les lois de la gravité ne sont pas plus certaines que ne l'est la tendance qu'auraient de pareilles lois à changer la richesse et la puissance en misère et en faiblesse, en faisant renoncer l'homme à tout travail qui n'aurait pas pour unique but celui de se procurer des subsistances. Il n'y aurait plus de distinctions quant aux facultés intellectuel-

les; l'esprit ne serait occupé que du soin de satisfaire les besoins du corps, jusqu'à ce qu'à la fin toutes les classes fussent en proie à une indigence universelle» (pp. 138 — 139, t. I). Что же дѣлать? Гдѣ якорь спасенія? «C'est une vérité *incontestable* que l'aisance et le bien-être des pauvres ne sauraient être assurés, à moins qu'ils ne cherchent eux-mêmes, ou que *la législature* ne travaille *à régler leur nombre* (это, вѣроятно, не будетъ d'aller fouiller dans les affaires de chacun), en diminuant parmi eux la fréquence des mariages entre des individus trop jeunes et imprévoyants» (p. 136). Такимъ образомъ вопросъ проясняется и освѣщаетъ собою весь экономическій строй. Если задача этого строя и науки, которая возводитъ его принципы въ вѣчные, незыблемые законы природы,— только скопленіе матеріальныхъ богатствъ, то мы необходимо приходимъ къ выводу Рикардо. Но если задачею экономическаго быта общества принимается благосостояніе людей, наиболѣе полное и *всестороннее* (?!) удовлетвореніе нуждъ, изслѣдователи приходятъ къ соціализму, къ конфискаціи богатствъ, къ сведенію всѣхъ къ общей нищетѣ. Такимъ образомъ крайности сходятся; и буржуазная политическая экономія, и соціализмъ имѣютъ одинакое разумное основаніе, потому что обѣ теоріи логически вытекли изъ извѣстнаго хозяйственнаго строя, когда-то благодѣтельнаго, но который пришелъ къ абсурду, сталъ въ противорѣчіе съ даннымъ историческимъ развитіемъ человѣчества, съ увеличеніемъ населенія. Съ другой стороны и та, и другая теорія ложны, потому что ложна основа, ихъ создавшая; нельзя насильственно остановить населеніе на одномъ пунктѣ, чтобы обезпечить скопленіе богатствъ и капиталовъ, увеличеніе выгодъ, какія только можно извлечь изъ *даннаго состоянія* успѣшности труда, для людей, заправляющихъ хозяйственнымъ міромъ. (Der Smithianismus, говоритъ Roesler, ist somit seinem innern Wesen nach eine Lehre, welche zeigt, wie

die Kapitaleigner durch Herrschaft über die Arbeit zu den höchsten Konsumtionsgenüssen gelangen können; sein anscheinend allgemein humanitärer Charakter, mit dem er den Beifall der Welt erfungen hat, ist nur eine prunkende, aber lugenhafte Mascke. «Ueber die Grundlehren des Smithianismus» стр. 141). Нельзя, съ другой стороны, достигнуть всеобщаго благосостоянія посредствомъ всеобщаго обѣдненія, посредствомъ приравненія высшихъ развитыхъ классовъ общества, руководителей народнаго труда, къ грубой, забитой массѣ (rudis indigestaque moles); это значитъ поразить благосостояніе въ корнѣ, понизить *успѣшность труда.* Одна теорія смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія людей, которымъ хорошо, которые стараются удержать за собою подольше исключительное положеніе (вслѣдствіе плохаго пониманія собственныхъ интересовъ) и которые поэтому изыскиваютъ средства замазывать, затирать всѣ прорѣхи, грозящія разрушеніемъ для строя, имъ благодѣтельствующаго (La doctrine Ricardo-Malthusienne, говоритъ Carey, a été inventée pour expliquer à l'aide des lois établies par le Créateur l'existence de la maladie sociale et pour affranchir ainsi de toute responsabilité la classe qui vit de l'appropriation et dirige les affaires des nations (p. 295. t. I). Въ другомъ мѣстѣ: «Malthus et Ricardo fournirent cette théorie qui nous offrit des lois divines au moyen desquelles on nous rendait compte des famines, des pestes et de l'esclavage, qui n'étaient que le résultat inévitable de la conduite déraisonnable de l'homme» p. 538. t. I). Другая говоритъ отъ имени болѣе широкихъ интересовъ, которые попираются въ данномъ строѣ; поэтому критическая сторона этой теоріи имѣетъ важное значеніе; но не имѣетъ значенія положительная работа, потому что она отличается механичностью, бьетъ цѣль въ самомъ корнѣ. И такъ, обѣ доктрины страдаютъ однимъ и тѣмъ-же недугомъ и не въ силахъ разрѣшить соціальную проблему, но обѣ имѣ-

ютъ важное значеніе и одинакое право на уваженіе, потому что представляютъ матеріалы, на основаніи которыхъ можетъ быть построена истинная теорія, которая дастъ исцѣленіе, успокоитъ всѣхъ. Вотъ съ этой точки зрѣнія теорія Рикардо имѣетъ высокое значеніе (Kautz вѣрно говоритъ: Ricardo ist einer jener grossen Denker-Heroen, die man nicht ohne grosses Lob tadeln und nicht ohne starken Tadel loben kann), потому что она представляетъ довольно вѣрную картину современнаго положенія дѣлъ (авторъ всегда смотрѣлъ въ корень вещей, не увлекался внѣшностями), хотя, разумѣется, нельзя согласиться ни съ причинами, которыя онъ приводитъ для объясненія нищеты, ни съ средствами, которыя онъ предлагаетъ для спасенія отъ нея.

Нельзя не замѣтить, что въ вопросѣ о рентѣ Рикардо попадаетъ въ заколдованный кругъ даже съ точки зрѣнія положеній, которыя онъ самъ поддерживаетъ. *Статическія* условія, устанавливающія ренту въ строгомъ смыслѣ, — ограниченность пространства земли, исключительная частная собственность, наконецъ неодинаковость плодородія и разность положенія относительно сбыта (результатъ неподвижности) обработываемыхъ участковъ, что при данныхъ рыночныхъ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты опредѣляетъ различную доходность участковъ. (Теорія ренты въ духѣ Рикардо мастерски развита фонъ-Тюненомъ. См. «Изолированное государство», сокращ. переводъ Волкова, стр. 132—137. Оцѣнка доводовъ за (Милль) и противъ поземельной ренты (Кэри, М. Виртъ) у Lange. «Mills Ansichten über die sociale Frage», стр. 33—57). Роль ренты въ *историческомъ* развитіи хозяйства, по мнѣнію Рикардо, высказывается въ постоянномъ возвышеніи ея — количественномъ и качественномъ, въ продуктахъ и въ цѣнности. Двигающія причины здѣсь — непрерывное увеличеніе населенія, т. е. усиленіе спроса на средства существованія (на продукты почвы) и обусловливаемое этимъ усиленіемъ спроса приложеніе труда и ка-

питала къ землямъ худшаго качества или худшаго положенія, т. е. другими словами, постепенное пониженіе качественной стороны земледѣльческаго труда или, что то-же, возвышеніе цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ. И такъ, причины—постоянное возрастаніе населенія, которое надо прокормить, и непрерывное уменьшеніе производительности или успѣшности труда (физическаго и умственнаго), который (въ тотъ періодъ когда заходитъ вопросъ о рентѣ) только *одинъ* и можетъ прокормить населеніе; поставить ихъ рядомъ—логическій non sens. (Нельзя же предположить, что возвышеніе успѣшности труда, оффориляющаго, переработывающаго сырье, можетъ съ избыткомъ вознаградить паденіе успѣшности труда земледѣльческаго. Да надо замѣтить, что возвышаясь *качественно* (со стороны продуктивности), переработывающій трудъ можетъ возрастать *количественно*, потому что развитіе, облагороженіе потребностей или распространеніе высшихъ, утонченныхъ нуждъ въ большемъ кругу индивидуумовъ могутъ потребовать болѣе усиленной переработки сырья, т. е. другими словами, труда, одареннаго высшею (сравнительно съ прежнимъ) продуктивностью, можетъ потребоваться *не меньшее* количество). Населеніе имѣетъ постоянную *тенденцію* къ увеличенію въ геометрической прогрессіи, какъ показалъ Мальтусъ. Но онъ-же указалъ на предупредительныя и послѣдующія задержки размноженія, которыя приводятъ къ такому положенію, что «данное населеніе всегда соотвѣтствуетъ имѣющимся на-лицо средствамъ существованія». Слѣдовательно, увеличеніе населенія можетъ происходить только подъ условіемъ возвышенія успѣшности труда, т. е. пониженія цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, а значитъ — и пониженія ренты. (Все это прямо вытекаетъ изъ теоріи Рикардо; если же въ дѣйствительности съ теченіемъ времени рента возрастаетъ, то, значитъ, здѣсь дѣйствуютъ другія причины). Иначе придется предположить постепенное уменьшеніе потребностей людей

(самъ же Рикардо говоритъ, что величину рабочей платы въ продуктахъ опредѣляетъ *привычка* рабочаго потреблять извѣстную сумму средствъ существованія и другихъ необходимыхъ и полезныхъ предметовъ); а это противорѣчитъ общеизвѣстному и общепризнанному факту. Такимъ образомъ выставленная теорія ренты въ ея *историческомъ* значеніи для развитія производства падаетъ уже вслѣдствіе своей логической несообразности, не говоря уже о другихъ доводахъ, которые можно противъ нея представить.—Замѣтимъ кстати далѣе, что нельзя сказать, чтобы съ принятіемъ подобной теоріи ренты достигалась цѣль, на которую указываетъ Сагеу въ приведенныхъ выше цитатахъ,—т. е. сведеніе вопроса о бѣдности къ естественнымъ законамъ, дѣйствующимъ съ ничѣмъ неотстранимою, вѣчною неотразимостью. Здѣсь уже, такъ сказать, на порогѣ мы встрѣчаемся съ сомнѣніемъ: существуютъ ли такіе законы природы, которыми человѣкъ никогда не овладѣетъ и которые не заставитъ служить себѣ, и принадлежатъ ли законы ренты именно къ таковымъ? (Ср. *Dühring*, Kritische Grundlegung der Volkswirthschaftslehre. Abschn. IV. Злоупотребленіе такъ называемыми естественными законами въ экономической наукѣ вызвало рѣзкое замѣчаніе Рёслера. «Теорія хозяйственныхъ естественныхъ законовъ (die Theorie der wirthschaftlichen Naturgesetze) можетъ быть прямо объявлена безнравственною; она усвоиваетъ ту невысокую точку зрѣнія, которая допускаетъ уморить съ голоду свое дитя и потомъ объяснять смерть разрушеніями, происшедшими въ физическомъ организмѣ дитяти, тогда какъ въ сущности воля, отторгнувшаяся отъ нравственнаго закона, отняла жизнь, а естественный законъ былъ только ея modus agendi, «die objectiv bestimmte Einführung seines Willens in den Bereich der natürlichen Thatsachen» *H. Roesler*, Ueber die Grundlehren des Smithianismus, стр. 19). Разсматривая условія, установляющія ренту, оказывается, что это—факты чисто

общественные и по этому самому могущіе подлежать измѣненію; дѣло идетъ объ области, въ которой царитъ — «das Bedingte, Geschichtliche und Relative» (Knies). О присвоеніи земли въ частную собственность и о положеніи участковъ относительно сбыта нечего и говорить (дѣйствіе неподвижности парализуется средствами сообщенія и такимъ устройствомъ производства, которое характеризуется обиліемъ мѣстныхъ центровъ притяженія и обращеніемъ на мѣстѣ сырья въ готовые продукты (фабрикаты); по справедливому увѣренію Carey, расходы на «changements de lieu de la matière» должны съ теченіемъ времени постоянно уменьшаться). Противъ ограниченности силъ природы говорятъ всѣ натуралисты. А ограниченность пространства земли (протяженія) — понятіе относительное и неопредѣленное (на этотъ счетъ замѣтна смутность пониманія; такъ, между тѣмъ нѣкоторые солидные экономисты говорятъ объ *ограниченности* предметовъ, доставляемыхъ почвою и вообще первообразною промышленностью, и о *неограниченномъ* количествѣ продуктовъ мануфактурнаго производства, т. е. переработаннаго сырья). Извѣстно, какое количество земли нужно для прокормленія дикаря-звѣролова и какое для осѣдлаго земледѣльца (особенно напр. при плодопеременной системѣ); въ томъ и другомъ случаяхъ вопросъ объ ограниченности пространства земли представляется въ различномъ свѣтѣ. Наконецъ, плодородіе (неужели это — forces inépuisables et indestructibles du sol? — основное положеніе раціональнаго земледѣлія требуетъ, чтобы землѣ было возвращаемо все, что у нея взято) не можетъ быть отнесено къ совершенно объективнымъ аттрибутамъ почвы, а есть выводъ изъ отношеній человѣка къ природѣ; плодородіе должно быть сначала открыто, познано, чтобы служить на пользу человѣку. Расширеніе знанія и его примѣненій ведетъ къ измѣненію понятій о плодородіи, и на практикѣ дѣйствительно нерѣдки просто магическія превращенія безплодныхъ (т. е. признаваемыхъ тако-

выми) земель въ самыя плодоносныя. Кромѣ того, о плодородіи почвы можно говорить по отношенію къ извѣстному роду сельскихъ произведеній. Да наконецъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе преобладающее значеніе получаетъ *искусственное плодородіе* (въ противоположность естественному), а слѣдовательно и въ этой сферѣ долженъ получать все болѣе широкое примѣненіе законъ уравнительности, признаваемый наукою для прибылей и рабочихъ платъ. (Явленіе ренты, т. е. неравенства колебанія, признается для всѣхъ формъ народнаго дохода, а не для одного только поземельнаго. Ср. извѣстную теорію ренты Шеффле, который въ этомъ вопросѣ свелъ и формулировалъ замѣчанія, высказанныя прежде. Nationaloekonomie §§ 99—106. Его-же Ausschliessenden Verhältnisse. 1867. Ztschr. für die gesam. Staatwiss.). Такое предположеніе подтверждается фактами. Такъ Hippolyte Passy (въ соч. Systèmes de culture) приводитъ фактъ, что во Франціи, въ промежутокъ времени 30 лѣтъ, произошло слѣдующее измѣненіе въ величинахъ рентъ: именно, въ первый годъ тридцатилѣтія она колебалась отъ 8 до 58 франковъ, а въ послѣдній отъ 40 до 80. (При обсужденіи ренты Lange основательно задаетъ важный вопросъ: «ist dieser Gewinn (theils) eine Folge davon, dass Grund und Boden *in festen Händen* sind oder nicht? Онъ думаетъ, что надо отвѣчать утвердительно. Ibid. стр. 55). Мы видимъ, какъ и съ этой стороны разлетается искусно измышленная и построенная съ привлекательною внѣшнею логичностью теорія ренты,— и цѣль оказывается недостигнутою.

Какой-же выводъ можно сдѣлать относительно теоріи Рикардо о налогѣ? Какъ понимаетъ онъ важный вопросъ переложенія? Le produit total de la terre et de l'industrie de tout pays se partage en trois portions, dont la premiѐre est destinée aux salaires, la seconde aux profits et la tr isiѐme au fermage. Ce n'est que sur les *deux dernières portions* qu'on

peut lever *des impôts* ou faire des épargnes (p. 194, t. II). «Cette classe d'hommes (les ouvriers) ne peut jamais supporter aucune portion considérable de l'impôt» (p. 226, t. I). Совершенно понятно: налогъ есть признакъ свободы, говоритъ Смитъ (Coll. des princ. économ. VI. p. 544. т. 3 стр. 241). Съ другой стороны, возвышеніе цѣны товара оплачиваетъ потребитель; а трудъ есть товаръ, по мнѣнію Рикардо и всей экономической школы его закала. Трудъ — это совокупность усилій, которыя могутъ произвести извѣстную работу, будутъ ли эти усилія исходить отъ какой-нибудь неодушевленной или одушевленной силы (человѣка или скота), все равно. (Работникъ, какъ выражается Kautz, представляется — «nur ein Werkzeug, eine materielle Auslagen verursachende Maschine». S. 518. То-же у Schmoller-a, Roesler-a). Для предпринимателя, поэтому, самое главное получить эту безразличную рабочую силу какъ-можно дешевле (p. 45), а отсюда и понятна естественная величина рабочей платы, — все, что необходимо для того, чтобы поддерживать рабочую силу, не больше; слѣдовательно, увеличеніе населенія совершается на-счетъ уклоненія рабочей платы отъ естественнаго уровня и представляется поэтому явленіемъ анормальнымъ. Поэтому богатство народа измѣряется не суммою валоваго дохода, а размѣромъ чистаго дохода: то, что валовой доходъ прокармливаетъ большее или меньшее населеніе (10 или 12 милл.), для Рикардо не имѣетъ никакого значенія; поэтому Сисмонди рисуетъ остроумную картину совершеннѣйшаго состоянія, по теоріи Рикардо, когда въ Англіи остается *одинъ король* и посредствомъ обращенія рукоятки громадной машины исполняетъ всѣ хозяйственные процессы. Естественная величина прибыли не опредѣляется точно; это — все, что предприниматели съумѣютъ вычесть у рабочихъ (Смитъ въ одномъ мѣстѣ называетъ ренту и прибыль *вычетами* изъ продукта труда. «La rente est la première *dé-*

duction que souffre le product du travail appliqué à la terre... Le produit de presque tout autre travail est sujet à la meme *déduction* en faveur du profit». Coll. des princ. écon. V. p. 85). Всѣ улучшенія, которыя вводятся въ производствѣ, при такомъ положеніи дѣлъ не могутъ улучшить судьбу рабочаго; ихъ значеніе — увеличивать прибыли, т. е. фондъ для скопленія капиталовъ. Вотъ какова ортанизація производства. Правящіе классы ведутъ хозяйство; употребляютъ для этого различныя силы, оплачиваемыя и неоплачиваемыя, удовлетворяютъ своимъ различнымъ нуждамъ и содержатъ своими средствами государство, которое исполняетъ ихъ желанія. Вотъ что можно вывести изъ теоріи Рикардо, и мы должны быть глубоко благодарны этому геніальному человѣку за то, что онъ своимъ орлинымъ умомъ всюду проникалъ въ сущность дѣла и раскрывалъ невидимыя причины явленій.

IV.

Инымъ духомъ вѣетъ отъ произведеній Симондъ-де-Сисмонди, для котораго политическая экономія есть только часть государственной науки — la science du gouvernement qui doit se proposer pour but le bonheur des hommes réunis en société (Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population. 2 vol. 1827). Ея дѣло — изысканіе средствъ наиболѣе полнаго удовлетворенія нуждъ возможно большаго числа людей, живущихъ въ обществѣ. Le vrai problème de l'homme d'état c'est de trouver la combinaison et la proportion de population et de richesse qui garantira le plus de bonheur à l'espèce humaine sur un espace donné (XXII, t. I). Люди соединяются въ общество только ради выгодъ, которыя оно представляетъ; и управленіе существуетъ только для того, чтобы доставить отъ имени всѣхъ это общее благо, котораго всѣ ожидаютъ (p. 5, t. I). Счастье всего общества, всѣхъ членовъ, его составляющихъ, — вотъ высшая цѣль всей государственной дѣятельности. Въ виду этой цѣли государство можетъ допустить и неравенство, можетъ поставить нѣкоторыхъ людей въ такія условія, при которыхъ неизмѣримо высоко сравнительно съ другими разовьются ихъ

личныя качества, но все это только для того, чтобы сдѣлать изъ этихъ людей благодѣтелей всего общества (а не притѣснителей). Ce n'est pas l'égalité des conditions, mais le bonheur dans toutes les conditions que le législateur doit avoir en vue (p. 10). Но человѣкъ есть существо смѣшанное; онъ испытываетъ и моральныя и физическія нужды, въ удовлетвореніи которыхъ поставляется счастье, составляющее цѣль государства. На основаніи этой двойственности и наука государственная распадается на — «Haute politique» (которая стремится сдѣлать людей счастливыми, возвышая душу посредствомъ религіи, свободы и воспитанія) и l'économie politique. «Le bien-être physique de l'homme, autant qu'il peut être l'ouvrage de son gouvernement est l'objet de l'économie politique». Но всѣ физическія нужды удовлетворяются посредствомъ богатства, которое такимъ образомъ представляетъ мѣрило (représentant) того, что люди могли сдѣлать для взаимнаго счастья (p. 8); et la science qui enseigne au gouvernement le vrai système d'administration de la *richesse nationale* est par là même une branche importante de la science du bonheur national. (Извѣстно, какъ сильно вооружается Сей противъ такого опредѣленія). Государство должно создать *порядокъ*, который бы ни одного человѣка изъ націи не подвергалъ лишеніямъ, заботамъ о завтрашнемъ днѣ, но который доставлялъ бы каждому возможность пріобрѣтать трудомъ всѣ наслажденія жизни. Такова задача общественнаго порядка, и надо поэтому учить людей — à conserver cet ordre en le corrigeant, non pas à le renverser. Вотъ общій взглядъ Сисмонди на науку.

Для моего спеціальнаго вопроса надо разсмотрѣть мнѣніе его о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ. «Нужды человѣческія вызываютъ трудъ, направленный на созданіе предметовъ, ихъ удовлетворяющихъ». Но богатствомъ Сисмонди признаетъ только такіе предметы, которые создаетъ трудъ,

скопляетъ сбереженіе, уничтожаетъ потребленіе; необходимый признакъ богатства — способность вещи, которой приписывается цѣнность вслѣдствіе ея происхожденія отъ труда, *сохраняться* нѣкоторое время до потребленія, т. е. удовлетворенія такой или другой изъ нуждъ, ради которыхъ и предпринималось производство (l'industrie). Поэтому la travail qui ne donne point de jouissance, est inutile; celui dont les fruits ne peuvent s'accumuler, est improductif (сходство съ А. Смитомъ). Celui qui aura défendre la société contre les ennemis fait un travail utile et lucratif pour lui puisqu'il en recevait le salaire, tandis qu il en abandonait la jouissance à celui qui le payait. *Néanmoins* ce travail est improductif, puisqu'il ne peut se soumettre à l'économie et s'accumuler» (69). Но Сисмонди признаетъ важность и необходимость этого непроизводительнаго труда. Обществу мало одного богатства. «La société a besoin d'administrateurs qui dirigent vers un *but commun ses efforts* au dedans, et qui protègent au dehors ses intérêts; elle a besoin de législateurs qui déterminent les droits respectifs de ses membres; elle a besoin de juges qui les fassent respecter, et d'avocats qui les défendent; elle a besoin enfin d'une force armée qui maintienne au dedans l'ordre que la nation a établi, qui repousse au dehors, et par terre et par mer, les insultes étrangères qui pourraient le troubler. Вотъ нужды особаго порядка; безъ ихъ удовлетворенія всѣ богатства, созданныя трудомъ (производительнымъ), были бы уничтожены; слѣдовательно работники этого рода имѣютъ неизмѣримую важность. Но все-таки эти охранительные работники (population gardienne) не производятъ ничего, трудъ ихъ не облекается въ матеріальныя формы, и эта особенность, по мнѣнію Сисмонди, обусловливаетъ и *особый способъ ихъ вознагражденія*, видоизмѣняетъ ихъ *рабочую плату*. Услуги ихъ могутъ оплачиваться не изъ капитала, который долженъ быть воспроиз-

ведень, т. е. замѣненъ новыми богатствами, совокупностью матеріальныхъ, способныхъ къ накопленію и сохраненію, продуктовъ, а изъ *народнаго дохода* (т. е. la valeur dont l'ouvrage achevé surpasse les avances que l'ont fait faire), который (т. е. доходъ) предназначается для потребленія безъ воспроизведенія (p. 95). Слѣдовательно, чтобы оплатить этихъ охранителей, каждый (рентьеръ, капиталистъ, рабочій, предприниматель) долженъ удѣлить часть средствъ, которыя могутъ быть имъ потреблены. Съ другой стороны, услуги, которыя доставляютъ эти люди обществу, всему обществу, какъ бы огромны и возвышенны онѣ ни были, не чувствуются каждымъ человѣкомъ въ-отдѣльности и не могутъ быть предметомъ добровольнаго обмѣна, добровольной оплаты. Поэтому государство само оплачиваетъ свои услуги, налагая на доходы всѣхъ *принудительный взносъ* (taxe). Работникъ, слѣдовательно, самъ назначаетъ свою плату, и сила, поставленная въ данномъ случаѣ на мѣсто взаимнаго соглашенія (а гдѣ оно есть?) разрушаетъ всякое равновѣсіе услуги и цѣны; злоупотребленія являются очень скоро, доходятъ до огромныхъ размѣровъ, et les chefs nations, établis pour garder la richesse, furent souvent les principaux auteurs de sa dilapidation. Какъ же помочь дѣлу? Здѣсь обмѣниваются двѣ стороны — государство и цѣлое общество; поэтому, c'est donc à la société de nommer des représentans pour traiter avec elle (la population gardienne); въ этомъ — право и обязанность національныхъ депутатовъ, которые однакожъ еще нигдѣ не исполнили этой высокой задачи (p. 141—144. T. I). — Послѣ изложенія этихъ общихъ понятій Сисмонди о финансовой дѣятельности государства, которыя я извлекъ изъ различныхъ мѣстъ его сочиненія, я приступаю къ разсмотрѣнію его 6-й книги, спеціально посвященной *налогу*. Книга эта раздѣлена на 7 главъ. Первая глава рѣшаетъ вопросъ: кто долженъ платить налогъ? («qui

doit payer l'impôt?»). Рѣшеніе выводится изъ природы налога, изъ его опредѣленія, которое уже ясно изъ предыдущаго. «L'impôt doit être considéré par les citoyens comme une *juste compensation* de la protection que le gouvernement accorde à leurs personnes et à leurs propriétés. Il est juste que tous le supportent, en proportion des avantages que la société leur garantit, et des dépenses que la société fait pour eux (p. 155, t. II). Вотъ основная точка зрѣнія. Сисмонди признаетъ, что большая часть общественныхъ издержекъ идетъ на защиту богатыхъ противъ бѣдныхъ (Ср. А. Смитъ); поэтому совершенно справедливо, чтобы богатый содѣйствовалъ поддержанію общественнаго порядка, который для него такъ благодѣтеленъ, не только пропорціонально своимъ средствамъ, но *нѣсколько больше;* во всякомъ случаѣ слѣдуетъ больше брать съ его излишка (superflu), чѣмъ съ необходимаго (nécessaire) другаго. Но и бѣднякъ, какъ скоро онъ получаетъ доходъ, имѣетъ собственность, долженъ удѣлять извѣстную часть государству, которое обезпечиваетъ его свободу (?!). Большая часть общественныхъ работъ имѣетъ въ виду поземельную, недвижимую собственность, которая поэтому должна нести и больше тяжестей. Богатый капиталистъ, фабрикантъ, купецъ получаютъ свои доходы посредствомъ борьбы съ бѣдняками, трудъ которыхъ они покупаютъ; въ этой борьбѣ (lutte) общественный порядокъ даетъ могущественную опору à celui qui a contre celui qui n'a pas (p. 156); слѣдовательно ему обязаны эти богачи своими доходами, изъ которыхъ и должны удѣлять бо́льшую частицу. Вотъ за этими незначительными (?!) модификаціями и можетъ быть принято общее правило, что каждый долженъ содѣйствовать поддержанію общества пропорціонально своему доходу. Изъ выставленнаго общаго положенія слѣдуетъ, что налогъ есть *жертва;* но въ тоже время онъ есть и благо, если услуги государства приносятъ намъ больше наслажденій, чѣмъ сколько отнимаетъ у насъ

жертва, цѣною которой мы ихъ получаемъ. Поэтому надо отказываться отъ наслажденія, если оно дорого, если покупка его захватываетъ необходимое; другими словами, мы снова приходимъ къ тому положенію, что только народный доходъ, но никакъ не народный капиталъ, можетъ служить источникомъ налога, а слѣдовательно съ нимъ должны соразмѣряться государственныя издержки, услуги, доставляемыя государствомъ. (Ср. общее ученіе Сисмонди о потребленіи, доходѣ и воспроизведеніи). Въ самомъ дѣлѣ, затраты государства не воспроизводятъ эквивалента, не возстановляютъ капитала, а слѣдовательно, если брать средства для нихъ изъ народнаго капитала, то нація будетъ все бѣднѣть; поэтому ихъ можно черпать только изъ дохода, который тѣмъ и отличается, что можетъ быть растраченъ какъ угодно безъ необходимости воспроизведенія. Народный капиталъ есть часть валоваго продукта народнаго производства, назначенная для поддержанія въ такомъ-же положеніи улучшеній земли, для возстановленія постояннаго и оборотнаго капиталовъ и для питанія людей (le capital vivant de la nation), которые создаютъ всѣ богатства. Бить же налогомъ капиталъ, говоритъ Сисмонди, значитъ умерщвлять «la poule aux oeufs d'or» (p. 85. t. I). Весь вопросъ теперь въ томъ, какъ-же поймать этотъ доходъ, чтобы обложить его dans une *progression proportionnelle?* Изъ труда, который есть источникъ всякаго богатства, только и можетъ родиться доходъ; владѣльцы земли и капиталовъ получаютъ свои доли въ видѣ ренты и процентовъ; но еще болѣе получаютъ изъ этого фонда фермеры, фабриканты, купцы, наконецъ нѣкоторые рабочіе, которые доставляютъ различные высшіе нематеріальные продукты; всѣ они не отказываются бросать большія средства, чтобы пользоваться утонченными предметами роскоши; слѣдовательно, они имѣютъ возможность платить и за высокія наслажденія, которыя доставляетъ государство. Тотъ-же масштабъ при-

лагается и къ рабочему: «было бы, безъ сомнѣнія, насмѣшкою требовать отъ рабочаго, вознагражденіе котораго сведено къ крайне необходимому (strict nécessaire), платежа за наслажденіе порядкомъ и правосудіемъ, которые ему не покровительствуютъ, за наслажденіе національною славою, которая для него безразлична». Но то-же самое можно сказать и о бѣдномъ собственникѣ, и о бѣдномъ капиталистѣ, прибавляетъ Сисмонди. И такъ, если налогъ никогда не долженъ отбирать у человѣка частицу его необходимаго (потому что было бы нелѣпо говорить о выгодахъ общественнаго строя человѣку, котораго этотъ строй осуждаетъ чуть не на голодную смерть), то надо, слѣдовательно, признать, что въ каждомъ доходѣ есть часть, которая должна оставаться неприкосновенною, потому что иначе государство будетъ убивать само себя, лишать себя рессурсовъ на будущее время. Вотъ какой доходъ можетъ служить источникомъ налога (matière imposable) и для руководства при его обложеніи Сисмонди даетъ для дополненія Смита свои извѣстныя четыре правила — ces maximes d'une philanthropique économie, qui tendent à la modération et à la charité, какъ говоритъ Прудонъ (p. 366). (Хотя изъ нѣкоторыхъ ссылокъ на Прудона и нѣтъ основанія заключать о моемъ согласіи съ его экономическою и финансовою теоріею, но я считаю нужнымъ сдѣлать эту оговорку, чтобы устранить самую возможность подобнаго заключенія. У него замѣтны слѣды матерьяльнаго воззрѣнія на производительность труда: les dépenses d'Etat, n'étant que les frais générales de la société sont d'ordre essentiellement *secondaire* et doivent marcher après les dépenses d'ordre *économique* (?!) (p. 67, 68). Вообще у него много колебаній, да и отъ своихъ основныхъ положеній (Théorie de l'impôt. 1861 г.), которыя приравниваютъ государственную дѣятельность къ другимъ отраслямъ народнаго хозяйства и которыя, по его-же словамъ, одни могутъ вывести изъ лабиринта

противорѣчій, онъ отказывается въ своемъ болѣе позднемъ сочиненіи: Principe fédératif. 1863. Критикъ по преимуществу, онъ при разрушеніи не щадилъ и своихъ созданій). Первое и второе касаются различія капитала и дохода, которые оба вмѣстѣ составляютъ валовой продуктъ производства (чтобы не отвлекаться отъ предмета, я не буду входить въ разграниченія понятій потребленія, дохода, производства и капитала, неточнаго, сбивчиваго, но въ которомъ сквозитъ лучъ истины); 3-е говоритъ о различіи въ доходѣ частей необходимой и излишка. Наконецъ, 4-е совѣтуетъ не обращать въ бѣгство богатства, которыя налогъ поражаетъ; поэтому онъ долженъ быть тѣмъ умѣреннѣе, чѣмъ болѣе способенъ къ ускользанію (fugitif) поражаемый источникъ дохода; на этомъ основано болѣе сильное обложеніе поземельной и недвижимой собственности сравнительно съ капиталами. Вотъ эти правила и должны служить основаніемъ при оцѣнкѣ различныхъ налоговъ, хотя они все-таки и не опредѣляютъ точно matière imposable и не указываютъ средствъ уловить доходъ. Но какъ-же уловить? Разрѣшеніе этого вопроса приводитъ къ критикѣ единаго налога, о которомъ Сисмонди думаетъ, что если-бы даже онъ былъ осуществимъ, онъ принесъ бы гораздо меньше средствъ государству и повлекъ бы за собою гораздо больше страданій, чѣмъ вся разнообразная, безпорядочная вереница существующихъ налоговъ. Въ самомъ дѣлѣ, налогъ можетъ уловить доходъ въ два момента: a) когда доходъ раждается изъ производства, когда его получаютъ, и b) когда человѣкъ его тратитъ, обращаетъ на потребленіе. Оба способа въ сущности одинаковы. Посмотримъ на ихъ годность. Положимъ, что мы желаемъ наложить $^1/_{10}$ на всѣ доходы, получаемые членами общества. Въ состояніи ли мы уловить всѣ доходы? Самый видимый доходъ — доходъ поземельнаго собственника; за нимъ слѣдуетъ доходъ съ постояннаго капитала — съ машинъ, заводовъ, зданій и т. д. Подходя къ оборотнымъ

капиталамъ, мы находимъ, что доходы съ нихъ раздѣляются на двѣ части — проценты и прибыль. Процентъ имѣетъ одинакую, твердо установившуюся норму; слѣдовательно, его можно бы обложить. Но переходъ капиталовъ — дѣло невидимое; стремленіе государства уловить эти переходы будетъ парализоваться различными хитростями, обманами со стороны частныхъ лицъ, наконецъ выселеніемъ капиталовъ изъ страны. Но еще труднѣе обложить прибыли, которыя постоянно колеблются, которыхъ иногда можетъ и не быть вовсе; узнаніе прибыли во что бы то ни стало повело бы къ разоблаченію всѣхъ коммерческихъ дѣлъ, что равнялось бы убійству торговли. Наконецъ, въ градаціи доходовъ мы переходимъ къ послѣднему—рабочей платѣ, которая часто является не въ чистомъ видѣ, а смѣшивается съ другими формами дохода. Какъ-же узнать этотъ доходъ, который, напримѣръ, во Франціи доставляетъ содержаніе $^5/_6$ населенія? Какія страданія причинилъ бы онъ для рабочихъ? Какая бы была конфискація таланта и трудолюбія? И такъ, прямо можно обложить только доходы съ земель и постоянныхъ капиталовъ; всѣ же остальныя формы ускользаютъ отъ государства. Отсюда ясна нелѣпость единаго налога, пропорціональнаго доходу.

Обратимся же ко второму способу — къ единому налогу на затрату, т. е. обложенію всѣхъ товаровъ, на покупку которыхъ употребляются доходы. Можетъ быть, онъ будетъ удобнѣе: онъ не влечетъ за собою ненавистной инквизиціи, ставитъ каждаго податнаго въ какія-то свободныя отношенія къ налогу, не поражаетъ трудъ, взимается въ удобное время и удобнымъ образомъ. Но чтобы сдѣлать этотъ налогъ пропорціональнымъ, чтобы всякій доходъ дѣйствительно платилъ $^1/_{10}$, должны быть непремѣнно соблюдены, по мнѣнію Сисмонди, слѣдующія условія: 1) каждый гражданинъ долженъ платить $^1/_{10}$ съ расходовъ на жилье; изъ желанія избѣжать инквизиціоннаго харак-

тера этого налога вытекли гадательные способы обложенія — налоги на окна и двери, на камины. 2) Каждый человѣкъ долженъ отдѣлить $^1/_{10}$ со всего, что онъ расходуетъ на рабочую плату своимъ слугамъ и вообще непроизводительнымъ рабочимъ, потому что онъ покупаетъ этою цѣною нематеріальные продукты; и слѣдовательно не будетъ двойнаго налога, если эти рабочіе въ свою очередь отдѣлятъ $^1/_{10}$ часть изъ своихъ вознагражденій. 3) Должны быть обложены всѣ предметы потребленія, которые и не считаются товарами; такъ — лошади, экипажи — вообще предметы роскоши и искусства. 4) Всякій предметъ потребленія, всякій товаръ долженъ быть обложенъ; если это иностранный, его можно обложить при ввозѣ въ страну; но если онъ — внутренняго приготовленія, то приходится вмѣшиваться во всѣ переходы собственности, стѣснять обращеніе. Но что-же сказать объ обложеніи предметовъ домашняго производства? И такъ, всякій предметъ потребленія долженъ быть обложенъ одинакимъ образомъ. Что-же выйдетъ? Гражданинъ не проведетъ ни одного часа безъ того, чтобы не находиться подъ надзоромъ сборщика налога. Слѣдовательно, и этотъ единый налогъ не годится. Поэтому-то государство и должно прибѣгнуть къ разнообразнымъ налогамъ, чтобы по возможности обложить всѣ доходы, употребляя для этого различныя средства, смотря по тому, какъ обнаруживаются доходы, какъ ихъ можно обложить удобнымъ для плательщика образомъ. Разумѣется, при такомъ обложеніи нельзя достигнуть *пропорціональнаго равенства*, котораго требуетъ справедливость; но все-таки это лучшее изъ золъ, потому что иначе граждане должны бы были отдавать фиску о своихъ доходахъ такой точный отчетъ, какого они даже для себя не въ состояніи сдѣлать. Вотъ при такомъ *слѣпомъ обложеніи* то доходовъ, то расходовъ, государство и должно руководствоваться изложенными правилами и максимами А. Смита, чтобы не увеличивать еще болѣе зла — непро-

порціональности. Послѣ этого общаго введенія, Сисмонди приступаетъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ налоговъ на доходы и расходы.

Первый налогъ — *налогъ на землю:* есть два способа взиманія налога: десятина, натуральный, падаетъ на валовой продуктъ почвы, и поземельный налогъ (contribution foncière), денежный, падаетъ на чистый доходъ собственника. Десятина взимается во время изобилія, беретъ долю пропорціональную жатвѣ, поэтому имѣетъ за собою, повидимому, свойство равенства. Натуральное взиманіе требуетъ, правда, большаго количества агентовъ и устройства магазиновъ; но все-таки оно очень просто, и удобно можетъ быть отдано на-откупъ, при чемъ, отсрочивъ нѣсколько взносъ, государство могло бы покрыть всѣ издержки взиманія. Въ-силу этихъ удобствъ десятина была защищаема многими политиками, въ-особенности же духовенствомъ, въ пользу котораго она была установлена и которое считало ее — основанною на божественныхъ законахъ. За-то тѣмъ съ большею горечью она была оспариваема противниками духовенства. Но почти во всѣхъ странахъ Европы десятина была установлена и раздѣлялась на большую и малую. Если она удобна для обложенія плодовъ, сборъ которыхъ, можно сказать, внезапный, то она въ высшей степени стѣснительна тамъ, гдѣ плоды собираются постепенно, напр. плоды животнаго царства, фрукты садовъ, продукты овощнаго, молочнаго хозяйства и т. д. Вообще если-бы десятина была установлена въ пользу государства, то она собиралась бы съ большою легкостью, не причиняла бы неудовольствій; хотя эти удобства и болѣе, чѣмъ уравновѣшиваются дѣйствительнымъ неравенствомъ этаго налога и стѣсненіями, которыя онъ налагаетъ на производство. Налогъ этотъ не равенъ, потому что онъ не обращаетъ вниманія на различіе худыхъ и хорошихъ земель, хорошей и худой жатвы; а между тѣмъ, составляя одинакую часть валоваго продукта,

онъ можетъ находиться въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ чистому, и можетъ даже иногда поражать капиталъ. Десятина вредна для всего народнаго хозяйства, потому что уменьшаетъ количество валоваго продукта; фермеръ старается получить какъ можно больше чистой прибыли, не увеличивая общей суммы производства, которая поражается налогомъ. Что касается окончательнаго паденія этого налога, то, внесенный сначала фермеромъ, онъ постепенно переносится имъ, по мнѣнію Сисмонди, на поденщика, плату котораго онъ уменьшаетъ, на потребителя, для котораго онъ дѣлаетъ болѣе дорогими средства жизни, наконецъ на землевладѣльца, который, получая монопольную плату (?) за свою землю, долженъ уменьшить эту наемную плату, съ уменьшеніемъ выгодъ, доставляемыхъ монополіей; часть, которую несетъ каждый изъ этихъ лицъ, неравна и едва-ли можетъ быть напередъ предвидѣна.

Такъ называемый поземельный налогъ (денежный) имѣетъ въ виду дать государству участіе въ чистомъ доходѣ землевладѣльца, хотя и вносится фермеромъ, который потомъ вычитаетъ его изъ ренты, платимой собственнику. Если налогъ основанъ на низменной оцѣнкѣ (кадастрѣ, или какомъ-нибудь другомъ способѣ), онъ взимается очень легко и не поражаетъ расширенія обработки и улучшеній, которыя желаетъ предпринять фермеръ. Но фермеры часто бываютъ принуждены платить этотъ налогъ въ такое время, когда денегъ нѣтъ и когда пріобрѣсти ихъ значитъ потерпѣть убытки, т. е. продать продукты при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ; на этомъ соображеніи основана отсрочка платежа. Но оцѣнка, сдѣланная разъ, при всей ея справедливости и точности, скоро дѣлается несправедливою и требуетъ исправленія. А между тѣмъ прежняя поземельная подать уже такъ вошла въ привычку, что фермеръ представляетъ себѣ, какъ будто онъ платитъ ренту двумъ господамъ — собственнику и фиску; поэтому введеніе но-

вой оцѣнки будетъ равно новому налогу, который поразитъ капиталъ и будетъ невыносимъ, потому что, по мнѣнію Сисмонди, упадетъ одинаково на разные участки. И такъ, неравенство не можетъ быть исцѣлено общею мѣрою. Государство должно щадить необходимый доходъ, который дѣлаетъ собственника рачительнымъ къ своему добру; поэтому оно должно возстановлять равенство осторожно, посредствомъ частныхъ скидокъ (dégrèvements partiels). Въ заключеніе Сисмонди высказываетъ мысль, что въ настоящее время землевладѣльцы уже очень обременены налогомъ, потому что кромѣ поземельнаго они несутъ еще налоги на обращеніе и на потребленіе. Такимъ образомъ они сильно обложены сравнительно съ капиталистами, которыхъ и не пытались облагать во многихъ странахъ, потому что это повлекло бы за собою ненавистные розыски. Если мы и встрѣчаемъ такіе налоги въ маленькихъ торговыхъ республикахъ среднихъ вѣковъ, то это объясняется замѣчательнымъ патріотизмомъ гражданъ, умѣренностью налога, оцѣнкою его по добровольному объявленію несущаго налогъ и часто даже оставленіемъ въ-тайнѣ показаній людей о своихъ доходахъ. — Въ большихъ государствахъ нашего времени есть много капиталистовъ, которые самымъ прямымъ образомъ пользуются отъ государства и которыхъ было бы очень удобно обложить налогомъ; это — владѣльцы государственныхъ фондовъ. Но въ этомъ случаѣ очень трудно рѣшить, гдѣ оканчивается налогъ и гдѣ начинается банкротство. Сисмонди думаетъ, что въ государствѣ, гдѣ право гражданина не есть только звукъ пустой (un vain titre), нельзя такъ безцеремонно налагать контрибуцію на ренты; но онъ находитъ возможнымъ предложить редукцію рентъ желающимъ пріобрѣсть въ-замѣнъ политическія права. Другое средство уловить доходы съ капиталовъ — патентъ — онъ признаетъ неравнымъ налогомъ, потому что онъ берется за одну возможность получить доходъ, которая можетъ и не осуществиться; негодится

и такъ-называемый droit proportionnel, основанный на платѣ за помѣщеніе. И такъ, доходы, вытекающіе изъ капиталовъ, изъ промышленности и торговли, только очень слабо обложены посредствомъ прямыхъ налоговъ; облагать же послѣ этого прямымъ налогомъ рабочую плату было бы величайшею несправедливостью.

Почти всѣ законодательства облагаютъ довольно сильно наслѣдство, продажу, вообще переходъ собственности; удобство взиманія, точность обложенія, большая сумма, которая доставляется почти незамѣтно, заставляютъ иногда забывать о томъ, что эти налоги падаютъ на капиталъ, на производительные фонды. Но обложеніе займовъ и тяжбъ не можетъ быть, по мнѣнію Сисмонди, объяснено никакимъ заслуживающимъ уваженіе обстоятельствомъ, потому что оно принимаетъ за признакъ богатства явные симптомы бѣдности и стѣсненія. И такъ, несмотря на изобрѣтательность финансистовъ, имъ не удалось обложить прямымъ путемъ большую часть доходовъ, и это заставило ихъ обратиться къ обложенію издержекъ. Но и здѣсь фискальная ловкость съумѣла создать только четыре рода налоговъ — gabelle (когда фискъ присвоиваетъ себѣ монополію на производство или на продажу какого-нибудь продукта — соль, табакъ), la douane, l'accise et l'octroi. Ясно, что всѣ издержки богатыхъ людей, которыя нельзя поставить въ эти рубрики, не платятъ никакого налога; всѣ продукты, потребляемые въ селахъ, исключая соли и табаку, всѣ товары домашняго приготовленія ускользаютъ отъ налога, всю тяжесть котораго несетъ самый бѣдный человѣкъ — поденщикъ, городской рабочій. Поэтому, на предложеніе замѣнить всѣ налоги государства налогами на потребленіе должно смотрѣть, какъ на возвращеніе стараго порядка, когда благородные не платили ничего и все обрушивалось на бѣднаго виллана; а между тѣмъ думали же нѣкоторые замѣнить всѣ налоги *единымъ налогомъ на*

хлѣбъ. Косвенные налоги приносятъ бѣдныхъ въ жертву богатымъ, и тогда только и могутъ быть терпимы, если они уравновѣшиваются другими налогами, основанными на иныхъ принципахъ и падающихъ цѣликомъ на богатыхъ. Величайшее неудобство косвенныхъ налоговъ состоитъ въ томъ, что неизвѣстно напередъ, на кого они упадутъ — на потребителя вслѣдствіе возвышенія цѣнъ, или на производителя вслѣдствіе уменьшенія спроса, а паденіе на производителя равно конфискаціи капитала. Если же налоги возвышаютъ цѣны товаровъ, они уменьшаютъ для рабочихъ возможность наслажденія, усиливаютъ борьбу между рабочими и предпринимателями; если результатомъ ея будетъ возвышеніе рабочей платы и поднятіе цѣнъ, то это произведетъ страшный хаосъ въ хозяйствѣ. Сисмонди возстаетъ противъ предложенія Рикардо о налогѣ на земледѣльческіе продукты, потому что онъ повлечетъ за собою большія несчастія.

Перемѣна въ назначеніи капитала, на которую Рикардо смотритъ такъ легко, совершается не иначе, какъ посредствомъ банкротствъ и страданій; рабочій же покидаетъ свою профессію только тогда, когда уже умираетъ съ голоду. Разумѣется, равновѣсіе должно возстановиться когда-нибудь, потому что иначе пришлось бы перемереть всей націи, но банкротства предпринимателей, страшная смертность рабочихъ — слишкомъ большія жертвы для достиженія этого будущаго равновѣсія. Рикардо говоритъ, что рабочая плата не можетъ долго держаться ниже своей естественной величины и что рабочіе не могутъ долго платить какой-нибудь налогъ, но онъ забываетъ прибавить: «parce qu'une épidémie effroyable en fait alors périr une partie, et envoie le reste languir dans les hôpitaux» (p. 222. t. II).

Установленіе косвенныхъ налоговъ создало цѣлую армію чиновниковъ, которые самымъ безцеремоннымъ образомъ нару-

шаютъ свободу промышленности, которые враждебны народу; оно пріучило людей хитрить съ закономъ, нарушать правду, и чѣмъ многочисленнѣе и тяжелѣе становились налоги, тѣмъ болѣе увеличивалась безнравственность народа.—Государства не ограничивались обложеніемъ дохода и расхода. Они набрасывались на каждый актъ человѣческой жизни, который могъ представиться предлогомъ для требованія извѣстной суммы. «Они установляли поголовную подать (capitation), поощряли самыя опасныя игры (лоттереи), пользовались самыми вредными пороками, продавали привилегіи, изъятія, титулы, судебныя и административныя должности. Но безполезно входить въ этотъ мрачный лабиринтъ; выставленные принципы даютъ возможность оцѣнить по достоинству всѣ эти произвольные, губительные налоги».

Вотъ мысли Сисмонди о налогахъ. Онѣ запечатлѣны тѣмъ-же духомъ, который проникаетъ собою и все остальное изложеніе его. Стоя на совершенно другой почвѣ, Сисмонди, разумѣется, не можетъ соглашаться съ Рикардо на-счетъ причинъ бѣдствій, которыя гложутъ современное человѣчество. Основная цѣль всего хозяйства—удовлетвореніе человѣческихъ нуждъ; богатство, представляющее средство для этого удовлетворенія, создается человѣчествомъ сообща, посредствомъ обмѣновъ (par des échanges), въ обществѣ, т. е. при извѣстной политической организаціи, распредѣляющей между людьми трудъ и результаты труда. Слѣдовательно, если богатство не удовлетворяетъ нуждамъ всѣхъ, то, значитъ, виновато общество, виновата организація хозяйства, которая должна обезпечить каждому возможность пріобрѣтать все своимъ трудомъ (Nos institutions rendent toute nouvelle découverte dans les arts pernicieuse en diminuant à l'ouvrier le salaire et en augmentant le travail, p. 318. t. II; p. 349, 394—402. t. I). Отсюда — государство, являясь причиною зла, должно и искупить его; поэтому «la science du gouvernement est la théorie

la plus sublime de la bienfaisance». Ясно, что если такова задача государства, если естественное развитіе производства ведетъ къ рѣзкимъ неравенствамъ, если государство должно сглаживать эти неравенства, давать *всѣмъ* благосостояніе, счастье, хотя-бы и *въ ущербъ* производству, если законодателю предоставляется овладѣть обоими элементами благосостоянія — богатствомъ и населеніемъ — и соразмѣрять ихъ такъ, чтобы выходила наибольшая сумма счастья, — ясно, что отсюда недалекъ переходъ къ соціализму, несмотря и на оговорки Сисмонди, что не уравненіе всѣхъ составляетъ цѣль государственной дѣятельности, а счастье во всѣхъ положеніяхъ. Какъ же достигнуть и единичнаго развитія, и общаго благосостоянія? Могутъ ли они ужиться одно съ другимъ и какія имѣются средства для соблюденія равновѣсія, колебанія котораго будутъ тяжело отзываться на общественномъ организмѣ? Какъ же рѣшается вопросъ о бѣдности? Всѣ страданія вытекаютъ изъ пониженія рабочей платы вслѣдствіе постоянныхъ вычетовъ предпринимателей у рабочихъ, которые находятся въ безвыходномъ положеніи, потому что имѣютъ единственный источникъ дохода, — свою трудовую силу, а слѣдовательно и находятся въ полной зависимости отъ покупщиковъ. Но государство, допуская положеніе, въ которомъ бы одинъ работалъ, а другой заставлялъ работать, покупалъ работу, въ которомъ бы одинъ (даже многіе) трудились для того только, чтобы другой могъ жить въ праздности и даже роскоши, государство, допуская подобное положеніе дѣлъ, не должно, по мнѣнію Сисмонди, терпѣть страданій этихъ работниковъ, потому что страданія идутъ въразрѣзъ съ его основною задачею, съ разумнымъ основаніемъ всякаго общественнаго порядка. Если отъ государства зависитъ допустить такое положеніе, отъ него зависитъ и создать ограниченія, которыя позволили бы извлечь изъ данной формы одно добро, отбросивши зло. Старинные хозяева и господа зна-

ли очень хорошо, что они сами должны содержать своихъ рабовъ и крѣпостныхъ. При настоящемъ порядкѣ вещей, при безграничной конкурренціи, интересы капиталистовъ, предпринимателей состоятъ въ томъ, чтобы какъ-можно болѣе понижать рабочую плату, а изъ этого пониженія и выходятъ всѣ несчастія. Поэтому надо повернуть въ другую сторону личный интересъ, надо создать такія условія, при которыхъ капиталистамъ и предпринимателямъ было бы невыгодно понижать рабочую плату (низкій уровень которой деградируетъ рабочаго), другими словами, надо создать взаимную застраховку рабочихъ и предпринимателей въ каждомъ промыслѣ, раздѣлить l'industrie des champs et des villes на большое число *независимыхъ мастерскихъ* съ небольшими капиталами, не состоящихъ подъ командою какого-нибудь главы, но свободныхъ, — способствовать выработкѣ солидарности, *ассоціаціи* между людьми, которые совокупными усиліями производятъ продуктъ,— т. е. *между рабочими и капиталистами*. Провозглашая этотъ принципъ, какъ требованіе справедливости и гуманности, Сисмонди однакожъ отказывается указать на практическій путь для его осуществленія, для возстановленія правды между рабочими и хозяиномъ, «правды, налагающей на втораго отвѣтственность за зло, которое онъ причиняетъ первымъ». Вопросъ въ высшей степени трудный: «il me semble presque au-dessus des forces humaines de concevoir un état de propriété absolument différent de celui que nous fait connaître l'expérience» (p. 364. t. II). (Ср. въ этомъ отношеніи *Милля*, «Основанія политической экономіи». Кн. II. 1-я гл., стр. 245 — 263. Также *Lange*. Ibid. II Кар. стр. 57—109). Отдавая должную дань уваженія соціалистамъ (Owen) за ихъ чистыя намѣренія, за безкорыстную любовь къ ближнимъ, онъ признаетъ, что филантропическое рвеніе было развито у нихъ на-счетъ знанія человѣческаго сердца, знанія жизни, опыта, и отказываетъ ихъ планамъ въ

осуществимости. Только постепенныя и косвенныя мѣры законодательства, направленныя на раздробленіе собственности, а не на ея скопленіе, на поощреніе мелкихъ воздѣлывателей земли и городскихъ рабочихъ, могутъ, пожалуй, привести къ установленію солидарности между хозяевами и рабочими, къ примиренію ихъ крайне противоположныхъ при современномъ порядкѣ интересовъ (Ср. *Kautz.* S. 589, 592—593). Вотъ послѣдній осторожный (?) выводъ Сисмонди, предоставляющій все въ руки законодательства, государства, какъ органа общественнаго блага, общественныхъ интересовъ, которые должны умѣрять и объединять дѣйствіе частныхъ. Но едва-ли можно признать такое значеніе за государствомъ, которое все-таки есть только органъ интересовъ и желаній господствующихъ, правящихъ классовъ общества, первое дѣло котораго закрѣпить выгоды этихъ классовъ и устранять всякое посягательство на нихъ, которое слѣдовательно если и предпринимаетъ что-нибудь для ограниченія этихъ выгодъ, то развѣ только уступая напору обстоятельствъ и выбирая изъ двухъ золъ лучшее. (Разумѣется, все здѣсь зависитъ отъ такого или инаго пониманія своихъ интересовъ различными классами общества). Не соглашаясь съ этимъ взглядомъ Сисмонди, должно отдать полное и безпредѣльное уваженіе этому высоко даровитому человѣку за его многія блестящія, глубокія и плодотворныя мысли, за его возвышенную гуманность, за настойчивость, съ какою онъ всюду указываетъ, что существуютъ еще интересы высшаго порядка, существуетъ справедливость, которая должна царить въ общественныхъ отношеніяхъ, для осуществленія которой онъ призываетъ государство (государство должно à se servir des lumières des tous, comme des forces des tous; la justice est une expression de ces lumières, l'économie politique est une autre). Основная точка зрѣнія переиѣняетъ все дѣло. Счастье, благосостояніе всѣхъ — вотъ цѣль, вотъ единственное raison

d'être всякой хозяйственной и общественой организаціи; отсюда уже ясно вытекаетъ критическое отношеніе къ дѣйствительности, и за это критическое отношеніе истинная наука глубоко обязана Сисмонди. Въ этомъ и его главная заслуга—доказать полно, практически, что faire reposer toute l'économie politique sur le principe d'une concurrence sans bornes, c'est autoriser les efforts de chacun contre la société, et sacrifier l'intérêt de l'humanité à l'action simultanée de toutes les cupidités individuelles» (p. 368. t. II). (Дѣйствительно, къ нему могутъ быть приложены слова Kautz-a, сказанныя о цѣлой группѣ писателей: «die Beweggründe ihrer Forschungen, das Ziel ihrer Exhortationen und das aufmerksame Studium der socialen Zustände, sowie die Kritik der gegnerischen Leistungen, das Beste ist von dem, was sie (die Schule) geleistet, während die positiven Bestandtheile ihrer Doctrin, welche sich eigentlich auf die Mittel zur Erreichung der gewollten Verbesserungen beziehen — als entschieden schwächer und minder bedeutsamer bezeichnet werden müssen». *Kautz.* S. 585).—Мысли его о налогѣ имѣютъ отрицательное значеніе. Отчетливо рѣшивши вопросъ, чѣмъ долженъ быть налогъ въ идеѣ, онъ занимается опроверженіемъ плановъ единаго налога въ виду разнообразныхъ явленій дѣйствительной жизни, показываетъ, что при настоящемъ порядкѣ вещей не можетъ быть достигнута прогрессивная пропорціональность, которую одну онъ признаетъ истиннымъ масштабомъ распредѣленія налоговъ, настаиваетъ на неприкосновенности необходимаго (strict nécessaire, Existenzminimum новыхъ ученыхъ. *Umpfenbach,* Finanzwiss. I. Thl. 121—130), требуетъ пощады капитала (сюда-же capital vivant), но все же онъ идетъ не далеко, не сводитъ всѣхъ налоговъ къ одному знаменателю, не анализируетъ ихъ совокупнаго дѣйствія.

Что касается взгляда Сисмонди на государственные займы, то въ этомъ вопросѣ онъ почти во всемъ сходится съ авто-

рами, мнѣнія которыхъ изложены выше. Онъ требуетъ отъ государства экономіи, бережливости, потому-что каждый налогъ приноситъ съ собою новыя неудобства, новыя стѣсненія, новое увеличеніе непропорціональности. (Бережливость сильнѣе развита въ республикахъ, аристократическихъ и демократическихъ, чѣмъ въ конституціонныхъ монархіяхъ). Отсюда понятно, почему Сисмонди признаетъ займы печальнымъ изобрѣтеніемъ: они даютъ государству возможность стягивать огромныя суммы и растрачивать ихъ на безполезныя войны, которыя тѣмъ легче затѣваются, чѣмъ больше есть средствъ для осуществленія затѣй. За-тѣмъ Сисмонди опровергаетъ мнѣніе (многихъ извѣстныхъ государственныхъ людей), по которому публичные фонды считаются національнымъ богатствомъ, капиталомъ, которымъ нація можетъ располагать. По его мнѣнію, публичные фонды— только знаки, долговыя росписки, въ силу которыхъ дается право участія въ доходѣ, имѣющемъ получиться изъ труда и промышленности народа; всѣ же долги, какъ публичные, такъ и частные, не прибавляютъ ничего къ народному богатству. Переходя къ формамъ долга, онъ отдаетъ преимущество пожизненнымъ рентамъ, потому что онѣ заставляютъ очищать долгъ то-же поколѣніе, которое *пользовалось* и затратами его (?!), но возстаетъ противъ мысли «улучшить систему займовъ посредствомъ перенесенія ихъ тяжести на потомство, стараясь впрочемъ умѣрять эту тяжесть чисто воображаемымъ лѣкарствомъ въ видѣ фонда погашенія». А между тѣмъ это постоянное наслоеніе долговъ увеличиваетъ налоги, изъ которыхъ платятся проценты, до такой степени, что они начинаютъ поражать необходимое, производятъ стѣсненія и несчастія. При такихъ обстоятельствахъ скоро должна прійдти пора, когда остается одно средство спасенія,— страшное банкротство становится неизбѣжнымъ, извѣстная часть населенія должна принести тяжелыя жертвы. И здѣсь Сисмонди вдается въ предположенія о

какомъ-то мистическо-провиденціальномъ назначеніи разныхъ несчастій. Онъ думаетъ, что, можетъ быть, эти несчастія оказываютъ такую-же услугу человѣческимъ обществамъ, какую исполняютъ для внѣшней природы молніи, грады, бури, ураганы, которые очищаютъ воздухъ; значеніе банкротствъ — возстановить порядокъ въ хозяйствѣ, нарушенный болѣе быстрымъ возрастаніемъ капитала, чѣмъ — требованія на трудъ, который онъ можетъ привести въ движеніе; можетъ быть, это разрушеніе богатствъ, откуда-бы оно ни происходило (напр. и отъ кризисовъ), необходимо для того, чтобы водворить тройное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, между капиталомъ и требуемымъ трудомъ, между капиталами и доходами, которые должны изъ нихъ возродиться. «Но все-же человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ направлять свои усилія для произведенія этихъ печальныхъ явленій, хотя-бы въ перспективѣ и можно было ожидать отъ нихъ отдаленныхъ благодѣтельныхъ послѣдствій».

V.

Мнѣ остается разсмотрѣть мысли писателя, творенія котораго экономическія, философскія и политическія пользуются громадною извѣстностью въ Россіи. *Д. С. Милль*, можно сказать, послѣдній замѣчательный представитель смитовской школы, и въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи съ нѣкоторыми ихъ примѣненіями къ общественной философіи» (Переводъ *Пыпина*, 2 тома) онъ располагаетъ болѣе научнымъ образомъ, пополняетъ новыми выводами и замѣчаніями положенія своихъ великихъ предшественниковъ — Смита, Мальтуса и Рикардо. Мы уже имѣли случай видѣть у него сбивчивое пониманіе вопроса о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, вопроса, рѣшеніе котораго имѣетъ важное значеніе для такой или иной обработки финансовой науки. Знаемъ, что онъ отказываетъ этому разграниченію труда въ важномъ значеніи, и если и останавливается на немъ, то развѣ для того только, чтобы сохранить рубрику основателя политической экономіи и показать, какой расширенный смыслъ можно придать ей въ настоящее время. Для насъ довольно, что, разсматривая различные виды *косвеннаго труда*, который содѣйствуетъ производству и долженъ быть оплаченъ изъ продукта, Милль ставитъ между

ними необходимыя, особыя мѣры, принимаемыя для того, чтобы ходъ хозяйства *не прерывался* помѣхами и чтобы продукты не портились отъ разрушительныхъ силъ природы или отъ человѣческаго насилія и хищничества; это — трудъ, содѣйствующій производству, употребляемый на его охраненіе (Knies называетъ это — die latente Production). Сюда принадлежитъ трудъ на сооруженіе различныхъ промышленныхъ построекъ, трудъ человѣка, копающаго канавы, дѣлающаго изгороди и т. д., трудъ пастуха, трудъ солдата, полицейскаго стража и судьи. Эти послѣдніе агенты общества въ странѣ, имѣющей сколько-нибудь порядочное управленіе, оказываютъ операціямъ производства услуги, значительно превышающія издержки на ихъ содержаніе; но жалованье ихъ не составляетъ части издержекъ производства каждаго отдѣльнаго производителя (мы видѣли причину, которую приводитъ Сисмонди), а уплачиваются изъ налоговъ, и слѣдовательно составляютъ часть издержекъ производства для всего общества, и если-бы, прибавляетъ Милль, общество было не въ состояніи содержать ихъ, производство было бы *невозможно*, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ теперь. Такимъ образомъ содержаніе труда охранительнаго составляетъ неотложную необходимость для общества; все дѣло въ томъ, какимъ образомъ отправлять этотъ трудъ. И Милль рѣшаетъ, что при нынѣшнемъ устройствѣ, т. е. при отправленіи этого труда правительствомъ, а не каждымъ отдѣльнымъ производителемъ или особыми наемными людьми, продуктъ платитъ свою долю *на охраненіе* и получаетъ его (т. е. охраненіе) *въ болѣе удовлетворительномъ качествѣ* и *съ гораздо меньшими* издержками, не смотря даже на растраты и расточительность, которымъ подвержены правительственные расходы (Т I, стр. 48—49), т. е. другими словами — являясь отдѣльнымъ производителемъ, правительство удовлетворяетъ общему началу хозяйственности. — Вотъ какъ опредѣляетъ Милль общее положеніе дѣятельности государства

и ея оплаты или налога въ производствѣ. Спеціальное разсмотрѣніе налога составляетъ у него часть болѣе обширнаго предмета «о вліяніи правительства». Я не буду останавливаться на вопросѣ о границахъ правительственной дѣятельности, которому, по совершенно понятной причинѣ, Милль даетъ такое общее, измѣняющееся смотря по мѣстнымъ условіямъ, рѣшеніе: «для безспорныхъ обязанностей правительства едва-ли можно найдти какое-нибудь общее основаніе, кромѣ многообъемлющаго основанія, которое есть всеобщая выгода, общее удобство» (стр. 324, 325, Т. II). Одною изъ такихъ безспорныхъ обязанностей онъ признаетъ средства, принимаемыя правительствомъ для собиранія дохода, необходимаго для его существованія, т. е. *систему налоговъ*. Изъ предыдущаго уже такъ ясно очерчивается значеніе налога, что Милль не даетъ никакого особаго опредѣленія, но начинаетъ свое изложеніе съ приведенія классическихъ правилъ А. Смита, изъ которыхъ только первое о равенствѣ или пропорціональности нуждается въ объясненіи или въ обоснованіи на прочныхъ общихъ началахъ. О равенствѣ и спора быть не можетъ; все дѣло въ выводѣ изъ него пропорціональности. Равенство налога значитъ для Милля равенство *пожертвованій*, т. е. одинаковость стѣсненій и неудобствъ, которыя испытываетъ каждое лицо въ-слѣдствіе уплаты налога. Это требованіе справедливости и составляетъ идеалъ для обложенія, и по этому нѣтъ надобности придумывать какія-нибудь другія, болѣе или менѣе шаткія основанія, въ родѣ того напримѣръ, что кто имѣетъ больше собственности, тотъ нуждается и въ большей охранѣ, а слѣдовательно долженъ и больше платить. И такъ, общій принципъ, предъявляемый теоріею для осуществленія, есть равенство пожертвованій. («Истинно справедливое распредѣленіе, прибавляетъ Милль, состоитъ въ томъ, чтобы не повторять неравенствъ и несправедливостей природы, а по возможности исправлять ихъ»). Съ этимъ общимъ

положеніемъ онъ переходитъ къ рѣшенію частныхъ вопросовъ объ обложеніи различныхъ видовъ дохода, но прежде всего разсматриваетъ извѣстный своею жгучестью вопросъ о масштабѣ обложенія. Прогрессивный налогъ, имѣющій цѣлью исправить несправедливости пропорціональнаго, отклоняется другою, болѣе дѣйствительною, по мнѣнію Милля, поправкою — льготою въ пользу небольшихъ доходовъ, необходимыхъ для здоровой жизни и свободы отъ физическаго страданія; такой доходъ можетъ быть положенъ въ 50 ф. стерл. Для смягченія неравенствъ по богатству Милль также не признаетъ прогрессивный налогъ дѣйствительнымъ средствомъ, а предлагаетъ свое — обложеніе наслѣдственной суммы, къ которому съ пользою можетъ быть приложенъ принципъ прогрессивности, непризнаваемый справедливымъ въ приложеніи къ налогу вообще. (См. *Lange*, ibid. стр. 90—109).— Какимъ же образомъ начало пропорціональности должно быть прилагаемо къ обложенію различныхъ доходовъ? Нѣкоторые предлагали облагать налогомъ только такъ называемую реализованную собственность (fundirtes Vermögen), т. е. земли, фонды государственнаго долга, деньги отданныя на проценты, акціи и т. д. Милль не находитъ ничего безстыднѣе такой претензіи и сравниваетъ ее съ отказомъ нѣкоторыхъ американскихъ штатовъ отъ государственнаго долга, потому что такимъ путемъ главная часть богатства страны — доходы торговцевъ, фабрикантовъ, фермеровъ были бы изъяты отъ тягостей въ пользу общества, ниспосылающаго имъ большіе доходы. Мысль о такой мѣрѣ, равно-значительной конфискаціи извѣстнаго процента собственности, только и можно объяснить, какъ «отсадокъ смутности, вытекающей изъ недостатка твердыхъ принциповъ и отсутствія всякихъ признаковъ чувства справедливости въ обществѣ». Но впрочемъ съ финансовой точки зрѣнія есть основаніе для раздѣленія доходовъ — на доходы изъ реализованной собственности и на промышленные доходы, или

для болѣе широкаго дѣленія на вѣчные и пожизненные доходы. Вытекающее отсюда различіе обложенія утверждается не на ариѳметическихъ данныхъ, которыми старались подкрѣпить его, а на томъ психологическомъ основаніи, которое составляетъ для Милля коренной, центральный принципъ обложенія. Пожизненный (или временный) доходъ, состоящій въ жалованьи или доходѣ отъ какой-нибудь профессіи, не даетъ человѣку постояннаго обезпеченія ни для его старости, ни для семьи, и чтобы получить такое обезпеченіе, для него существуетъ одинъ путь—*сбереженіе*, въ которомъ совершенно не нуждается человѣкъ, пользующійся вѣчными доходами, и задача правительства—скорѣе поощрять шествіе по этому пути, чѣмъ затруднять его. И такъ часть, которая сберегается, должна быть освобождена отъ налога (*Umpfenbach*, «Steuerfreie Kapitalisirungsquote». S. 131-135). Вопросъ въ томъ, какъ опредѣлить эту часть. При добросовѣстности людей, можно было бы положиться на собственныя показанія; но лучше опредѣлить, соображаясь съ обстоятельствами страны, общую норму части, которую, по-видимому, долженъ сберегать человѣкъ; такою нормою можно признать $^1/_4$ пожизненнаго дохода. Притомъ же брать налогъ съ общей суммы пожизненнаго дохода и потомъ брать его съ сбереженія, которое непремѣнно будетъ куда-нибудь помѣщено, т. е. съ прибыли или съ процента, значитъ брать два раза съ одной и той-же суммы. Возражаютъ противъ поощренія, оказываемаго сбереженію, на томъ основаніи, что возбуждать скопленія капиталовъ значитъ усиливать власть ихъ надъ трудомъ. Но Милль думаетъ, что возрастаніе капитала (т. е. сбереженій, назначаемыхъ для производительнаго употребленія), величиною котораго, по его мнѣнію, всегда опредѣляется размѣръ производства (Рикардо), способствуетъ расширенію производства, усиленію спроса на рабочія руки, а слѣдовательно и возвышенію рабочей платы. «Если это значитъ покровительствовать богатымъ, то я уже

не знаю, какой способъ прямыхъ податей можетъ заслуживать названіе покровительствующаго бѣднымъ» (стр. 330).—Прибыль предпринимателя состоитъ изъ процентовъ на капиталъ, т. е. вѣчной части и вознагражденія за искусство и трудъ надзора, т. е. временной части. Эта послѣдняя часть имѣетъ право еще на большую льготу вслѣдствіе особенной невѣрности. Это—вознагражденіе хозяина предпріятія, который беретъ на свой *страхъ* его риски и впередъ выплачиваетъ издержки производства всѣмъ участникамъ; оно находится въ полной зависимости отъ цѣнъ продуктовъ, окупающихъ предпріятіе, и при постоянномъ колебаніи этихъ цѣнъ, которое происходитъ отъ хаотическаго состоянія хозяйства, и прибыль постоянно колеблется, можетъ падать до нуля и даже принимать отрицательную величину. По этимъ основаніямъ, вѣроятно, и требуется Миллемъ большая льгота въ пользу прибыли. И такъ, правило обложенія пожизненныхъ (временныхъ) доходовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: «человѣкъ долженъ платить налогъ не соразмѣрно тому, сколько имѣетъ, а соразмѣрно тому, сколько можетъ *расходовать*» (стр. 342, Т. II это невольно напоминаетъ налогъ на затрату, который такъ энергически поддерживаетъ *Pfeiffer*, «Die Staatseinnahmen». 2 B. 1866. Ср. IX Thl., стр. 538—555). Правда, нѣтъ возможности провести въ жизнь это правило со всею точностью, приимѣнить его къ самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ; но «трудность достигнуть совершенства справедливости, не служитъ причиною не оказывать справедливости, на сколько можно».

Дальнѣйшія модификаціи начало равенства или пропорціональности претерпѣваетъ при обложеніи ренты. Рента есть доходъ, имѣющій постоянную тенденцію увеличиваться безъ всякихъ усилій или пожертвованій со стороны владѣльца, подъ вліяніемъ естественнаго прогресса обогащающагося общества, увеличиваться и по абсолютной своей величинѣ, и по сравненію

съ общею суммою общественнаго богатства. Конфискуя этотъ доходъ или извѣстную часть его, другими словами, употребляя на пользу общества доходъ, создаваемый единственно самимъ же обществомъ, государство ничуть не нарушаетъ принципа собственности, т. е. права каждаго человѣка на то, что онъ пріобрѣлъ трудомъ своимъ, лишь-бы только оно (общество) оговорило напередъ, что оно оставляетъ за собою право брать сумму, требуемую финансовыми надобностями, изъ *натуральнаго* возрастанія ренты. Понятно, что должно различаться возрастаніе ренты отъ общаго прогресса страны и возрастаніе ея отъ искусства и расходовъ собственника; послѣднее составляетъ его неотъемлемую *собственность*. Такимъ образомъ вопросъ въ томъ, чтобы найдти признакъ разграниченія. (Рикардо выражается объ этомъ уклончиво. Макъ-Куллохъ прямо говоритъ, что нѣтъ возможности разбить доходъ, доставляемый воздѣлываніемъ земли, т. е. ренту въ общемъ смыслѣ, на составныя части и точно опредѣлить долю, причитающуюся на *чистый доходъ* почвы, и долю, доставляемую капиталами, вложенными въ улучшенія; отсюда явная несправедливость поземельнаго налога, составляющаго главное препятствіе для всякаго улучшенія. Онъ сомнѣвается, чтобы можно было выдумать что-либо, что находилось бы въ большемъ противорѣчіи съ здравыми понятіями, чѣмъ поземельный налогъ). Такой признакъ для Милля увеличеніе средней цѣны земледѣльческаго продукта, сравнительно съ которою рента увеличивается еще въ большей пропорціи; поэтому посредствомъ кадастра надо оцѣнить всѣ земли въ странѣ и оставить въ покоѣ въ пользу собственниковъ ту часть ренты, которую они уже имѣютъ; а по прошествіи извѣстнаго срока, когда населеніе и богатство страны возрастутъ, можно будетъ опредѣлить величину естественнаго нарастанія рентъ, нисколько не касаясь тѣхъ увеличеній дохода, которыя произошли отъ *затраты* капитала или отъ работы собствен-

ника надъ своею землею. Но государство не заявляло о такомъ своемъ правѣ: слѣдуетъ ли отсюда, что оно не можетъ заявить о немъ теперь? По-крайней-мѣрѣ государство никогда не завѣряло прямо, что поземельный доходъ будетъ платить налогъ не большій, какъ соразмѣрно съ другими доходами. Да собственникъ уже вполнѣ будетъ вознагражденъ за косвенное увѣреніе законодательства, если вся прибавка къ доходу, нараставшая въ теченіи долгаго періода только силою естественнаго закона, безъ всякаго труда и пожертвованія съ его стороны, будетъ оставлена изъятою отъ всякаго *особеннаго налога*. Право собственности на землю не подходитъ подъ общіе принципы собственности и представляется чистымъ произведеніемъ государства, вызваннымъ соображеніями о полезности установленія такого права. Если же государство въ настоящемъ случаѣ прямо творитъ, создаетъ право, а не подтверждаетъ только его (по мнѣнію нѣкоторыхъ, инстинктъ, вытекающій изъ строенія человѣка физіологическаго или психологическаго), то оно можетъ и установить ограниченія, на-сколько этого требуетъ общая польза, общее благо, можетъ даже уничтожить созданное право по той-же причинѣ. Все дѣло при этой реформировкѣ въ томъ, чтобы не задѣвались *дѣйствительныя* права, не производились потрясенія въ общественномъ организмѣ, вредно дѣйствующія на хозяйство. Регуляторомъ этой справедливости служитъ въ данномъ случаѣ *средняя цѣна земли;* какъ-скоро она не понижается, землевладѣльцы не потерпѣли никакого урона въ своихъ правахъ, хотя тоже сомнительныхъ, но по-крайней-мѣрѣ освященныхъ *давностью* (Ср. т. I, стр. 266 — 278). Наконецъ, Милль прибавляетъ, что справедливость требуетъ, чтобы не согласнымъ на налогъ была предлагаема рыночная цѣна земли (стр. 350, т. II). Вотъ на какихъ началахъ можетъ быть обложена *рента*. Изъ того значенія, которое придаетъ Милль рентѣ въ-слѣдъ за Рикардо, слѣдуетъ, что обложеніе

ея ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемо съ той-же точки зрѣнія, какъ и обложеніе всѣхъ другихъ доходовъ; это — не больше, какъ плата аренды въ пользу публики, общества, которое возстановляетъ свое старинное, неотъемлемое, но спавшее (qui dormiebat) право на земли и становится *совладѣльцемъ* поземельнаго собственника (communio). Поэтому самый налогъ не лежитъ бременемъ на послѣднемъ, какъ не лежитъ бременемъ на одномъ изъ совладѣльцевъ доля, принадлежащая другому (стр. 346, т. II). Слѣдовательно, налогъ на ренту не составляетъ члена въ общей системѣ налоговъ на доходъ; установленіе его не слагаетъ съ землевладѣльцевъ обязанности — нести пожертвованія на пользу общественности въ размѣрѣ, признанномъ нормою и для остальныхъ хозяйственныхъ категорій общества.

Вотъ какимъ оговоркамъ подвергается выставленное начало обложенія. Нѣкоторые настаиваютъ, чтобы налоги брались изъ дохода и ни въ какомъ случаѣ не трогали капитала. Но такое дѣйствіе налоговъ не столько зависитъ отъ способа обложенія, сколько отъ ихъ чрезмѣрности сравнительно съ положеніемъ страны; слѣдовательно это — вопросъ относительный и рѣшеніе его зависитъ отъ большаго или меньшаго развитія возможности и желанія накоплять. Пощадить во что бы то ни стало капиталъ нѣтъ никакой возможности, потому что все-таки можно предположить, что хоть какая-нибудь часть суммы, взятой налогомъ, была бы сбережена и обратилась бы въ капиталъ. Но, съ другой стороны, въ богатыхъ странахъ капиталъ такъ быстро возрастаетъ, что прибыль держится выше minimum-а только выселеніемъ капитала, да его періодическими уничтоженіями во время кризисовъ (Ср. Сисмонди); слѣдовательно налогъ имѣетъ въ этомъ случаѣ предупредительное значеніе. Съ этой точки зрѣнія и должно быть отвергнуто возраженіе противъ налога на наслѣдство, какъ налога на капиталъ, не

говоря уже о томъ, что если сборъ, даваемый этимъ налогомъ, употребить на уплату процентовъ государственнаго долга, то все дѣло будетъ только въ переходѣ суммъ изъ рукъ въ руки. — Вотъ общія соображенія Милля.

Переходя къ отдѣльнымъ налогамъ, онъ дѣлитъ ихъ на прямые и косвенные, на налоги съ лицъ и налоги на товары. Прямые налоги берутся съ дохода и расхода, хотя большая часть налоговъ на расходы — косвенные. Источники дохода — рента прибыль и рабочая плата; каждый изъ нихъ можетъ быть обложенъ отдѣльнымъ налогомъ, и всѣ они могутъ платить однообразный налогъ.

Налогъ на ренту весь падаетъ на землевладѣльца, потому что онъ не возвышаетъ цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, зависящей отъ худшихъ условій производства. Но есть опасность, что налогъ захватитъ не только ренту, но и прибыль, которая получается землевладѣльцемъ отъ улучшеній; слѣдовательно, налогъ можетъ препятствовать улучшеніямъ. Но не говоря уже о томъ, что улучшенія могутъ производиться и не землевладѣльцемъ, а фермеромъ, Милль признаетъ, какъ мы видѣли, средство отдѣлить натуральную ренту отъ посторонннихъ примѣсей. Да съ другой стороны, если-бы и была обложена прибыль, доставляемая земледѣліемъ, то этимъ достигли бы только того, что землевладѣльцы несли бы свою долю въ налогахъ, какъ несутъ ее другіе предприниматели (?).

Общій налогъ *на прибыль* окончательно ложится на лицо, съ котораго взимается, потому что отъ него нельзя увернуться перемѣною занятія, которое вознаградило бы за потери. Но уменьшеніе прибыли можетъ побуждать къ примѣненію изобрѣтеній къ дѣлу, т. е. къ пониженію цѣнъ, уменьшенію общей суммы рабочей платы (вѣрнѣе — уменьшенію стоимости труда, по терминологіи Милля), увеличенію прибыли. (Такимъ образомъ здѣсь происходитъ Abwälzung — сложеніе подати — ср.

Гокъ «Налоги и государственные долги», стр. 85—87). А такъ-какъ уменьшеніе прибыли, по мнѣнію Милля, есть признакъ стремленія общества къ неподвижному состоянію, то налогъ и будетъ имѣть тенденцію — скорѣе приближать общество къ этому неподвижному состоянію, въ которомъ налогъ во всякомъ случаѣ перенесется на рабочихъ и землевладѣльцевъ.

Налогъ на рабочую плату оказываетъ различное вліяніе, смотря по тому, берется ли онъ съ платы за обыкновенный (черный) трудъ, или съ вознагражденія за тѣ техническія или привилегированныя умственныя и физическія занятія, которыя изъяты изъ круга соперничества естественною или искусственною монополіею. Падая на второе, налогъ и оплачивается этими привилегированными работниками. Но если налогъ бьетъ обыкновенную рабочую плату, то онъ или понижаетъ ее до самой низшей нормы, на которой только она можетъ держаться, т. е. понижаетъ постоянный уровень привычекъ рабочаго класса, или, если норма рабочей платы и безъ того уже такъ низка, что еще урѣзать ее нѣтъ никакой возможности, налогъ понижаетъ прибыль, слѣдовательно дѣйствуетъ какъ спеціальный налогъ на прибыль, убыточный для народнаго богатства, потому что вызываетъ выселеніе или уничтоженіе капиталовъ, рессурсовъ страны (?).

Какъ я уже сказалъ, есть еще однообразный налогъ на всѣ отрасли дохода — это такъ называемый *подоходный налогъ*. Къ нему должны быть приложены высказанныя выше модификаціи начала равенства. Долженъ быть установленъ *minimum*, который слѣдуетъ освободить отъ налога; такой minimum можно положить въ 100 ф. ст., принимая во вниманіе тяжесть косвенныхъ налоговъ, лежащую на мелкихъ доходахъ. Отъ налога должны быть изъяты сбереженія; а если этого трудно достигнуть, то — облагать меньшимъ процентомъ пожизненные доходы и доходы отъ коммерческихъ дѣлъ и профессій. Но еще

остается одна трудность — что-же принять за основу обложенія, откуда узнать величину дохода? Единственное средство — собственное показаніе лица о своихъ доходахъ; но такое средство едва-ли надежно при настоящемъ низкомъ состояніи общественной нравственности и возможности сплутовать даже и при повѣркѣ счетовъ; поэтому налогъ, опирающійся на такой основѣ, рискуетъ повлечь самое печальное неравенство — между честнымъ и мошенникомъ, установляя премію въ пользу послѣдняго. Вотъ эти опасности и побуждаютъ употреблять этотъ налогъ только какъ экстренное средство для великихъ національныхъ надобностей, но отнюдь не какъ постоянный способъ обложенія дохода.

Налогъ на расходъ можетъ быть не только косвенный, но и прямой; таковъ именно налогъ на жилье. Въ наемной платѣ Милль, подобно Смиту, различаетъ ренту за землю и — за наемъ дома; налогъ падаетъ на смѣшанную ренту, между тѣмъ какъ дѣйствіе его на эти части совершенно различно. Часть налога, падающая на ренту за строеніе, хотя, можетъ быть, сначала и тронетъ хозяина дома, потому что понизитъ цѣны на квартиры, но по прошествіи извѣстнаго времени она должна оплачиваться жильцами, составлять налогъ на затрату. Этотъ налогъ можно назвать однимъ изъ лучшихъ, потому что «плата за квартиру служитъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ средствъ, которыми можетъ *располагать* человѣкъ, составляетъ одинакую долю въ расходѣ каждаго, а слѣдовательно и можетъ служить самою лучшею замѣною подоходнаго налога»; но отъ него должны быть освобождены такъ называемыя дѣловыя помѣщенія (Ср. различіе между loyer d'habitation et loyer d'exploitation, *Proudhon*, p. 154). Квартиры ниже извѣстной цѣны должны быть вовсе изъяты отъ налога по общему принципу, что предметы, совершенно необходимые для здоровой жизни, должны быть свободны отъ всякаго налога. Если квартиру занимаетъ самъ до-

мохозлинъ, то основою для налога — должна быть оцѣнка дома. Другая часть налога падаетъ на ренту за землю подъ домомъ и должна оплачиваться землевладѣльцемъ, но въ такомъ только случаѣ, если платежъ этого налога не понизитъ ренты, даваемой землею подъ строеніями, до уровня ренты, даваемой землею подъ сельскимъ хозяйствомъ. Въ огромномъ большинствѣ домовъ рента за землю составляетъ лишь незначительную часть въ наемной платѣ; но въ исключительныхъ случаяхъ, въ любимыхъ улицахъ большихъ городовъ, рента эта доходитъ до большой высоты безъ труда и заботъ собственника и въ такомъ случаѣ безъ всякаго ущерба для справедливости можетъ быть конфискована особеннымъ налогомъ.

Вторую большую рубрику налоговъ составляютъ налоги на товары, которые взимаются или съ производителей, или съ лицъ, служащихъ посредниками между производителями и потребителями. Таковы—акцизы, таможенныя пошлины и внутреннія или транзитныя пошлины. Дѣйствіе всѣхъ ихъ одинаково: они возвышаютъ издержки производства, а слѣдовательно и цѣну товаровъ и переносятся на потребителей; разумѣется, если-бы налогъ падалъ на всѣ товары, пропорціонально цѣнности каждаго, то производитель былъ бы не въ состояніи перебросить налогъ, но цѣны все-таки измѣнились бы по отношенію другъ къ другу (Рикардо и Макъ-Куллохъ). Будетъ ли налогъ взиматься при производствѣ товара, или при ввозѣ его въ страну, или при перевозкѣ, или при продажѣ, цѣнность товара всегда повысится и при томъ на сумму, нѣсколько высшую сравнительно съ тою, которая взята налогами. Во избѣжаніе контрабанды придумываются различныя стѣснительныя правила, которыя путаютъ производство и увеличиваютъ издержки. Необходимость уплачивать налогъ впередъ заставляетъ затрачивать бо́льшій капиталъ, а слѣдовательно и получать бо́льшую сумму прибыли. Надобность въ большомъ капиталѣ для такихъ пред-

пріятій уменьшаетъ соперничество и ведетъ къ искусственному возвышенію цѣнъ. Наконецъ повышеніе цѣнъ товаровъ уменьшаетъ сбытъ, въ прямой зависимости отъ расширенія котораго находится введеніе въ производство многихъ улучшенныхъ процессовъ. Вотъ общія дѣйствія налоговъ на товары. Но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свои особенности; такъ, налогъ на хлѣбъ дѣйствуетъ подобно налогу на рабочую плату, т. е. онъ понижаетъ ее, а когда понизить нѣтъ возможности, то бьетъ прибыль.—Что касается до вліянія налога на земледѣліе, то будетъ ли это десятина, опредѣленная сумма съ квартера, или съ каждаго воздѣлываемаго акра, Милль вполнѣ соглашается съ Рикардо (по понятной причинѣ). Но когда этотъ налогъ уже установленъ, онъ дѣйствуетъ, какъ налогъ на прибыль, т. е. понижаетъ ее и приближаетъ страну къ неподвижному состоянію, котораго она и безъ него достигла бы съ возрастаніемъ населенія, но гораздо позже; дѣйствіе его — такое-же, какъ естественнаго обезплодія почвы (Синьоръ).—Налогъ на товары иногда оказываетъ еще худшее дѣйствіе, если онъ облагаетъ только одинъ извѣстный способъ полученія товара и притомъ лучшій (облагать худшій было бы нелѣпо, имѣя въ виду фискальныя цѣли), потому что въ такомъ случаѣ предпочитается худшій (или и при лучшемъ способѣ товаръ производится хуже и дороже) и потребители платятъ за совершенно безплодный трудъ; правительство ничего не получаетъ, а нація терпитъ лишенія. Таково именно дѣйствіе налога на ввозъ товара, который получается изъ-за границы съ меньшимъ валовымъ расходомъ труда и капитала, чѣмъ стоило бы внутреннее производство; другими словами, въ этомъ случаѣ заставляютъ предпочитать наиболѣе убыточный способъ полученія товара. Въ-особенности пагубно взиманіе такого налога со ввоза земледѣльческаго продукта, напримѣръ съ 1 милл. ввозимаго хлѣба при потребленіи въ 20 милл.; единственное средство тогда — обложеніе ак-

цизомъ внутренняго производства; таково именно и было дѣйствіе налоговъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «хлѣбныхъ законовъ». Налоги на внѣшнюю торговлю бываютъ двоякаго рода — на ввозъ и на вывозъ. Очень любопытно прослѣдить ихъ паденіе. По-видимому кажется, что налоги на вывозъ падаютъ на иностранцевъ, а налоги на ввозъ на отечественныхъ потребителей. Но можетъ случиться совершенно иное. Всякій налогъ возвышаетъ цѣну товара, слѣдовательно уменьшаетъ спросъ, сбытъ; своими товарами мы не въ состояніи окупить ввозъ заграничныхъ; за нихъ приходится доплачивать деньгами, которыя по этому самому (вслѣдствіе рѣдкости) возвысятся у насъ въ цѣнѣ. Слѣдовательно, цѣны нашихъ товаровъ падутъ, а заграничныхъ возрастутъ; наши обмѣны будутъ уже не такъ выгодны, и намъ придется нести часть налога. То-же самое примѣнимо и къ ввознымъ пошлинамъ; посредствомъ съуженія спроса заграничныхъ товаровъ, мы можемъ принудить иностранцевъ нести часть этого налога; такимъ образомъ, пошлина съ товаровъ, которые никакъ не могутъ производиться въ данной странѣ, можетъ вести за собою для другихъ странъ участіе въ выгодахъ возрастанія общей производительности всемірнаго труда и капитала. Но все же часть налога будутъ платить иностранные потребители нашихъ товаровъ; производители же несутъ налогъ въ рѣдкихъ случаяхъ, — именно, когда цѣна за ихъ продукты — монопольная и опредѣляется единственно средствами покупателей, или когда налогъ падаетъ на продуктъ рудниковъ. Но надобно замѣтить, что всѣ надежды наши на перенесеніе тяжести пошлинъ на иностранцевъ могутъ разлетѣться, если они захотятъ противодѣйствовать намъ тѣмъ-же способомъ.

Въ существующей финансовой практикѣ есть налоги, которые не подходятъ подъ дѣленіе, данное Миллемъ, и составляютъ остатокъ старины, когда почти всякій случай человѣческой жизни служилъ предлогомъ для фискальнаго побора. Та-

ковы пошлины съ договоровъ, изъ которыхъ самыя важныя — пошлины съ передачи собственности, съ купли — продажи; въ Испаніи даже была пошлина со всѣхъ продажъ и покупокъ — alcavala (а въ древней Россіи была тамга, а потомъ рублевая пошлина). Налоги на продажу земель обыкновенно падаютъ на продавца, который находится въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Они вредны и потому, что затрудняютъ переходъ земли, основнаго орудія производства, въ руки наиболѣе способныя для ея воздѣлыванія. Пошлина на аукціонную продажу, отмѣненная въ Англіи Р. Пилемъ, имѣла убійственное значеніе, потому что падала на человѣка въ крайнемъ положеніи. Близки къ разсмотрѣннымъ налогамъ пошлины на средства сообщенія. Почтовыя пошлины въ сущности составляютъ плату за пересылку, при чемъ правительство является только спеціальнымъ промышленникомъ. За-тѣмъ Милль говоритъ о вредѣ пошлинъ на объявленія и газеты, о несправедливости судебныхъ пошлинъ, потому что люди обращаются къ суду только тогда, когда оказывается неполнымъ охраненіе, даваемое вообще государствомъ (Бентамъ). Есть еще мѣстные налоги, распредѣляемые мѣстными властями; для избѣжанія злоупотребленій они обыкновенно спеціальны, установляются для опредѣленныхъ цѣлей и не могутъ превышать извѣстной суммы.

Разсмотрѣвши налоги въ отдѣльности, Милль сравниваетъ различные налоги между собою и рѣшаетъ вопросъ — какіе же налоги могутъ быть оставлены безъ вреда для народнаго хозяйства и какіе должны быть непремѣнно отброшены. Первый вопросъ для него: какіе налоги лучше — прямые или косвенные? Упомянувши о предразсудкѣ, который существуетъ въ Англіи противъ прямыхъ налоговъ, вслѣдствіе непріятнаго ощущенія видѣть предъ собою сборщика налоговъ, Милль говоритъ, что друзья прогресса часто отвергали косвенные налоги именно по той причинѣ, по какой они представляются для большинства

самыми лучшими, именно въ-слѣдствіе нечувствительности, съ какою уплачиваются эти налоги, незамѣтности суммы пожертвованій, которыя и позволяютъ правительству производить излишнія издержки. Но съ прояснѣніемъ пониманія, сила этого аргумента должна ослабѣвать. Если многія статьи государственнаго расхода представляютъ обширное поле для сокращенія, то, съ другой стороны, многія нужды общества плохо удовлетворяются при настоящемъ положеніи дѣлъ, такъ-что все-таки нѣтъ надежды на сильное сокращеніе бюджета, а между тѣмъ получать такую же сумму, какъ теперь, одними прямыми налогами едва-ли будетъ возможно. Но тотъ аргументъ, который обыкновенно приводятъ въ пользу косвенныхъ налоговъ, а именно возможность избѣгнуть налога, не покупая обложенныхъ товаровъ, — одинаково примѣнимъ и къ прямымъ, которыхъ *тоже* можно избѣгнуть посредствомъ лишенія, т. е. *сбереженія*. — Все же косвенные налоги имѣютъ неоспоримыя преимущества, потому что время и способъ взиманія — самые удобные для плательщика.

Вотъ каковы относительныя достоинства и недостатки косвенныхъ налоговъ. Покрытіе же всѣхъ государственныхъ расходовъ прямыми налогами представляетъ важное неудобство еще и потому, что невозможно достигнуть справедливаго распредѣленія этихъ налоговъ (см. выше). Форма прямаго подоходнаго налога, какъ мы видѣли, негодится: принять за основу обложенія жилье — значитъ произвести сгущеніе людей въ квартирахъ; да и здѣсь могутъ быть неравенства. Вообще, говоритъ Милль, нѣтъ налога, въ которомъ бы не было *несправедливости*, такъ-что только разнообразіе налоговъ, можетъ быть, взаимно сокращаетъ эти неравенства и исправляетъ дѣло (Ср. Сисмонди). И такъ, признавая невозможность единаго прямаго налога на доходъ, Милль сводитъ налоги въ слѣдующую систему. Довольно значительная часть государственнаго дохода

можетъ доставляться спеціальнымъ налогомъ на ренту, который съ теченіемъ времени долженъ возрастать. Пошлины съ наслѣдствъ по закону и завѣщанію, имѣющія въ виду сглаженіе неравенствъ по богатству, могутъ доставлять значительный доходъ, который, какъ получаемый съ капитала, можетъ быть употребляемъ на выкупъ государственныхъ фондовъ. Наконецъ, мы имѣемъ налогъ на дома. Остальная недостающая сумма должна быть покрываема косвенными налогами, изъ которыхъ одни могутъ быть исправлены, а другіе должны быть совершенно отброшены. Налоги эти не должны нарушать естественный ходъ производства и заставлять предпочитать болѣе убыточный способъ полученія товара. Они ни въ какомъ случаѣ не должны падать на предметы необходимости или на матеріалы и орудія производства такихъ предметовъ; они должны падать только на предметы роскоши и такимъ образомъ *щадитъ необходимое*, а съ другой стороны — сильно облагать «мелкое чувство тщеславія, которое придаетъ значеніе вещамъ только потому, что они дороги и даютъ возможность выдѣляться изъ толпы». Чтобы налоги эти дѣйствовали наилучшимъ образомъ, производили наименѣе стѣсненій, должны быть приняты слѣдующія правила: они должны по-возможности прямо падать на потребителя; надо стараться сосредоточивать пошлины на немногихъ предметахъ, усиленно взимать ихъ съ возбуждающихъ напитковъ, по-возможности ограничиваться ввозными пошлинами, не возвышать пошлинъ до такой степени, чтобы возбуждалась контрабанда, наконецъ, только по необходимости (для увеличенія доходовъ) облагать и предметы комфорта. Вотъ какія практическія правила должны быть соблюдены для того, чтобы косвенные налоги не приносили зла хозяйству. — Такова система налоговъ въ ихъ общей связи, по мнѣнію Милля. Послѣдній вопросъ, который онъ разсматриваетъ: слѣдуетъ ли дѣлать вѣчный національный долгъ, покрывать расходы на войну

или на какія-нибудь чрезвычайныя государственныя надобности займами, которые будутъ выплачиваться лишь очень медленно и въ отдаленномъ будущемъ или даже и вовсе не будутъ выплачиваться, или покрывать эти чрезвычайныя издержки установленіемъ налога въ размѣрѣ требуемой суммы? Вопроса этого Милль касается уже въ первой книгѣ своего сочиненія, гдѣ онъ разбираетъ мнѣніе Chalmers-a, объясняющее загадочное явленіе чрезвычайно быстраго поправленія странъ послѣ опустошеній, производимыхъ землетрясеніями, наводненіями, ураганами, военными разореніями, а также и правительственными займами на войну и другіе непроизводительные расходы. Основная роль капитала въ хозяйствѣ состоитъ въ производительномъ потребленіи его, т. е. въ употребленіи, уничтоженіи даннаго количества продуктовъ для того, чтобы вслѣдствіе этого уничтоженія воспроизведено было такое-же и даже большее количество новыхъ продуктовъ. Всѣ опустошенія, о которыхъ была рѣчь, уничтожаютъ часть капитала. Но что-же именно они уничтожаютъ? Земля остается; остается вообще постоянный капиталъ — зданія, машины; остается часть оборотнаго капитала — матеріалы (но это — еще вопросъ); истребляются по бо́льшей части уже готовые продукты, т. е. предметы потребленія, истребляются фонды для содержанія рабочихъ, которые поэтому терпятъ лишенія, страданія. Но если они съумѣютъ перебиться какъ-нибудь, то, при сохранившейся энергіи труда (а сохранится ли она?), они могутъ къ концу года произвести такое-же количество продуктовъ, какъ и прежде, т. е. возмѣстить потери, которыя потерпѣло общество. Признавая, что таковы должны быть результаты всякой выемки капитала, Chalmers и ставитъ вопросъ: какимъ же образомъ удобнѣе покрывать большіе расходы на экстренныя нужды — посредствомъ займа или посредствомъ налога? Chalmers сильно защищаетъ послѣдній способъ. Въ самомъ дѣлѣ, выемка

части оборотнаго капитала, которая назначалась на содержаніе работниковъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ произведетъ одинакое дѣйствіе, т. е. понизитъ рабочую плату и заставитъ рабочихъ терпѣть страданія, потому что и заемъ, хотя и берется по-видимому у капиталистовъ, перелагается на рабочіе классы, такъ-какъ поглощаетъ именно свободный, оборотный капиталъ, который всегда можетъ быть вынутъ изъ производства. И такъ, при займѣ, кромѣ страданій въ настоящемъ времени, въ перспективѣ остаются еще всѣ матеріальныя, нравственныя и политическія неудобства, производимыя установленіемъ и сохраненіемъ налоговъ для вѣчнаго платежа процентовъ Милль принимаетъ всѣ выводы Chalmers-a, но подъ условіемъ, если сумма займа дѣйствительно берется изъ капитала. Но есть такъ-называемые внѣшніе займы (auswärtige Anleihen), сумма которыхъ доставляется иностраннымъ капиталомъ, который можетъ составлять *излишекъ* накопленія долга. (Но изъ того, что заемъ первоначально заключенъ за границею, не слѣдуетъ, что онъ на-вѣки останется дѣйствительно внѣшнимъ, т. е. что кредиторами правительства всегда будутъ иностранцы). Съ другой стороны, въ самой странѣ накопленіе можетъ идти такъ быстро, что прибыль должна постоянно понижаться, если только капиталъ не уходитъ за границу, или не растрачивается на спекуляціи; путемъ займа правительство именно и можетъ брать этотъ излишекъ накопленія. И есть термометръ, по которому можно узнать, берется ли заемъ изъ капитала или изъ новыхъ накопленій; именно повышеніе процента тотчасъ указываетъ на первое и неразлучныя съ нимъ бѣдствія. И такъ, вотъ рѣшеніе вопроса: «нація должна немедленно принимать на себя всѣ пожертвованія, которыя можетъ вынести безъ труда, и лишь ту часть бремени, которая слишкомъ стѣснила бы ее, покрывать посредствомъ отдачи въ залогъ своихъ будущихъ доходовъ» (стр. 406).

Притомъ-же многія правительственныя траты бываютъ полезны и не одному нынѣшнему поколѣнію, слѣдовательно, можетъ быть, и умѣстно слагать часть бремени на потомство, которому кстати и нести его будетъ легче вслѣдствіе болѣе быстраго нарощенія капитала.

Что касается уплаты національнаго долга, то Милль отвергаетъ мгновенный способъ всеобщей раскладки, по его неудобоисполнимости. Раскладку можно сдѣлать только на собственность, которая не обязана одна выплатить весь долгъ; если же потребовать извѣстную часть и съ лицъ, имѣющихъ только ежегодный доходъ, то имъ пришлось бы сдѣлать личный долгъ за болѣе высокіе проценты, чѣмъ проценты государственнаго займа. Государство можетъ обращать на погашеніе долга оставшуюся еще у него поземельную собственность. Самый же вѣрный способъ обращать на это излишекъ дохода. Но и тутъ могутъ быть различныя практическія ограниченія. Въ существующей финансовой системѣ есть налоги, которые убійственнѣе всякихъ долговъ; поэтому разумнѣе обращать излишекъ на уничтоженіе этихъ налоговъ; а потомъ, когда налоги, которые останутся, будутъ наименѣе вредны, употреблять излишекъ доходовъ или даже лучше — поступленія отъ извѣстнаго налога на выкупъ долга. — Мы видимъ, что вопросъ о государственныхъ займахъ рѣшается Миллемъ уже нѣсколько иначе, чѣмъ прежде разсмотрѣнными писателями.

Таковы мысли Милля о налогѣ. Какъ я уже замѣтилъ, онѣ предстявляютъ только развитіе и пополненіе взглядовъ, добытыхъ наукою прежде. Милль резюмируетъ, подробнѣе и обстоятельнѣе разсматриваетъ различныя экономическія явленія и желаетъ выводить практическіе результаты, старается объяснять дѣйствительность. (*Kautz* вѣрно говоритъ, «Was speciell die Verdienste Mill's um die Weiterentwicklung der Wissenschaft, vornehmlich in seinem Vaterlande anbelangt, so können als

hervorstehendste Momente bezeichnet werden, dass er die Theorie des Werthes, der Gewinnste, der Grundrente, der Arbeiterlohne, der Preisbildung... *in einzelnen Punkten näher begründet und klargestellt*». S. 540. Что касается общихъ экономическихъ взглядовъ Милля въ связи съ его философскими изслѣдованіями, ср. *Рождественскаго* «О значеніи Милля въ ряду современныхъ экономистовъ»). Въ пониманіи широты правительственной дѣятельности онъ вполнѣ расходится съ невѣрными толкователями ученія Смита, съ ярыми защитниками невмѣшательства: напротивъ, онъ иногда даже слишкомъ далеко проводитъ задачу правительства. (Ср. его-же сочиненіе «О свободѣ», IV глава, «о предѣлахъ власти общества надъ индивидуумомъ». Ср. *Lange*. II Кар. напр. въ вопросѣ о размноженіи населенія, хотя впрочемъ здѣсь почти всѣ экономисты непрочь призвать на помощь и правительство). Какъ послѣдователь Рикардо, онъ стоитъ за спеціальный налогъ на поземельную ренту. Вопросъ о поземельной рентѣ въ высшей степени важенъ; «поземельная рента, говоритъ Прудонъ, имѣла честь быть основою для первой утопіи, предложенной подъ вліяніемъ новыхъ идей: «c'était sur la rente que nos premiers économistes, les vénérables physiocrates, songeaient à établir la totalité de l'impôt». Я уже излагалъ блестящую теорію Рикардо. Но другіе ученые, анализируя явленія, начали открывать факты, аналогичные съ рентой, которые съ экономической точки зрѣнія выражались въ особенномъ состояніи цѣны; это состояніе цѣны называется монопольнымъ. Такъ, Бухананъ признаетъ, что прибыль, вытекающая изъ секрета производства и изъ различныхъ монополій, покоится на томъ-же основаніи, какъ и рента. Такимъ образомъ ясенъ отсюда выводъ, что рента всюду, гдѣ монополія, а монополія всюду, гдѣ есть неравенство, естественное или искусственное. (Ср. *Миллъ*, кн. 3 гл. V. § 4). А если такъ широка область ренты, то совершенно неоснова-

тельно облагать ее спеціальнымъ налогомъ въ одной только формѣ — именно поземельную; такъ падаетъ предложеніе физіократовъ о единомъ налогѣ на поземельную ренту. Сбложить ренту въ широкомъ смыслѣ при настоящихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности; можно ловить ея рѣдкія проявленія, и съ этой стороны именно намъ и представляется налогъ на наслѣдство, такъ энергически защищаемый Миллемъ въ видахъ уравненія состояній.—Правила, которыя предлагаетъ Милль для раціональнаго устройства косвенныхъ налоговъ, представляютъ группировку разрозненныхъ положеній, предложенныхъ прежде; они разсчитаны на практическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ: что представляетъ дѣйствительность? Вотъ какъ опредѣляетъ дѣйствіе косвенныхъ налоговъ солидный и почтенный экономистъ, котораго нельзя заподозрить въ увлеченіи: «Parmi des impôts qualifiés d'indirects, говоритъ Ипполъ. Пасси, les seuls qui puissent rapporter amplement sont ceux qui s'adressent aux produits de première et universelle nécessité; et voilà pourquoi les substances alimentaires ont été taxées avec une aussi regrettable préférence. Ainsi a eté rendue plus chère la vie des classes ouvrières, et sur *elle* est retombé le principal poids du fardeau. Plus les produits dont l'impôt accroit le prix sont indispensables à la satisfaction des besoins de l'homme, plus il prend aux familles pauvres des faibles revenus dont elles jouissent. Prenons, par exemple, l'impôt du sel, c'est une capitation ou pis qu'une capitaton. Вообще о косвенныхъ налогахъ онъ говоритъ: Ainsi l'impôt, de classe à classe, et dans chaque classe de personne à personne, pèse en raison inverse des facultés ou des revenus. Une taxe personnelle, qui rapporterait autant à l'Etat, nuirait moins aux intérêts des masses et serait moins contraire aux régles de la justice et de la proportionnalité» (Dict. de l'écon. polit. Art. «Impôt»).— Основныя экономическія воззрѣнія Милля показываютъ, что онъ — строгій уче-

никъ Мальтуса и Рикардо. (Политическая экономія Милля есть перифразъ ученія школы Рикардо-Мальтуса, говоритъ Н. Х. *Бунге* «Д. С. Милль какъ экономистъ». Ж. М.Н. Пр. 1868 года, октябрь, стр. 99. Въ отдѣлъ о финансахъ Милль не прибавляетъ почти ничего новаго къ тому, что было извѣстно до него; у него повторяются лишь общія соображенія, которыя можно найдти у Смита, Рикардо и нѣкоторыхъ послѣдователей Рикардо; онъ даетъ теоретическій остовъ финансовой науки, препарированный не безъ нѣкоторой симметріи. Ibid., стр. 89 — 90). Быстрое возрастаніе населенія съ одной стороны, постоянно увеличивающаяся скупость природы съ другой — вотъ естественная причина бѣдствій, которыя только усиливаются разными соціальными неудобствами, но никакъ не вызываются ими (т. I, кн. 1-я гл. XIII). Средство спасенія — нравственное воздержаніе, moral restraint, съ точки зрѣнія котораго Милль обсуждаетъ всякій проектъ улучшенія общественной жизни (кн. 2 гл. 1-я). (Даже почитатель Милля Ланге замѣчаетъ, что «требованіе правильнаго ограниченія величины населенія, какъ условія, при которомъ можетъ быть оправданъ институтъ частной собственности, — не свободно отъ сильныхъ сомнѣній (nicht frei von den schwersten Bedenken)». Ibid., стр. 81). Я не стану останавливаться на опроверженіи этого взгляда. (О соціальномъ оттѣнкѣ ученія Милля Kautz говоритъ: «Als ein jedenfalls eigenthümlicher und von vielen Seiten *missbilligter* Zug der Mill'schen Volkswirthschafts-Anschauung ist die entschiedene Würdigung vieler socialistischen Grundsätze und die Anerkennung dessen, dass die socialistischen Projecte und Organisations-Pläne neben vielen Grundirrthümern, doch auch manch' Wahres, Richtiges und Zukunftmässiges enthalten; dass die bisher misslungenen Versuche der Einführung solcher social-reformatorischen Pläne keinen absolut giltigen Gegenbeweis gegen deren Irrthümlichkeit und Ausführbarkeit

bilden, und dass endlich unsere gesammte Eigenthums-Organisation wesentlichen Reformen unterzogen und eingeschränkt werden müsse» (S. 541). Вообще у Милля замѣчается странное отношеніе къ вопросу о распредѣленіи богатствъ. Двѣ существенныя части хозяйства (см. его предвар. замѣч.) — производство и распредѣленіе, которыя находятся между собою въ тѣсной связи (характеръ распредѣленія обусловливается организаціею отношеній между отдѣльными членами — участниками производства), произвольно разрываются. «Въ законахъ и условіяхъ производства нѣтъ ничего зависящаго отъ воли, ничего такого, что можно было бы измѣнить. Все, производимое человѣкомъ, должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физической и духовной природы самого человѣка (кн. II. гл. I. § 1). Распредѣленіе — чисто дѣло человѣческаго учрежденія и зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Общество можетъ подчинить распредѣленіе богатства *какимъ угодно* правиламъ, которыя можетъ считать наилучшими». (А между тѣмъ, по словамъ же Милля, мнѣнія и чувствованія человѣчества *не случайны;* да и слѣдствія принятыхъ правилъ распредѣленія во всякомъ случаѣ *такъ-же мало произвольны* и на столько-же имѣютъ характеръ физическихъ законовъ, какъ законы производства. Ibid.). Такою шаткостью основной точки зрѣнія и объясняются колебанія Милля между коммунистическими (различныхъ оттѣнковъ) проектами, за которыми онъ признаетъ право на безпрепятственныя пробы, и между институтомъ частной собственности, который онъ признаетъ подлежащимъ преобразованію). — Замѣчу, что Милль имѣетъ большее право на уваженіе сравнительно съ другими экономистами-конкуррентами за стремленіе изучать явленія въ самомъ ихъ источникѣ, распутывать разнообразныя компликаціи, которыя запутываютъ, заслоняютъ сущность дѣла. (При

томъ Милль не является безусловнымъ приверженцемъ status quo, не принадлежитъ къ группѣ такъ-называемыхъ спасателей общества (die Retter der Gesellschaft), но признаетъ необходимость многосторонняго преобразованія данной общественной формы. Ланге приводитъ семь положеній, которыми, по его мнѣнію, характеризуется взглядъ Милля на общественные вопросы. Ibid. стр. 113—114). Этотъ способъ анализа, доставшійся отъ Рикардо, позволяетъ видѣть ложныя и слабыя стороны пониманія автора и заслуживаетъ полнаго сочувствія, потому что только такимъ путемъ и можетъ быть построена истинная теорія, которая выростаетъ изъ критики противоположныхъ доктринъ. Чѣмъ глубже эти доктрины, тѣмъ на болѣе важныхъ пунктахъ останавливается критика, тѣмъ болѣе важные положительные результаты вытекаютъ изъ нея. Если различные ученые вѣрно и рельефно представляютъ данное положеніе дѣлъ, то критика, предпринимаемая во имя своего общаго принципа, скорѣе пойметъ, какія же исключенія претерпѣваетъ этотъ принципъ въ дѣйствительности и какія средства провести его въ жизнь, потому что эти средства должны быть взяты изъ жизни, изъ привычныхъ формъ быта (такъ-какъ введеніе ихъ не должно путать общественныхъ отношеній).

Миллемъ заканчивается предположенное мною разсмотрѣніе мыслей о налогѣ у классическихъ экономистовъ. Въ слѣдующей главѣ излагаются нѣкоторыя общія мысли объ экономическихъ явленіяхъ, которыя были добыты при изученіи спеціальнаго предмета и которыя, быть можетъ, бросятъ свѣтъ на предшествующее изложеніе.

VI.

Вся жизнь человѣка проникнута стремленіемъ къ удовлетворенію его болѣе или менѣе разнообразныхъ нуждъ, другими словами — стремленіемъ къ счастью, благосостоянію. Имъ обусловливается мускульная и интеллектуальная дѣятельность человѣка, которая только съ этой стороны и получаетъ значеніе. Для достиженія выставленной цѣли человѣкъ имѣетъ сумму средствъ, которыя составляютъ его организмъ. Эти средства нужно поставить въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, которое выражается въ дѣятельности, направленной на добываніе предметовъ, удовлетворяющихъ нуждамъ человѣка; такая дѣятельность называется *производствомъ*. Производство основано на приноровленіи человѣка къ природѣ; слѣдовательно, чѣмъ шире это приноровленіе, чѣмъ болѣе *знанія природы*, тѣмъ болѣе точекъ соприкосновенія человѣка съ природою, тѣмъ болѣе способовъ производства, другими словами — тѣмъ болѣе пущено въ ходъ и силъ внѣшней природы, и качествъ человѣческой природы, которыя обѣ (т. е. какъ внѣшняя, такъ и человѣческая природа) одинаково неистощимы и могутъ представить безконечное множество предложенія, лишь бы былъ спросъ и возможность проявленія. И такъ, производ-

ство вытекаетъ изъ нуждъ, которыя съ теченіемъ времени ростутъ и количественно (потому что увеличивается населеніе), и качественно (потому что онѣ становятся утонченнѣе, благороднѣе); опирается оно на знаніи природы; прогрессъ его состоитъ, съ одной стороны, въ расширеніи области внѣшней природы, съ которою соприкасается человѣкъ, а, съ другой, въ развитіи человѣческой природы, въ раскрытіи ея разнообразныхъ качествъ, задатковъ, которые вѣчно ей присущи и ждутъ только случая высказаться. Вотъ простая, немногосложная сущность дѣла, приведенная къ самому общему выраженію. Отсюда ясно вытекаютъ два тоже простыя положенія. Для завоеванія своего счастья человѣкъ имѣетъ только одно средство — свой трудъ, т. е. извѣстное напряженіе мускуловъ и нервовъ, составляющее функцію этихъ органовъ. Успѣшность труда зависитъ отъ знанія природы. Средства для пріобрѣтенія знанія опять таки — организмъ человѣка, *совокупность* его разнообразныхъ способностей, которая только и можетъ воспринять всю полноту и цѣлость внѣшняго міра, все разнообразіе, условность и измѣнчивость его явленій; — другими словами, путь пріобрѣтенія знанія — опытъ и наблюденіе; накопленіе его идетъ медленно; для узнанія законовъ приходится пробираться черезъ лабиринтъ подробностей. Путь пріобрѣтенія средствъ жизни — трудъ, сначала тяжкій, малопроизводительный, но продуктивность котораго должна постепенно возрастать съ увеличеніемъ знанія внѣшней природы и тѣсно связаннымъ съ нимъ развитіемъ самаго человѣка. Человѣкъ познаетъ себя на-столько, на-сколько онъ узнаетъ внѣшнюю природу, сказалъ Гете. Все дѣло, слѣдовательно, въ томъ, чтобы создать условія, при которыхъ бы наиболѣе быстрымъ образомъ шла успѣшность труда, т. е. какъ можно скорѣе накоплялось и какъ можно шире распространялось знаніе и какъ можно полнѣе распускались разнообразные аттрибуты всѣхъ людей, всѣхъ производителей. Вотъ какова основа

организаціи общества, общества — этого естественнаго состоянія человѣка, которое строится не человѣкомъ вслѣдствіе соображеній о его полезности, а слагается мимовольно, силою естественныхъ законовъ. (Только въ-послѣдствіи человѣкъ овладѣваетъ этими законами (изученіе идетъ отъ законовъ простѣйшихъ формъ матеріи — отъ неорганической къ органической), становится въ состояніи орудовать силами природы и составлять изъ нихъ наиболѣе выгодныя комбинаціи). — Вотъ два пути, по которымъ нужно идти человѣку, чтобы достигнуть своей цѣли, — пути долгіе, кропотливые, за-то дѣйствительные, прямо ведущіе къ цѣли. Но человѣкъ по природѣ своей всегда бѣжалъ трудныхъ (кажущихся трудными) путей; онъ надѣялся скорѣе похитить знаніе, чѣмъ добыть его, и создавалъ теологическія доктрины — миѳическій мистицизмъ, умозрѣнія—философскій идеализмъ. Сразу строились всеобъемлющія системы, которыя чередовались между собою и приносили постоянныя неудачи и разочарованія. Истиннаго знанія не было, не было и его результата. Не по-нутру былъ и усидчивый трудъ: одна изъ первыхъ мыслей человѣка была — переложить тяжесть труда на своего ближняго посредствомъ рабства, обязательнаго труда. При общности такого стремленія, физическая сила, животная драка рѣшала вопросъ. Результатомъ борьбы являлось общество, основанное на силѣ, на подневольномъ трудѣ: одни въ немъ производятъ, другіе только потребляютъ; но эти другіе — самые сильные, самые способные, самые лучшіе; они владѣли и жалкимъ знаніемъ того времени, и это знаніе только оправдывало ихъ практику, показывало, что иначе и быть не можетъ, сводило господствующій порядокъ отношеній къ дѣйствію непреложныхъ божественныхъ законовъ; плоды побѣды закрѣплялись, освящались, обращались въ права. И такъ, вотъ связь знанія и успѣшности труда; доктрины, восходящія слишкомъ высоко для оправданія практики и не нисходящія до о-

пытнаго объясненія природы, идутъ рука объ руку съ рабствомъ въ его различныхъ формахъ. А рабство значитъ, другими словами, незнаніе силъ внѣшней природы, неразвитость человѣка, неуспѣшность труда. Обираніе нищаго не могло много принести, а по этому и сильные оставались въ накладѣ. Ихъ подчиненные — эти esclaves, serfs, vilains, rôturiers, prolétaires, — производили мало, потому что были неразвиты; ихъ собственныя силы, болѣе развитыя, шли на отрицательную дѣятельность — на давленіе человѣка, а не на покореніе силъ природы, и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, не увеличивали производства, а уменьшали его. А между тѣтъ эту подневольную массу, эти рабочіе механизмы надо было содержать, начиная отъ раба и до пролетарія; они этого требовали на разные лады и грозили притѣснителямъ. Общество было основано на розни интересовъ, на явномъ антагонизмѣ, носило въ самомъ себѣ начало разрушенія, находилось поэтому въ постоянномъ колебаніи, смятеніи. L'histoire est le monument des efforts de la minorité pour taxer la majorité et des efforts de cette dernière pour échapper à cette taxe, говоритъ Кэри. Въ связи съ такимъ положеніемъ дѣлъ и налогъ является въ своеобразной формѣ. Вся его практика составляетъ слѣдствіе того-же давленія силы. Средства и взносы подчиненной части общества употреблялись на служеніе интересамъ побѣдителей, которые орудовали ими по своему произволу. Примѣняясь къ нынѣшней терминологіи, можно охарактеризовать тогдашнее положеніе вещей слѣдующимъ образомъ: государственное хозяйство на-столько же несовершенно и антихозяйственно употребляло средства для достиженія своихъ цѣлей, на-сколько оно было несправедливо и неравномѣрно относительно отдѣльныхъ членовъ въ наложеніи податей, какъ основнаго фонда для своей дѣятельности, и въ доставленіи удобствъ, которыя имъ вырабатывались. Вотъ къ какимъ выводамъ можно придти, если разсматривать прошлыя судьбы

человѣчества съ отвлеченной точки зрѣнія. Приходится все признать уродливымъ, неимѣющимъ никакого права на существованіе, но тѣмъ не менѣе существовавшимъ, слѣдовательно представляющимъ моментъ историческаго развитія. Вотъ эта *дѣйствительность и должна держать на сторожѣ отъ увлеченій, должна дать особый характеръ наукѣ*, если эта послѣдняя желаетъ оказывать пользу, принимать дѣятельное и благотворное участіе въ судьбѣ человѣчества, а не заниматься разжиганьемъ страстей посредствомъ неразборчиваго, безотносительнаго осужденія дѣйствительности и указанія на недостижимые идеалы. До сихъ поръ развитіе человѣчества шло подъ вліяніемъ чисто естественныхъ законовъ (naturwüchssich); человѣкъ не принималъ самостоятельнаго участія въ ходѣ его, потому что онъ не зналъ естественныхъ законовъ общества; а вліять на природу можно только зная ея законы, составляя такія комбинаціи, при которыхъ законы эти, дѣйствуя каждый своимъ непреложнымъ образомъ, въ совокупности приносили бы желанные результаты. Поэтому, первое дѣло науки — объясненіе дѣйствительности, условій, при которыхъ она образовалась, выгодъ и невыгодъ, которыя она представляетъ, изысканіе средствъ освободиться отъ тягостныхъ сторонъ ея, средствъ дѣйствительныхъ, взятыхъ изъ самой жизни, а не призрачныхъ, выведенныхъ изъ произвольно построеннаго *идеала человѣка и общества*. Такая объективная общественная наука является недавно, потому что никакая другая наука не претерпѣвала столькихъ разнообразныхъ препятствій на пути своего развитія. Основной пунктъ, центръ ея изслѣдованій — человѣкъ съ его *данными* способностями и средствами. L'homme, élément moléculaire de la société, est le sujet de la science sociale, говоритъ Кэри (t. I p. 38.). Der Mensch mit seiner intellektuellen und moralischen Persönlichkeit und seiner daraus hervorgehenden wirthschaftlichen Thätigkeit und Handlungsweise den Hauptfactor in der Wissenschaft bildet

(*Dietzel.* S. 5). La science sociale est la science des lois qui régissent l'homme *dans ses efforts* pour s'assurer *l'individualité* (т. е. развитіе, продуктивность) la plus parfaite et (какъ условіе) la puissance la plus considérable d'association avec ses semblables (*Carey.* t. I, p. 64), другими словами — dans ses efforts pour développer ses pouvoirs (т. е. богатство — sur la nature, et non pas sur ses semblables) et par là obtenir domination complète sur les grandes forces de la nature, tournant à chaque pas gagné les batteries qu'elle lui enlève contre elle-même, à fin de compléter de plus en plus la conquête (Ibid. t. III, p. 475). Такая точка зрѣнія даетъ реальность наукѣ. Исторія представляется для нея уже не чѣмъ-то случайнымъ, произвольнымъ, анормальнымъ, но постояннымъ стремленіемъ къ означенной цѣли, стремленіемъ, которое выражалось въ извѣстныхъ фактахъ, въ извѣстной хозяйственной и общественной организаціи, потому что *такія только комбинаціи* и допускала основная причина — состояніе человѣка, его сознаніе, пониманіе, которое имѣетъ проводникомъ волю. Такимъ образомъ указывается основная задача, которую всегда надо имѣть въ виду; — дать такія условія, при которыхъ было бы возможно расширеніе знаній человѣка, каждаго человѣка, развитіе его, улучшеніе трудовой способности, увеличеніе успѣшности труда. Всякая доктрина, всякая реформа, которая не имѣетъ въ основѣ усиленія продуктивности, другими словами, сокращенія издержекъ производства, дешевизны, возможно болѣе полнаго удовлетворенія нуждъ, всякая теорія такого сорта должна быть отвергнута, потому что она теряетъ изъ виду основу жизни.

Человѣкъ вышелъ изъ дикости для того только, чтобы въ продолженіи долгихъ вѣковъ быть каторжникомъ (forçat): теперь это шокируетъ наше нравственное чувство. Но люди были невѣжественны, находились въ рабскомъ отношеніи къ природѣ, а между тѣмъ давали полный разгулъ своимъ дѣятельнымъ ин-

стинктамъ, направляя ихъ на взаимную драку, истребленіе, уничтоженіе. Если эта драка оканчивалась не уничтоженіемъ, а порабощеніемъ, то это былъ уже громадный прогрессъ, потому что этимъ путемъ поддерживалась, сохранялась человѣческая порода, дикая еще, но предназначенная къ безконечному развитію. Поработители и порабощенные составляли общество, въ основѣ котораго, правда, лежала сила, закрѣпленная санкціей культа (союзъ теократическаго и военнаго элементовъ); но все же есть уже общество, значитъ есть возможность работать безъ перерывовъ, безъ вторженій, а, слѣдовательнс, и доставлять больше продуктовъ. Государство, эти побѣдители (грубая сила) организуютъ уже извѣстный socialer Zustand, установляютъ основныя начала хозяйства, производства и потребленія; слѣдовательно, уже здѣсь мы видимъ государственное хозяйство; здѣсь есть и финансы въ своеобразной формѣ — дани (tribut), которая поглощала весь продуктъ дѣятельности человѣка, оставляя ему только самое необходимое для жизни — strict nécessaire; налогъ цѣликомъ падалъ на производителя, закабаленнаго, естественнымъ жребіемъ котораго признавались послушаніе и работа. Имъ содержались высшіе классы общества — побѣдители, владыки, державшіе въ своихъ рукахъ солидарность, взаимность производителей, дававшіе имъ *миръ* (Dauer, Sicherheit). Вотъ первобытное государственное хозяйство и первобытные финансы. Съ этихъ грубыхъ начатковъ пошло развитіе. Результатъ его мы видѣли въ основномъ началѣ государственнаго хозяйства новаго Rechtsstaats, въ этомъ пока еще теоретическомъ требованіи, которое однако должно же осуществиться и въ жизни. Не въ предѣлахъ моей задачи слѣдить за постепеннымъ ростомъ общества, увеличеніемъ населенія, расширеніемъ производства, усложненіемъ связей между людьми, измѣненіемъ задачъ государственнаго хозяйства и способовъ покрытія общихъ затратъ (финансовъ). Развитіе человѣчества

есть прежде всего хозяйственное, а трудъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ исходный пунктъ всего хозяйства, развитіе котораго, слѣдовательно, можетъ имѣть мѣсто только съ измѣненіемъ положенія труда. Продуктивность же труда находится въ прямомъ отношеніи къ суммѣ знаній. Но въ теченіи долгаго историческаго прошлаго вовсе не было *истиннаго знанія*; различныя теоретическія построенія отворачивались отъ природы, не оказывали живительнаго вліянія на трудъ. Но тѣмъ не менѣе производство двигалось, населеніе возрастало, слѣдовательно трудъ дѣлался продуктивнѣе, значитъ расширялось, накоплялось знаніе, хотя и не было науки. Знаніе стояло еще на почвѣ эмпиризма, состояло изъ совокупности *примѣтъ* простыхъ людей, низшихъ классовъ, производителей. Эти примѣты, имѣвшія непосредственное примѣненіе къ жизни, къ различнымъ производственнымъ процессамъ, передавались изъ рода въ родъ и составляли основу производства. Подъ вліяніемъ накопленія этихъ примѣтъ, этихъ наблюденій, не приведенныхъ въ единство, въ систему, въ *научную* форму, хозяйство проходило свои фазы развитія: съ звѣроловнаго перешло на пастушеское, а за-тѣмъ явился бытъ земледѣльческій, осѣдлость. Вездѣ степенью знанія опредѣляется производственная сила человѣка, дающая возможность существовать большему или меньшему количеству населенія: извѣстно, сколько земли нужно для дикаря-звѣролова и сколько для осѣдлаго земледѣльца. Слѣдовательно, вопросъ объ излишкѣ населенія — вопросъ относительный: онъ является на сцену всегда, когда строй, основанный на данномъ приноровленіи къ природѣ, на данномъ развитіи производственной силы человѣка, оказывается не въ состояніи прокормить увеличивающееся населеніе, другими словами — когда предстоитъ необходимость новаго развитія продуктивности труда, новаго раскрытія внѣшней и внутренней природы. Если же мы видимъ, что подъ вліяні-

емъ рутиннаго, традиціоннаго накопленія разрозненныхъ и часто даже неосмысленныхъ наблюденій и опытовъ шло значительное развитіе хозяйства, которое выражается въ постепенномъ возрастаніи населенія, то ясно, что хозяйству предстоитъ безконечный, невообразимый разцвѣтъ, когда въ основѣ его будетъ лежать реальная, положительная *наука*, т. е. знаніе внѣшней природы, развитіе внутренней, раскрытіе разнообразныхъ свойствъ человѣка, власть его надъ природою и надъ самимъ собою, надъ своими вредными инстинктами (тогда можно полную признать отвѣтственность — responsabilité), успѣшность труда, хозяйственная самостоятельность и, какъ финалъ, свобода, которая въ исторіи идетъ рука объ руку съ продуктивностью труда. Признать теорію Рикардо о постоянно возрастающей скупости природы, о постепенномъ оскудѣніи ея даровъ, и доктрину Мальтуса о населеніи—значитъ признать, что съ извѣстнаго срединнаго пункта исторія человѣчества поворачиваетъ назадъ, т. е. къ рабству передъ природою и людьми (Кэри). Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, какой обширный полетъ приняла промышленность съ конца прошлаго столѣтія, т. е. со времени примѣненія научныхъ открытій къ производству. Извѣстно, съ другой стороны, что ходъ дѣлъ принялъ одностороннее направленіе и вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, реакцію. Въ прошломъ накопленіе знанія, какъ основы хозяйства, совершалось самыми же производителями, составляло достояніе трудящейся массы. Съ каждымъ значительнымъ шагомъ впередъ, съ ростомъ производства, увеличивалась и самостоятельность человѣка, совершалось постепенное освобожденіе его отъ рабства передъ природою и людьми: все это и развитіе, и освобожденіе, шло, если можно такъ выразиться, огуломъ, гуртомъ. Теперь обстоятельства перемѣнились: черная, реальная наука, находившаяся прежде именно вслѣдствіе своей реальности въ пренебреженіи, сдѣлалась достояніемъ го-

сподствующихъ классовъ, потому что подъ вліяніемъ постоянной смѣны безусловныхъ идеалистическихъ системъ развился скептицизмъ, поколебалась увѣренность въ надежности подобныхъ построеній, почувствовалась надобность въ твердой положительной наукѣ. Результатомъ научнаго движенія были изобрѣтенія, которыя не замедлили примѣнить къ производству и этимъ путемъ увеличить количество доставляемыхъ имъ продуктовъ. Такимъ образомъ, знаніе, какъ сила, возвышающая производительность хозяйства, труда, прошла мимо настоящаго, непосредственнаго производителя. Оно увеличило силы хозяевъ, высшихъ классовъ, подняло ихъ власть надъ трудомъ. Напротивъ, работникъ не получилъ развитія, не возросъ и въ самостоятельности, даже понизился, потому что усилились высшіе классы. Противуположность богатства и бѣдности стала болѣе рѣзкою; на мѣсто старинныхъ самостоятельныхъ мелкихъ ремесленниковъ явились пролетаріи, поденщики, автоматы, совершающіе извѣстныя однообразныя манипуляціи, однимъ словомъ люди, продающіе свой трудъ, какъ совокупность извѣстныхъ специфическихъ движеній. Ходъ исторіи, въ которомъ замѣчается постоянное, однообразное тяготѣніе къ увеличенію власти человѣка надъ природою (слѣдовательно, и къ ослабленію власти человѣка надъ человѣкомъ), къ постепенному освобожденію человѣка по мѣрѣ того, какъ трудъ настоящаго времени пріобрѣтаетъ все большую власть надъ сбереженіями изъ прошлаго труда, этотъ ходъ исторіи какъ-будто нарушился; капиталъ пріобрѣлъ преобладающее вліяніе. Прежнее, все-таки болѣе человѣчное воззрѣніе на трудъ, на работника, исчезло; въ самомъ дѣлѣ, вѣдь рабы, крѣпостные находились въ болѣе тѣсной связи съ своимъ господиномъ, между ними была болѣе видимая солидарность, чѣмъ между поденщикомъ и предпринимателемъ позднѣйшаго времени. Если машина является замѣною рабочей силы, гдѣ эта послѣдняя, вслѣдствіе утончен-

наго развитія раздѣленія труда, сводится къ самымъ однообразнымъ движеніямъ, то недалеко и до обратнаго вывода, что работникъ тоже только суррогатъ машины, гдѣ она не можетъ быть введена по различнымъ причинамъ. Проводится теорія, что трудъ есть такой же товаръ, какъ и всѣ другіе, что если поставщики этого товара (работники) желаютъ получать за него приличную цѣну, то должны держать предложеніе на уровнѣ съ требованіемъ. Но пролетаріи (какъ и низшія животныя) быстро размножаются; для уравненія спроса и предложенія выступаетъ на сцену положительная задержка Мальтуса — голодъ, моръ, страшная смертность, повальныя болѣзни. Съ другой стороны, опасные классы (les classes dangereuses) размножаются, посягательства на собственность учащаются, число оффиціальныхъ бѣдныхъ начинаетъ достигать ужасающей величины; дѣла западной Европы запутываются; трудъ все-таки, какъ показываетъ статистика, оказывается крайне мало производительнымъ; высшимъ классамъ приходится терпѣть застой въ дѣлахъ, спячку капиталовъ или уничтоженіе ихъ въ эпоху кризисовъ. Итакъ, намъ представляется заколдованный кругъ, въ которомъ бѣдность порождаетъ невѣжество, неуспѣшность труда, а ничтожная продуктивность ведетъ къ обѣднѣнію всего общества, къ стѣсненіямъ, застою. Конкурренція (утонченный видъ борьбы) часто влечетъ за собою разореніе мелкихъ предпринимателей и кончается тѣмъ, что уничтожаетъ сама себя, вырождается въ монополію. Положеніе дѣлъ становится тяжелымъ; чувствуется избытокъ населенія; начинаются переселенія, этотъ рутинный способъ рѣшенія общественной задачи; но онъ не годится. Надо найдти внутри выходъ изъ запутаннаго положенія. А мы уже знаемъ, на что должна бить реформа, чтобы оказать благодѣтельное вліяніе — дать развитіе трудовымъ силамъ и неразрывно связанное съ нимъ улучшеніе ихъ быта, которое въ нѣсколько кратъ воз-

наградится имѣющеюся увеличиться продуктивностью труда. Сами экономисты (А. Смитъ, даже Рикардо) признаютъ, что трудъ тѣмъ производительнѣе, чѣмъ щедрѣе онъ вознаграждается, что доходъ работника, слѣдовательно, можетъ быть признанъ мѣриломъ его развитія, мѣриломъ успѣшности труда. Итакъ, новая форма быта, новая хозяйственная и общественная организація должна дать производителю знаніе внѣшней природы, развитіе его разнообразныхъ качествъ, откуда въ свою очередь должно явиться сокращеніе издержекъ производства, дешевизна, наиболѣе полное удовлетвореніе нуждъ, общее довольство. Эта новая форма будетъ уже опираться на науку — естественную и общественную, будетъ идти параллельно съ ея требованіями, и поэтому представлять условія безконечнаго усовершенія, изъ котораго должно проистекать постоянное развитіе и улучшеніе человѣка. Всѣ его силы, громадныя, неистощимыя найдутъ себѣ самое достойное примѣненіе, пойдутъ на эксплуатацію внѣшней природы въ ея разнообразныхъ формахъ. Трудъ составляетъ неизбѣжное условіе человѣческой жизни, необходимое требованіе природы, естественное отправленіе. Жизнь каждаго человѣка полна чѣмъ-нибудь, постоянно занята; люди задаются самыми пустыми, призрачными цѣлями и преслѣдуютъ ихъ съ настойчивостью, даже самоотверженіемъ, несомнѣнно достойнымъ лучшаго приложенія. Если трудъ является синонимомъ рабства, то причина этого — его подневольность и чрезмѣрность. Напротивъ, трудъ не будетъ тягостью, когда онъ будетъ направляться къ цѣли, поставленной самимъ же трудящимся, когда каждый будетъ самостоятельно-хозяйствующимъ лицемъ, свободнымъ гражданиномъ. А къ такому положенію стремится естественный ходъ дѣлъ: «postepenno le pouvoir du travailleur sur la nature et sur lui-même s'accroît, mais le pouvoir des autres hommes sur lui diminue aussi constamment, et c'est ainsi qu'il passe de la con-

dition d'esclave à celle d'homme libre» (*Carey.* t. I. p. 533.). Все зависитъ отъ устройства отношеній между людьми, отъ той или другой организаціи, чтобы дѣйствительно получился такой результатъ. Plus l'organisation de la société est parfaite, plus est considérable la variété des appels faits à l'exercice des facultés physiques et intellectuelles, plus aussi s'élevera *le niveau de l'homme* considéré dans son ensemble. L'individualité se développe en même temps que la puissance d'association et prépare la voie à une combinaison d'efforts nouveaux et plus parfaits (*Carey.* t. I. p. 58). Общество, такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ задатки безконечнаго развитія, постояннаго обновленія. Надо только бросить старую, торную дорогу присвоенія, а выбраться и сознательно пойдти по пути труда, высокаго, благороднаго труда, въ распоряженіи котораго будетъ находиться арсеналъ знаній, т. е. оружія въ борьбѣ съ природою. А что можетъ быть величественнѣе этой борьбы и ея результатовъ — всеобщаго счастья, правды, мира? Все дѣло въ томъ, какъ выбраться на этотъ путь; и почтенные ученые, заподозрить которыхъ въ разрушительныхъ стремленіяхъ было бы верхъ нелѣпости, думаютъ, что нашему времени, когда всякая наука призывается служить для общества, предстоитъ сдѣлать первый трудный шагъ. Ассоціаціонное устройство производства, удовлетворяющее основному условію продуктивности — обезпеченію и развитію производителя, — вотъ что представляетъ наше время для разрѣшенія общественной задачи.

Вопросъ, какъ его обыкновенно формулируютъ, — найдти наилучшее отношеніе, въ какое должны быть поставлены трудъ и капиталъ, чтобы общество не испытывало вредныхъ послѣдствій, а получало бы наибольшую сумму счастья. Понятно, что для разрѣшенія его необходимо обратиться къ разсмотрѣнію роли, какую играютъ трудъ и капиталъ въ производствѣ, къ опредѣленію понятія «капиталъ». Трудъ, физическій и интел-

лектуальный, есть единственная производительная сила, единственный факторъ производства; старая теорія политической экономіи дѣлала грубую ошибку, когда возводила условія производства въ его источники — въ Güterquellen, въ selbständig produktive Kräfte. Различные предметы и вещества составляютъ для труда объекты — матеріалы или орудія. Капиталъ, по признанію всѣхъ экономистовъ, создается трудомъ, и слѣдовательно, какъ нѣчто созданное, не можетъ быть поставленъ рядомъ съ трудомъ, какъ съ чѣмъ-то даннымъ, независимо существующимъ; поэтому, какъ невозможно творца смѣшивать съ твореніемъ, такъ невозможно отождествлять трудъ и капиталъ. Какъ же можно, восклицаетъ Дицель, разсматривать, какъ самостоятельный источникъ новыхъ благъ и ставить на одну доску съ трудомъ — предметы, которые вызваны изъ ничего къ жизни только посредствомъ иниціативы труда? (S. 35). Вотъ это говорятъ всѣ экономисты; и тѣмъ не менѣе они очень скоро послѣ такихъ увѣреній начинаютъ утверждать, что капиталъ есть также производительная сила, что онъ въ значительной степени помогаетъ производству; въ самомъ дѣлѣ приводятся различные примѣры — пилы, рубанки и т. д. Но все это показываетъ или удивительное непониманіе, или подозрительную слѣпоту. Вѣдь пила есть результатъ человѣческаго труда, опиравшагося на знаніе и создавшаго пилу именно съ тою цѣлью, чтобы она помогала производству, потому что другаго употребленія изъ нея и придумать нельзя; слѣдовательно, производительность здѣсь не въ пилѣ, а въ знаніи человѣка, который произвелъ пилу, въ умѣньи человѣка, который обращается съ нею. Все дѣло въ томъ, что для того, чтобы снабдить производителя нужными матеріалами и орудіями, надо обратиться при извѣстномъ порядкѣ дѣлъ къ другимъ людямъ. Отношеніе между этими двумя лагерями строится по принципу силы; Маклеодъ (который выставляетъ задачею науки теоре-

тизированіе дѣйствительности) съ совершенною откровенностью вводитъ элементъ силы, власти въ свое индуктивное опредѣленіе цѣны (Основ. пол. эк. Глава II. Теорія цѣнъ). Такимъ образомъ, уже отсюда ясно, къ чему въ сущности приводится вопросъ о капиталѣ — «къ наиболѣе легкому, наиболѣе хозяйственному способу снабженія производителя необходимыми условіями производства». Исторія представляла различныя средства для этой цѣли, которыя обусловливались состояніемъ хозяйства. Пока человѣкъ удовлетворяется грубыми, сырыми предметами природы, потребленіе сейчасъ-же слѣдуетъ за производствомъ, или, другими словами, производство тотчасъ-же доставляетъ средства для удовлетворенія нуждъ. Но съ теченіемъ времени нужды человѣческія дѣлаются болѣе утонченными и требуютъ переработки продуктовъ, расширенія производства, раздѣленія его на отрасли, которыя всѣ доставляютъ предметы, нужные для *одного человѣка;* такимъ образомъ эти отрасли необходимо должны находиться между собою въ связи. Самое хозяйство можно, слѣдовательно, опредѣлить такъ: Die Vereinigung sämmtlicher Individuen eines Volks zu gemeinsamer Beschaffung der Mittel zur Befriedigung ihrer Bedürfnisse und Verwirklichung ihrer Zwecke durch die vereinigte, combinirte Thätigkeit Aller *(Dietzel)*. Необходимая связь между этими отдѣльными хозяйствами, большая или меньшая широта связей зависитъ отъ большаго или меньшаго развитія раздѣленія труда и обмѣна. Раздѣленіе труда лежитъ въ основѣ производства, представляетъ законъ его возрастанія; поэтому «jeder grosser Fortschritt der Arbeitstheilung ist daher eine Entwicklungsstufe der Volkswirthschaft». Мы должны посмотрѣть, какимъ образомъ измѣнялось значеніе капитала при этомъ послѣдовательномъ ходѣ народнаго хозяйства. Какъ скоро водворяется раздѣленіе труда, человѣкъ уже работаетъ не для себя, а для другихъ; часто даже онъ производитъ та-

кіе предметы, которые сами по себѣ негодны для удовлетворенія нуждъ, а представляютъ только переходныя ступени въ производствѣ полезностей, прямо идущихъ на такое удовлетвореніе. Въ этой послѣдовательной переработкѣ сырые матеріалы, извлеченные изъ земли, подвергаются постепенному оформленію (Umformung); пройдя чрезъ одну ступень, составляя продуктъ извѣстнаго промысла, они становятся матеріалами для другаго и т. д. — А между тѣмъ всякій отдѣльный производитель долженъ удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ, слѣдовательно, долженъ получать продукты самыхъ разнообразныхъ производствъ въ-обмѣнъ за продуктъ своего спеціальнаго занятія. Каждый нуждается въ поддержаніи своихъ силъ — въ потребленіи (Unterhaltsmittel); съ другой стороны, для произведенія своего спеціальнаго продукта, ему нужны матеріалы и орудія обработки (Verwandlungsstoffen, Hilfsstoffen, Werkzeuge). Каждый, слѣдовательно, является потребителемъ множества самыхъ различныхъ продуктовъ и производителемъ только одного, даже доли продукта. Отсюда уже ясно, что для того, чтобы хозяйство могло вестись на такихъ основаніяхъ, необходима сила, которая распредѣляла бы занятія между производителями и давала бы имъ средства производства изъ *общаго фонда*, изъ общей кассы, необходимы организаторы хозяйства, которые для этой цѣли употребляли разныя средства. Основное начало историческаго движенія хозяйства — возвышеніе успѣшности труда, сокращеніе издержекъ производства, дешевизна; ему должно подчиниться и означенное средство въ своемъ историческомъ развитіи. Распорядителями труда являются главы семействъ, патріархи и т. д., за-тѣмъ феодалы, въ наше время предприниматели. Всѣ они представляются владыками труда и его результатовъ; только подъ этимъ условіемъ и можно было придать имъ *личный интересъ* въ веденіи общенароднаго хозяйства; а слѣдовательно историче-

скія формы хозяйственной и общественной организаціи представляютъ *законныя явленія, необходимыя ступени развитія*. Итакъ, капитализацію можно опредѣлить такъ: это — приспособленіе существующихъ на-лицо благъ (т. е. вещей, посредственно и непосредственно удовлетворяющихъ нуждамъ) къ такому употребленію, которое, доставляя производителю удовлетвореніе его нуждъ (питаніе, если такъ можно выразиться), позволяло бы ему, снабдивъ его необходимыми матеріалами и орудіями, произвести *свою долю труда* въ общей суммѣ народнаго производства. Если, при такой точкѣ зрѣнія, мы назовемъ средства существованія, матеріалы и орудія — капиталомъ, то легко выводится извѣстное положеніе: «размѣръ промышленности (т. е. сумма народнаго богатства) зависитъ отъ величины капитала», на которомъ такъ настаиваетъ Милль въ-слѣдъ за Рикардо. Но не нужно терять изъ виду, что въ сущности скрывается за этимъ положеніемъ. Капиталъ, говоря математическимъ языкомъ, составляетъ функцію отъ двухъ перемѣнныхъ. Съ одной стороны, величина его (если можно въ настоящемъ случаѣ говорить о величинѣ) обусловливается суммою существующихъ благъ, т. е. состояніемъ труда — количественнымъ (т. е. чѣмъ большую пропорцію къ общей массѣ населенія составляютъ трудящіеся люди — производители) и качественнымъ (т. е. добротою и напряженностью рабочей силы). Съ другой стороны, величина капитала опредѣляется скоростью обращенія продуктовъ; чѣмъ меньше залеживаются названные промежуточные продукты, чѣмъ скорѣе поступаютъ они подъ дальнѣйшую переработку, а окончательно сработанные для потребленія, т. е. на служеніе цѣли, ради которой они созданы, — тѣмъ меньше находится въ застоѣ рабочая сила, тѣмъ меньше тратится по-пусту трудъ. Итакъ, чѣмъ лучше устроена эта организація хозяйства, передающая различные продукты изъ одной отрасли производства въ другую, другими сло-

вами, чѣмъ быстрѣе обращеніе и чѣмъ дешевле эта организація, т. е. чѣмъ меньше она поглощаетъ народнаго труда, чѣмъ меньшій вычетъ требуетъ она изъ общаго продукта страны — подъ именемъ процента, прибыли, — тѣмъ больше капиталъ народа, тѣмъ больше производство, тѣмъ полнѣе удовлетвореніе нуждъ. Вотъ какое объясненіе можно дать выставленному положенію. (Отсюда понятно, къ чему приводится теорія накопленія капиталовъ и какое значеніе приходится придать здѣсь сбереженію). Извѣстно, какія формы принимала организація хозяйства и какими средствами она пользовалась. Въ феодально-крѣпостномъ укладѣ общества организаторами хозяйства были феодалы-помѣщики, которые распредѣляли трудъ и продукты труда in natura. Этому быту соотвѣтствуютъ въ финансовомъ отношеніи натуральныя повинности, которыми оплачивались заботы феодаловъ и духовенства о мирѣ внѣшнемъ и внутреннемъ. Все хозяйство того времени сосредоточивалось въ помѣстьяхъ феодаловъ и дальше не шло. Нужды были немногосложны, трудъ былъ неразвитъ; царила полнѣйшая гомогенность. Единственная точка сближенія отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ (помѣстья) была опасность отъ различныхъ нашествій; поэтому преобладающая повинность была военная, *личная;* гомогенности соотвѣтствовалъ поголовный налогъ. Въ этомъ строѣ организаторская дѣятельность была очень проста. Но извѣстно, что съ теченіемъ времени раздѣленіе труда разширяется, и за натуральнымъ хозяйствомъ является *денежное,* средствомъ организаціи служатъ деньги. Роль денегъ—въ томъ, чтобы быть орудіемъ обмѣна, обращенія, т. е. способомъ соединенія капиталовъ. Чѣмъ дальше идетъ развитіе народнаго хозяйства (т. е. чѣмъ шире раздѣленіе труда), чѣмъ больше увеличивается населеніе и общая сумма продуктовъ, тѣмъ больше нужно денегъ для того, чтобы онѣ могли исполнять свою роль — соединеніе капиталовъ, обращеніе продукта въ капи-

талъ. А вѣдь деньги — сами продукты, т. е. они произведены трудомъ; слѣдовательно, чѣмъ больше надо денегъ, тѣмъ больше приходится затрачивать труда на циркуляцію, тѣмъ дороже она становится для общества; являются денежныя монополіи. Итакъ, съ расширеніемъ раздѣленія труда, съ усложненіемъ отношеній между производителями должно быть открыто новое средство для соединенія капиталовъ, для организаціи хозяйства. Такое средство есть *кредитъ*. Уже великій основатель политической экономіи называетъ деньги — убыточнымъ орудіемъ торговли и считаетъ всякое сбереженіе въ расходахъ на нихъ увеличеніемъ чистаго дохода общества; поэтому, при замѣнѣ денегъ кредитомъ полная стоимость великаго двигателя обращенія и распредѣленія цѣнностей присоединяется къ массѣ обращавшихся и распредѣлявшихся при его содѣйствіи товаровъ. (Collect. des princip. écon. t. V. pp. 349, 352, 358; т. II, стр. 24, 28, 35). Сравнивая деньги съ большою дорогою, по которой доставляются на рынокъ товары, Смитъ уподобляетъ кредитную систему воздушнымъ путямъ, которые даютъ возможность употребить подъ обработку землю, которая прежде была занята дорогою (т. II. стр. 77; t. V. p. 394). Итакъ, кредитъ есть новое, соотвѣтствующее дальнѣйшему развитію раздѣленія труда, т. е. дальнѣйшей ступени хозяйства, средство капитализаціи. Вотъ какъ характеризуетъ Дицель кредитъ: «Der Kredit macht es möglich, dass die wirthschaftliche Arbeit des Volkes den höchsten, unter den jederzeit gegebenen Verhältnissen möglichen Grad von Produktivität erreiche, indem er die Gesammtheit der Arbeitenden in den Stand setzt, sich in den (überlassenen) Besitz des ganzen vorhandenen Kapitales zu setzen, d. h. sich *mit den Gegenständen, an welchen und vermittelst welcher* die Arbeit stattfinden soll und allein stattfinden kann, *auf die vollkomenste Weise zu versehen*» (S. 23). «Der jederzeit mögliche Grad von Blüthe der Volkswirthschaft

beruht nun (abgesehen von dem Grade der Vollkommenheit, welchen die Arbeitskraft des Volkes erreicht hat), hauptsächlich darauf, dass stets das ganze vorhandene Kapital in productiver Anwendung sei, d. h. sich unter der Einwirkung der menschlichen Arbeitskraft, der wirthschaftlichen Thätigkeit der Menschen befinde. Dies ist nur möglich durch den Kredit» (*Dietzel.* S. 26). Въ этихъ строкахъ довольно ярко обрисовывается значеніе кредита для хозяйства. Но изъ признанія кредита еще не слѣдуетъ признаніе *вѣчной* необходимости процентовъ. Средства соединенія капитала — деньги, эти различные значки, другими словами, представители покупательной силы, сосредоточивались въ рукахъ высшихъ классовъ, организаторовъ хозяйства, которые брали себѣ львиную долю изъ общаго продукта производства (вспомнимъ опредѣленіе цѣны, данное Макклеодомъ, — nominor quia leo). А между тѣмъ подъ вліяніемъ конкурренціи, борьбы, только самые способные изъ членовъ этихъ высшихъ классовъ оказываются въ состояніи вести производство, производство уже въ большихъ размѣрахъ, слѣдовательно, требующее большаго капитала. Эти способные и получаютъ, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ покупательную силу всѣхъ остальныхъ, употребляютъ ее въ дѣло, ведутъ производство и выдѣляютъ изъ его продукта часть этимъ неспособнымъ людямъ, которые въ-силу такой своей неспособности и живутъ бездѣятельно, «пользуясь, какъ выражаются экономисты, законными плодами своего похвальнаго и въ высшей степени благодѣтельнаго для цѣлаго общества *воздержанія*». Такой порядокъ дѣлъ можетъ держаться при томъ предположеніи, что всѣ продукты, орудія и матеріалы производства составляютъ собственность отдѣльнаго отъ производителей класса, который ведетъ на свой счетъ производство, давая производителямъ средства, необходимыя для поддержанія жизни. Но этотъ порядокъ, съ теченіемъ времени, приходитъ къ

противорѣчію, потому что въ-концѣ убиваетъ основу всего— успѣшность труда. Слѣдовательно, чтобы человѣчество шло впередъ, трудъ долженъ получить большее развитіе, т. е. получить лучшую обстановку, увеличеніе вознагражденія, которое должно уменьшить рессурсы, находящіеся въ распоряженіи предпринимателей. Все дѣло въ томъ, что должна выработаться новая организація хозяйства; какъ на такую новую организацію указываютъ на ассоціаціонное устройство производства, которое можетъ дать работнику развитіе, обезпеченіе, увеличеніе продуктивности труда. При этихъ новыхъ условіяхъ, которыя сдѣлаютъ производителя самостоятельною силою, настоящимъ свободнымъ гражданиномъ, средство соединенія капиталовъ будетъ уже иного сорта. Капиталъ есть великое дѣло; къ нему должно относиться съ величайшимъ уваженіемъ; отвергать его нѣтъ никакой возможности. Ростъ хозяйства, какъ мы видѣли, находится въ прямой зависимости отъ увеличенія этой могучей силы. По разъединеніи производителей и капиталистовъ (какъ отдѣльныхъ членовъ предпріятія) оказываетъ то неудобство, что уменьшаетъ долю производителей въ общемъ продуктѣ страны и лишаетъ общество работниковъ, т. е. слѣдовательно противодѣйствуетъ увеличенію капитала. Дѣло соединенія капиталовъ или обращенія продукта въ капиталъ можетъ совершаться просто на просто посредствомъ обмѣна цѣнностей. Различныя прибыли, проценты имѣютъ свое основаніе въ томъ, что этотъ обмѣнъ нуждается въ особыхъ посредникахъ, которые сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ продукты труда разнообразныхъ промысловъ и надѣляютъ ими производителей. Слѣдовательно, стоитъ только производителямъ стать въ непосредственныя отношенія другъ къ другу, если не *лично*, то *корпоративно* (коллективно), и тогда посредники теряютъ свой raison d'être и должны стать въ ряды производителей, не теперешнихъ — неумытыхъ, забитыхъ и умственно, и нрав-

ственно, а будущихъ — развитыхъ, благородныхъ, — чтобы исполнить истинное назначеніе человѣка — трудъ. Прибыль, проценты исчезаютъ, потому что уходятъ въ вѣчность тѣ условія хозяйства, которыя вызывали эти явленія. Въ самомъ дѣлѣ, основаніе ихъ существованія въ томъ, что работникъ имѣетъ только одну свою трудовую силу, съ которою при настоящемъ развитіи производства онъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Ему остается одинъ выходъ — идти въ услуженіе (in den Dienst) къ человѣку, который даетъ ему средства для поддержанія жизни, снабжаетъ его матеріалами и орудіями. Работникъ, слѣдовательно, не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія въ хозяйствѣ; онъ разсматривается, какъ совокупность извѣстныхъ мускульныхъ усилій, движеній; поэтому рабочія силы составляютъ для предпринимателя такой-же капиталъ, какъ и машины. Центръ хозяйства — умственная дѣятельность предпринимателей; они — владыки общества; они доставляютъ средства содержанія государства при томъ условіи, что имъ вѣдь, по ученію экономистовъ, принадлежитъ весь продуктъ производства, за исключеніемъ безусловно необходимаго для существованія работниковъ. По этой причинѣ, понятно, налоги и не могутъ падать на работника; но если рабочая плата хотя нѣсколько возвышается надъ своимъ, такъ называемымъ, естественнымъ уровнемъ, налоги могутъ побивать весь этотъ излишекъ, т. е. снова низводить ее до долженствующаго положенія (minimum-а средствъ существованія. *Д. С. Миллъ*). На предпринимателей возлагается забота о снабженіи общества разнообразными благами жизни, — предметами необходимыми, полезными и пріятными. Ихъ дѣло взвѣсить потребности общества и возможно болѣе дешевымъ образомъ удовлетворить ихъ. Стимуломъ для дѣятельности предпринимателей, которые берутъ на себя риски предпріятій, служитъ надежда на барышъ (Gewinn) и на барышъ чрезвычайный, въ который вхо-

дитъ, какъ элементъ, рента. (Спекуляція есть мать производства, говоритъ Маклеодъ). Для веденія производства предпринимателю приходится сосредоточить въ своихъ рукахъ переработываемый матеріалъ, вспомогательные матеріалы, орудія, машины, оживить всѣ эти предметы прикосновеніемъ человѣческаго труда; всѣ эти элементы производства надо купить, слѣдовательно приходится запастись покупательною силой, другими словами, надо обладать капиталомъ въ обыденномъ значеніи этого слова, все равно — своимъ собственнымъ или занятымъ, лишь-бы имъ можно было *распоряжаться* по произволу и вымѣнивать на массу нужныхъ для производства предметовъ и на сумму *извѣстныхъ* трудовыхъ усилій (Arbeitseffecten), доставляемыхъ рабочими силами. Здѣсь кроется объясненіе процента. Негодовать на прибыль и процентъ, кричать о безнравственности, безсердечіи и т. п. едва-ли убѣдительно. Предлагать такіе регламентаціонно-механическіе планы, какъ передѣлъ состояній, конфискацію излишковъ (superflu) посредствомъ какого-нибудь прогрессивнаго налога значитъ реагировать на слѣдствія, пытаться остановить пущенную мельницу, дѣйствуя на крылья. Да и помимо нецѣлесообразности подобныхъ средствъ, надо помнить, что дѣло идетъ объ обращеніи съ живыми силами, составляющими общество; интересы, дѣйствительные, жизненные, сложившіеся исторически имѣютъ право на уваженіе, и едва-ли позволительно неразборчивое принесеніе ихъ въ жертву интересамъ, быть можетъ, болѣе теоретическимъ, даже не сознаваемымъ тѣми, отъ лица которыхъ они предъявляются. Но изъ признанія объяснимости и даже законности данныхъ фактовъ при извѣстныхъ условіяхъ еще не слѣдуетъ пастойчивое отрицаніе всякой возможности иныхъ условій, сопровождаемыхъ и иными обусловливаемыми явленіями. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, при ассоціаціонномъ устройствѣ производство, дѣло капитализаціи, можетъ быть устроено

самымъ простымъ и удобнымъ образомъ. Постепенный переходъ продуктовъ, какъ матеріаловъ, для новой переработки, совершается очень легко и свободно посредствомъ простой компенсаціи счетовъ, посредствомъ уравненія credit-a и debet-a (здѣсь обмѣнъ въ его чистомъ видѣ), потому-что главное дѣло въ томъ, чтобы изготовленные продукты не залеживались, а какъ можно скорѣе передавались для того, чтобы подвергнуться дальнѣйшимъ производственнымъ операціямъ, или для того, чтобы служить потребленію. Слѣдовательно, каждая ассоціація выпускаетъ извѣстное количество изготовленныхъ продуктовъ, каждая получаетъ извѣстное количество вещей въ видѣ средствъ существованія, матеріаловъ и орудій. Ясно, что здѣсь совершается обмѣнъ равныхъ цѣнностей; но ни о какомъ процентѣ не можетъ быть и рѣчи, потому-что производители сами становятся въ непосредственныя отношенія другъ къ другу. — Такимъ образомъ, мнѣ кажется, можетъ быть рѣшенъ важный вопросъ объ отношеніи труда и капитала. Итакъ, ассоціаціонное устройство производства удовлетворяетъ обоимъ основнымъ требованіямъ, которыя выставляются необходимыми условіями процвѣтанія хозяйства — развитію производственной силы труда и наилучшему способу обращенія продуктовъ въ капиталъ. — Но есть еще и другія основанія, которыя говорятъ въ его пользу. Вслѣдствіе закона раздѣленія труда, составляющаго фундаментъ историческаго развитія хозяйства, съ теченіемъ времени производство принимаетъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры. Единичные капиталы даже самыхъ крупныхъ предпринимателей оказываются недостаточными. Одинъ путь остается — прибѣгнуть къ коллективности, къ союзу труда и капитала, что вовсе не значитъ соединеніе работниковъ и капиталистовъ для совмѣстнаго производства. — Далѣе, ассоціація вытекаетъ и изъ пресловутаго начала экономистовъ — изъ прославляемой на разные лады конкурренціи. Сущность конкурренціи состоитъ въ томъ, что она сама себя

уничтожаетъ, и выраждается въ монополію, или преображается въ солидарность — въ ассоціацію, потому что противъ монополіи, доведенной до высшаго развитія, можетъ бороться только совокупность всѣхъ мелкихъ силъ, всѣхъ мелкихъ капиталовъ (?). — При ассоціаціонномъ строѣ можетъ быть достигнуто уравненіе спроса и предложенія, требованія и снабженія, отсутствіе котораго ведетъ къ кризисамъ, производящимъ, словно ураганы, огромныя опустошенія въ хозяйственномъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что сказать о положеніи общества, для котораго признается необходимымъ, чтобы излишекъ накопленія, основаннаго на вычетахъ изъ труда, періодически уничтожался посредствомъ кризисовъ; и все это для того, чтобы, по увѣренію самихъ-же экономистовъ, прибыль держалась на своемъ естественномъ уровнѣ и чтобы не нарушалось равновѣсіе хозяйства (см. Д. С. Милль). — Ассоціація даетъ окончательное рѣшеніе важному спорному вопросу объ относительномъ значеніи и преимуществахъ большой и малой обработки земли, большой и малой поземельной собственности. Тогда, быть можетъ, упразднится и вопросъ о поземельной рентѣ. — Наконецъ, при ассоціаціонномъ строѣ хозяйства, когда каждый работникъ становится гражданиномъ, потому что является самостоятельно хозяйствующимъ субъектомъ, когда водворяется солидарность, осуществляется возвышенная евангельская нравственность, — любовь къ ближнему, — тогда достигается и высокій идеалъ налога, идеалъ государства. «Въ общественной экономіи будущаго, говоритъ Кауцъ, придется принимать во вниманіе рядомъ съ благомъ цѣлаго — благо единичнаго лица, рядомъ съ матеріальною рабочею силою человѣка — его право на наслажденія, рядомъ съ трудомъ и прилежаніемъ работника — справедливое вознагражденіе и радости жизни; а вмѣстѣ съ тѣмъ все рѣшительнѣе придется признавать значеніе и необходимость гармоническаго согласія всѣхъ соціальныхъ и экономическихъ ин-

тересовъ, *соотвѣтствіе требованій и предписаній этики и экономики*». (*Kautz*, Ibid. S. 790). Налогъ является dette sacreé; die Staatsbürger zahlen die Steuern als *Gegenwerth* gegen die Genussgüter und Produktivdienste, welche sie vom Staate beziehen, d. h. sie tragen einen verhältnissmässigen Antheil zu ihrer Erzeugung bei (*Dietzel*. S. 155.). Тогда «die Hingabe von Gütern an die Gesammtwirthschaft ist keine *Belastung* für die Einzelwirthschaften, sondern diese selbst legen mit Bewusstsein und in wirthschaftlicher Absicht zu zweckmässigerer Verwendung ihrer neuen Kapitale einen Theil derselben in öffentlichen Werken oder zu Verbesserung der Verkehrsverhältnisse und überhaupt des socialen Zustandes an, ebenso wie sie einen andern Theil derselben in neuen Maschinen anlegen. Beide Theile werden sich gleichmässig in dem erhöhten Ertrage der späteren Produktion wieder *ersetzen*» (S. 79 —80). Въ самомъ дѣлѣ, если улучшенія производства, въ видѣ такъ называемаго постояннаго капитала, составляютъ основу для продолжительнаго извлеченія выгодъ, то улучшенія общественной машины, соціальныхъ отношеній даютъ непрерывные вѣчные плоды. Въ своей общественной организаціи нація имѣетъ («einen unermässlichen Fond, aus welchem sie täglich, stündlich, die werthvollsten Nutzungen zieht, indem sie damit tausendfache Bedürfnisse befriedigt und sich zugleich mit ihrer ganzen wirthschaftlichen Produktion auf denselben stützt». *Dietzel*. S. 112) «неизмѣримый фондъ, изъ котораго она ежедневно, ежечасно извлекаетъ неоцѣнимыя выгоды, посредствомъ котораго она удовлетворяетъ неизчислимыя потребности и на которомъ она зиждется со всѣмъ своимъ хозяйственнымъ производствомъ».

Вотъ какіе доводы можно привести въ пользу ассоціаціоннаго устройства производства, въ которомъ, надо замѣтить, нѣтъ ничего общаго съ старинным соціализмомъ, какъ его обык-

новенно понимаютъ. (О цѣляхъ, къ которымъ стремятся современныя общества въ дѣлѣ разрѣшенія вопроса о распредѣленіи богатства см. *Н. Х. Бунге*, Д. С. Милль какъ экономистъ, стр. 47). Соціализмъ съ его критикой и съ его идеалистическими построеніями, въ которыхъ людьми ворочаютъ какъ механическою массою и въ которыхъ личность до-нельзя стирается коллективностью, долженъ быть признанъ за «ein überwundener Standpunkt», роль котораго сыграна. Зародыши новаго ассоціаціоннаго строя видятъ въ скромныхъ и безобидныхъ соединеніяхъ рабочихъ для цѣлей потребленія и производства. Основательны ли упованія, которыя на нихъ возлагаютъ, выработается ли этимъ путемъ новая форма быта, — на это, разумѣется, безошибочный отвѣтъ можетъ дать только будущее. — Въ данномъ случаѣ я не имѣлъ въ виду вдаваться въ практическое обсужденіе различныхъ мѣръ, принятыхъ въ дѣйствительности для осуществленія ассоціаціоннаго движенія, и указывать на средства, облегчающія шествіе по этому пути. Я желалъ только показать на примѣрахъ относительность экономическихъ явленій: съ измѣненіемъ производственныхъ отношеній испытываетъ превращеніе цѣлая серія экономическихъ фактовъ, а въ томъ числѣ и факты финансовые — налогъ въ его различныхъ видахъ, его распредѣленіе, паденіе. . . . .

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
XXVIII	24	мнѣній физіократовъ — А. Смита,	мнѣній — физіократовъ, А. Смита,
57	26	вопросовъ	вопроса
62	15	что такая	что такое
72	5	вздороженіе	вздорожаніе
93	14	такъ, между тѣмъ	такъ,
94	9	т. е. неравенства колебанія,	т. е. неравенства, колебанія,
153	10	полную признать отвѣтственность	признать полную отвѣтственность
165	17	По разъединеніи	Но разъединеніе